

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
IR SCIENTISTS' HERALD

№2, 2024 (28)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
научно-аналитического журнала
«ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

Карпович Олег Геннадьевич, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, проректор по научной работе, заведующий кафедрой стратегических коммуникаций и государственного управления Дипломатической академии МИД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Сидорова Галина Михайловна, доктор политических наук, профессор, профессор Дипломатической академии МИД России, профессор Московского государственного лингвистического университета (ИНЯЗ им. Мориса Тореза), ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, эксперт Российской академии наук по политическим и международным проблемам.

ЧЛЕНЫ СОВЕТА

Бразил Дейлтон Рибейро, доктор философии в области права (Университет UNIME, Италия), кандидат юридических наук (Университет Гама Филью (UGF), Рио-де-Жанейро, Бразилия), доктор юридических наук (Университет Итауна (UIT); юридический факультет Святого Августина (FASASETE-AFYA), Бразилия)

Винокуров Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры дипломатии и консульской службы Дипломатической академии МИД России

Грибанич Владимир Михайлович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Гришаева Лидия Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университет им. М.В. Ломоносова

Данельян Андрей Андреевич, доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе и молодежной политике, заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России

Егоров Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России

Закаурцева Татьяна Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра евразийских исследований Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Зверева Татьяна Вадимовна, доктор политических наук, заведующая Центром евроатлантических исследований и международной безопасности

Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Иванов Олег Петрович, доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России

Каширина Татьяна Владиславовна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор Казанского федерального университета

Манойло Андрей Викторович, доктор политических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Ногмова Аделина Шафиковна, кандидат политических наук, доцент, декан факультета подготовки кадров высшей квалификации Дипломатической академии МИД России

Неймарк Марк Афроимович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России

Суглобов Александр Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Толмачев Петр Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики Дипломатической академии МИД России

Трунцевский Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Феофанов Константин Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России

Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Штоль Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, главный редактор научно-аналитического журнала «Обозреватель-Observer», член научного совета при Совете безопасности Российской Федерации

Шулёпов Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист России, член научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации

Шутов Анатолий Дмитриевич, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

EDITORIAL COUNCIL
Scientific and Analytical Journal
“IR SCIENTISTS’ HERALD”

CHAIRMAN OF THE BOARD

Oleg Karpovich, Doctor of Sciences (Law, Political Science), Professor, Vice-Rector for Research of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Honored Worker of Science of the Russian Federation

DEPUTY CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD

Galina Sidorova, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Professor of the Moscow State Linguistic University (Maurice Thorez Institute of Foreign Languages), Leading Researcher of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, expert of the Russian Academy of Sciences on political and international problems.

MEMBERS OF THE BOARD

Alexander Shirinyants, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the Department of the History of Social and Political Studies at the Faculty of Political Science at the Lomonosov Moscow State University

Alexander Suglov, Honored Economist of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation

Anatoly Shutov, Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation

Andrey Danelyan, Doctor of Sciences (Law), Professor, Vice-Rector for Education and Youth Policy, Head of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Andrey Manoylo, Doctor of Sciences (Political Science), Professor of Lomonosov Moscow State University.

Adelina Nogmova, Ph.D. (Political Science), Associate Professor, Dean of the Faculty of Highly Qualified Personnel Training Candidate of Political Sciences of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Deilton Ribeiro Brasil, Post Ph.D. in Law from UNIME, Italy. Ph.D. in Law by University Gama Filho (UGF), Rio de Janeiro. Law Scholar in Masters and Doctorate degrees in Fundamental Rights at University of Itaúna (UIT) and at the Faculties of Law Saint Augustine (FASASETE-AFYA), Brazil, South America

Konstantin Feofanov, Doctor of Sciences (Political Science), Vice Chair of the Department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Lidiya Grishaeva Doctor of Sciences (History), Professor of the Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow

Mark Neimark, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Nikolay Shulepov, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor, Member of the Scientific Advisory Council at the Supreme Court of the Russian Federation

Oleg Ivanov, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Deputy Head of International and National Security Department of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Petr Tolmachev, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor of the Department of World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Sergey Egorov, Doctor of Sciences (Law), Professor of the Department of International Law of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Kashirina, Doctor of Sciences (History), Professor

Tatyana Zakaurtseva, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher of the Center of Eurasian Studies of the Institute for Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Tatyana Zvereva, Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Center for Euro-Atlantic Studies and International Security of the Institute For Contemporary International Studies (ICIS) of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Valeriy Letyaev, Doctor of Sciences (Law), Ph.D. (History), Professor of the Kazan Federal University

Vladimir Gribanich, Doctor of Sciences (Economics), Professor of the Department of the World Economy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Vladimir Shtol, Doctor of Sciences (Political Science), Editor-in-Chief of the Scientific and Analytical Journal «Observer», Member of the Scientific Council at the Security Council of the Russian Federation

Vladimir Vinokurov, Doctor of Sciences (History), Professor of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Yuri Truntsevsky, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

ВЕСТНИК УЧЕНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

Научный периодический электронный журнал «Вестник ученых-международников» издается Советом молодых ученых Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации с 2017 г. Публикуется ежеквартально. Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, мировой экономики и международного права, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

«Вестник ученых-международников» включен в РИНЦ и перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК):

- 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки),
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Изданию присвоен номер **ISSN: 2687-0193**

Периодичность: выходит 4 раза в год и распространяется в Российской Федерации.

Научный руководитель

О.Г. Карпович, д. полит.н., д. юр.н.

Редакционная коллегия журнала

Р.Н. Шангараев – главный редактор, д. полит.н., к.эк.н.

О.А. Тимакова – заместитель главного редактора, к.полит.н.

И.О. Анисимов – редактор, к.юр.н., ученый секретарь

В.Б. Козюлин – научный редактор, к.полит.н.

Н.С. Белякова – редактор, к.полит.н.

А.А. Кашина – редактор, к.полит.н.

Д.О. Мартынова – редактор, к.полит.н.

Е.Е. Гуляева – редактор, к.юр.н, редактор журнала *Скопус* (Бразилия)

Н.А. Фаустова – редактор, к.филол.н.

М.Ю. Гордеева – редактор, корректор

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ЭЛ № ФС 77 – 77083 от 20.11.2019 (предыдущее название: «Вестник молодых ученых-международников», ЭЛ № ФС 77-69319 от 06.04.2017 г.).

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Редакция журнала не несёт ответственности за высказанные авторами публикаций точки зрения на происходящие в России и в мире политические процессы, события, явления.

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

IR SCIENTISTS' HERALD

The scientific periodical electronic journal IR SCIENTISTS' HERALD is published quarterly. The magazine is designed for professional researchers, analysts, practitioners in the field of international relations, world economy, international law, and a wide range of readers interested in Russian and foreign policy.

IR SCIENTISTS' HERALD is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main results of dissertations for the degree of Ph.D., for the degree of Doctor of Science should be published:

5.1.5. International legal sciences

5.5.2. Political institutions, processes, technologies

5.5.4. International relationships, global and regional studies

ISSN: 2687-0193

Periodicity: published 4 times a year (quarterly) and distributed in the Russian Federation.

Scientific adviser

Professor O.G. Karpovich, Doctor of Sciences (Political Science), Doctor of Sciences (Law)

Editorial Board of the Journal

R.N. Shangaraev – Editor in Chief, Doctor of Political Science

O.A. Timakova – Deputy Editor in Chief, Ph.D. (Political Science)

I.O. Anisimov – Editor, Ph.D. (Law), Executive Secretary

V.B. Kozulin – Scientific Editor, Ph.D. (Political Science)

N.S. Belyakova – Editor, Ph.D. (Political Science)

A.A. Kashina – Editor, Ph.D. (Political Science)

D.O. Martynova – Editor, Ph.D. (Political Science)

E.E. Gulyaeva – Editor, Ph.D. (Law), Scopus (Brasil)

N.A. Faustova – Editor, Ph.D. (Philological Science)

M.Y. Gordeeva – editor, proofreader

The publication is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor), registration number of **EL№FS 77 – 77083, November 20, 2019** (Old name: IR Young Scientists' Herald EL No. FS 77-69319, April 6, 2017).

Copyrights to the published materials belong to the editorial staff of the magazine and the authors of the articles. The editorial position does not necessarily coincide with the opinion of the authors. Reprinting of materials without permission of the editorial board is prohibited. Reference while using materials is obligatory. The editorial board of the journal is not responsible for the opinions expressed by the authors of the publications on the political processes, events and phenomena occurring in Russia and in the world.

E-mail address: vestnik-smu-da@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Шангараев Р.Н., Ивочкина А.С.* Геостратегические перспективы Турции в евразийской интеграции стран Центральной Азии 11
- Назирмадов А.Б.* Урегулирование палестино-израильского конфликта и ближневосточный вектор внешней политики США при администрациях Д. Трампа и Дж. Байдена 19
- Маматханов Р.С.* Политика США в отношении Китая и России при администрации Дж. Байдена в оценке «мозговых центров» США 34
- Виноградова К.А.* Перспективы сотрудничества России и Турции в энергетической сфере на примере строительства АЭС «Синоп» 52
- Ногмова А.Ш., Бедаев А.И.* Арктическое направление в китайско-российских отношениях: политико-экономический аспект 66
- Сидорова Л.Н.* Украина и Беларусь в западных концепциях по ослаблению России 73
- Глубокая О.А.* Внутренние контексты и внешнеполитические приоритеты современной Италии 87

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ИНСТИТУТЫ, ТЕХНОЛОГИИ

- Живора Н.П.* Психология в дипломатии (на примере гуманистической теории А. Маслоу) 105
- Оливера Захаров С.Х.* Партийная борьба и перспективы формирования государственной идеологии Перу 125
- Шангараев Р.Н.* Роль зарубежных СМИ в формировании образа России: исторический анализ и современное состояние 134
- Раджабова А.М.* Влияние внешнеполитических рисков на принятие управленческих решений 149

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

- Нафиков И.З., Шайдуллина А.Р.* Формирование национальной системы образования в Османской империи в условиях междивизиационного взаимодействия Востока и Запада 158

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Комендантов С.В., Кольцов О.О.* Применимость и адаптация «Кодекса безопасности ядерных торговых судов» 177
- Велиев Б.Я.* К вопросу о понимании правовой категории государственного нейтралитета 192

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- Бочков Д.А.* Экономические отношения Китая и Индии в контексте формирования Индо-Тихоокеанского региона 203

Трибуна молодых ученых

- Кургинова Д.* Россия в трудах японских азиатистов конца XIX – начала XX века 220

- К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ* 229

CONTENT

INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Ruslan N. Shangaraev, Anna S. Ivochkina</i> Türkiye's Geostrategic Prospects in the Eurasian Integration of Central Asian Countries	11
<i>Akobir B. Nazirmadov</i> Settlement of the Palestinian-Israeli Conflict and the Middle East Vector of US Foreign Policy under the Administrations of D. Trump and J. Biden	19
<i>Rodion S. Mamatkhanov</i> US Policy Towards China and Russia under the Administration of J. Biden in Assessments of US “Think Tanks”	34
<i>Kamilla A. Vinogradova</i> Prospects for Cooperation between Russia and Türkiye in the Energy Sector on the Example of Construction of the Sinope NPP	52
<i>Adelina Sh. Nogmova, Alexander I. Badaev</i> Arctic Direction in Sino-Russian Relations: Political and Economic Aspect	66
<i>Lidiia N. Sidorova</i> Ukraine and Belarus in Western Concepts on Weakening Russia	73
<i>Olga A. Glubokaya</i> Internal Contexts and Foreign Policy Priorities of Modern Italy	87

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<i>Nadezhda P. Zhivora</i> Psychology in Diplomacy – on the Example of A. Maslow’s Humanistic Theory	105
<i>César Javier Olivera Zakharov</i> Party Struggle and Prospects for the Formation of the State Ideology of Peru	125
<i>Ruslan N. Shangaraev</i> Role of Foreign Media in the Formation of the Image of Russia: Historical Analysis and Current State	134
<i>Anna M. Radzhabova</i> Influence of Foreign Policy Risks on Managerial Decision Making	149

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS
AND FOREIGN POLICY

<i>Ilsur Z. Nafikov, Amina R. Shaidullina</i> Formation of National Education System in the Ottoman Empire in the Conditions of Intercivilizational Interaction between “East and West”	158

INTERNATIONAL LAW

<i>Sergey V. Komendantov, Oleg O. Koltsov</i> Applicability and Adaptation “The Code of Safety for Nuclear Merchant Ships”	177
<i>Begench Ya. Veliyev</i> On the Issue of Understanding the Legal Category of State Neutrality	192

WORLD ECONOMICS

<i>Danil A. Bochkov</i> Economic Relations of China and India in the Context of Formation of the Indo-Pacific Region	203

YOUNG SCIENTISTS’ TRIBUNE

<i>Daria Yu. Kurginova</i> Russia in the Works of Japanese Asiatists of the Late XIX – Early XX Century	220

<i>NOTICE TO THE AUTHORS</i>	229

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Шангараев Руслан Насимович,

д.п.н., доцент кафедры стратегических коммуникаций
и государственного управления,

Дипломатическая академия МИД России,

Shang143@mail.ru

Ивочкина Анна Сергеевна,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России,

petukhova-anna@mail.ru

Ruslan N. Shangaraev,

Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor at the Department

of Strategic Communications and Public Administration,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs

of the Russian Federation,

Shang143@mail.ru

Anna S. Ivochkina,

Postgraduate Degree Student,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs

of the Russian Federation,

petukhova-anna@mail.ru

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ТУРЦИИ В ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

TÜRKIYE'S GEOSTRATEGIC PROSPECTS IN THE EURASIAN INTEGRATION OF CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Аннотация: современная Центральная Азия, в силу богатства природными ресурсами, а также стратегического положения, находится в центре внимания тех, кто зачастую противостоит друг другу на международной арене. Каждый из акторов, в том числе Турция, пытается вовлечь регион в орбиту своих геостратегических интересов.

Ключевые слова: Турция, Центральная Азия, геостратегические интересы, евразийская интеграция.

Abstract: modern Central Asia, due to its wealth of natural resources, as well as its strategic position, is the focus of attention of those who often confront each other in the international arena. Each of the actors, including Turkey, is trying to involve the region in the orbit of its geostrategic interests.

Keywords: Turkey, Central Asia, geostrategic interests, Eurasian integration.

Сейчас игроками, выдвигающими самые глобальные идеи геостратегической евразийской интеграции, выступают Москва, Пекин и Анкара. Все они предлагают собственные проекты, за которыми стоят идеологические сценарии будущего для Центральной Азии: продвигаемый Россией Евразийский экономический союз (ЕАЭС), китайский «Один пояс – один путь» и турецкая идея пантюркизма – Организация тюркских государств. Каждая из сторон предпринимает попытки перестроить систему региональных отношений [6].

На современном этапе «для Турецкой Республики существует три возможных перспективных варианта интеграционных взаимодействий: Ближний Восток, Европа и Евразийский регион. Концепция евразийской интеграции занимает важное место в политических дискуссиях турецкой политической элиты и воспринимается как один из основных векторов развития экономической и геополитической стратегии государства» [11].

Эффективность в сфере международного сотрудничества, как и сбалансированность внутренних национальных интересов, находится в прямой зависимости от официального положения государства на мировой арене, а также от экономических и политических возможностей международного актора. Внешнеполитический курс государства на современном этапе развития может достигать поставленных целей и решать возникающие проблемы только в том случае, когда политика и экономика являются взаимосвязанными элементами единого механизма внешней политической деятельности.

Учитывая культурные, географические, экономические, этнические и исторические связи Турции с СНГ, странами Кавказа и Центральной Азии, в том числе теми, которые объединены в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) [1], можно отметить, что с позиции геополитики Российская Федерация, Китай и Турецкая Республика – важнейшие страны региона. В связи с этим результаты противостояния или сотрудничества между указанными странами оказывают прямое влияние на политическую ситуацию

в регионе.

Руководство Турции стремится к ревизии региональных порядков и пытается оказывать влияние на события, происходящие в Европе, на Ближнем Востоке и в Средней Азии.

Турецкий вектор интеграции для Центральной Азии представляет собой некий гибрид российского и китайского проектов сотрудничества. С одной стороны, наблюдается попытка создать межгосударственное объединение, военно-политический союз, основанный на историко-культурной общности. С другой стороны, моделируется новое экономическое пространство, основанное на инновациях. То есть экономические и технологические образы будущего почти дублируют друг друга. Отличие состоит лишь в том, какая идеология станет более убедительной, насколько велики будут усилия тех или иных держав по ее продвижению. Наряду с перспективами ближайшего будущего оказался важен и образ прошлого. В итоге турецкий пантюркизм конкурирует с проектом «Один пояс – один путь» и Евразийским экономическим союзом. А региональные попытки дипломатического диалога формата C5 и C5+ представляют собой скорее площадку для конкуренции за инициативу со стороны мировых держав [6].

Что касается сотрудничества Турции и ЕАЭС, то желание партнерства со столь крупным интеграционным проектом можно объяснить следующим: население Евразийского экономического союза составляет приблизительно 179 млн человек, валовой внутренний продукт (ВВП) – 1,9 трлн долл., то есть ЕАЭС является крайне привлекательным рынком для турецкой экономики.

Концепция евразийской интеграции занимает важное место в политических дискуссиях в Турецкой Республике. Она воспринимается как один из основных векторов развития геополитической стратегии государства, поэтому республика активно налаживает двусторонние связи с большинством участников – членов Евразийского экономического союза [10].

Интерес Турции к региону детерминировался ценностными и прагматическими факторами. К первой категории можно отнести культурно-

психологическую предрасположенность: и средства массовой информации, и общественное мнение Турции крайне позитивно восприняли развитие дружбы с тюркскими народами Центральной Азии и Кавказа. Ко второй – традиционные геополитические расчеты повысить значение Турции в глазах Запада и создать конкретные сферы влияния в регионе на базе тесных связей с независимыми тюркскими республиками. Однако очевидная ограниченность экономического потенциала турецкого влияния на регион вызвала переоценку евразийского вектора внешней политики Турции, смещение акцентов в сторону экономики и энергетики – превращение турецкого евразийства в геоэкономический концепт [11].

Анализ торгово-экономических связей между государствами – членами ЕАЭС и Турецкой Республикой показывает, что современные мировые политические процессы осложняют экономические взаимоотношения между странами.

Турция по геополитическим характеристикам обладает важным статусом в международных отношениях, однако ей необходимо снижать зависимость от Запада, самостоятельно выработать внешнеполитический курс на основе системы баланса сил. Подобный курс позволит Турецкой Республике не только наладить торгово-экономические отношения с отдельными странами Евразийского экономического союза, но и выйти на новый наднациональный уровень своего партнерства [9].

Центральная Азия представляет стратегическую ценность для России, Китая и Турции [4]. Москва, Пекин и Анкара не заинтересованы в бесконтрольном усилении внерегиональных держав вблизи своих границ, они видят перспективу в развитии крупных инфраструктурных проектов, делают ставку на стабильность и невмешательство во внутренние дела друг друга [7].

Их сотрудничеству в этом регионе благоприятствует целый ряд объективных факторов:

— выгодное географическое положение Турецкой Республики, которая осуществляет контроль за черноморскими проливами и является

своеобразным мостом между Европой и Азией. Данный факт перед Россией, Китаем и странами Центральной Азии открывает дополнительные возможности по реализации собственных политических и стратегических интересов;

— взаимоотношения России, Китая и Турции способствуют уменьшению в регионе напряженности посредством продвижения проектов региональной кооперации, создания атмосферы доверия и взаимной заинтересованности всех участников интеграционных процессов;

— Россия, Китай и Турция, являясь крупными евразийскими государствами с многочисленным мусульманским населением, способны стать посредниками в налаживании отношений между Западом и странами Центральной Азии, миром ислама;

— благоприятное восприятие в Центральной Азии России, Китая и Турции обусловлено их более сдержанной по сравнению с подходом стран Запада и достаточно нейтральной позицией в отношении региональных внутривластных процессов (демократические преобразования, выборы, «цветные революции», права человека и пр.).

«Перспективы для российско-китайско-турецкого взаимодействия открываются по нескольким направлениям. Во-первых, это сотрудничество в рамках евразийской интеграции (ШОС, ОДКБ и ЕАЭС), особую роль в которой могут сыграть государственные структуры и экономические министерства России и Казахстана, которые наиболее заинтересованы в интенсификации торгово-экономических отношений, развитии энергетической сферы, сферы туризма. Во-вторых, это энергетические проекты с участием центральноазиатских государств-экспортеров (Туркменистана, Казахстана, Узбекистана), России, а также Турции, являющейся транзитером энергоресурсов в Евразии и Китая, который является крупнейшим потребителем энергоресурсов. В-третьих, это сотрудничество дипломатических и военных ведомств Турции и России в области поддержания безопасности в регионе» [5].

Фактически все российские, китайские и турецкие интеграционные проекты предлагают схожие образы будущего Евразийского региона: новые технологии, цифровые города, суперинфраструктуру. Но различия заключаются в идеологической составляющей. Концепты Шелкового пути, Великого и Малого Турана или евразийской интеграции наслаиваются друг на друга, создавая в отдельных случаях сопряжения, позволяющие достигать геостратегических целей, обеспечивать региональную безопасность и эффективно развивать экономику региона. Именно отсылки к концептуальному видению евразийской интеграции региональных и внерегиональных акторов создают потенциал контрпродуктивных решений и недоверия. На это обращают внимание американские и европейские аналитики, формируя концепции синофобии и русофобии в современных центральноазиатских государствах. Центральная Азия стремительно трансформируется под влиянием множества внешних факторов. Это важно учитывать, особенно при взгляде из России, которая традиционно апеллирует к евразийству [8].

Центральная Азия становится местом, где возможно сопоставление нескольких разных пространств, которые могут быть несовместимы друг с другом, например Туран и ЕАЭС. Причем в условиях кризиса системы международных отношений ЕАЭС обнаружил жизнеспособность, в отличие от полуутопичной идеи пантюркизма. Но на уровне геополитической идеологии Турция опирается на весьма мощный ресурс – этнонациональную и историко-культурную идентичность. И данный формат сталкивается на одной и той же территории с китайской геоэкономической проекцией «Пояса и пути», декларирующей ценности совсем иного порядка [3].

«Под влиянием геополитических игроков, выступающих инициаторами интеграции, формируется гетерохрония. Описываемый регион представляет собой сочетание государств, где политическое время, или, если угодно, репертуар общественно-политических формаций, сильно различается. Эта неравномерность не позволяет ни одному из рассмотренных сценариев

интеграции стать доминирующим и вытеснить остальные. Но ни один из проектов и не будет свернут, поскольку каждый опирается на солидный историко-культурный и политико-экономический фундамент» [6].

На данный момент представить глубокую интеграцию стран Центральной Азии (ЦА) между собой без участия Москвы, крупного регионального игрока, довольно сложно. Тем не менее, учитывая быстро меняющийся мир, вариант определенной интеграции России, Китая, Турции и стран ЦА по геостратегическим интересам вполне возможен. Такая позиция оказывает влияние на политику и другие секторы. От сотрудничества с Москвой страны региона также получают позитивный экономический эффект [2].

Взаимовыгодное сотрудничество России, Китая, Турции и центральноазиатских стран, учитывающее интересы всех сторон, способствует интеграционному развитию экономических и политических отношений, обеспечивает энергетическую стабильность, содействует укреплению взаимного доверия и сближению позиций по большому спектру вопросов в Евразии, способствующих усилению геополитического влияния Москвы в данном регионе.

Список литературы

1. Бельянинов А.Ю., Мантусов В.Б. Интеграция стран СНГ: этапы, условия и предпосылки взаимодействия. М., 2012; Мантусов В. Б. Посредничество в мирохозяйственных связях: сущность, современные методы и формы. Учебное пособие. М., 2012.
2. Ивочкина А.С. Турецко-китайское взаимодействие в рамках инициативы «Нового шёлкового пути» // Дипломатическая служба. 2023. № 3. С. 197-206.
3. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. Центральная Азия в контексте современной геополитики на евразийском пространстве // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 6. С. 65-72.
4. Малышева Д.Б. Центральноазиатский узел мировой политики. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 66.
5. Мантусов В.Б. Международная экономическая интеграция в современных мирохозяйственных отношениях. М.: Юнити-Дана, 2012. 64 с.
6. Михалёв А.В., Рахимов К.К. Евразия с точки зрения Фуко // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 1. С. 98–111.

7. Ногмова А.Ш. Геополитические перспективы современной российской политики в Каспийском регионе // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. № 4 (14). С. 85-95.
8. Шангараев Р.Н. Идеологические аспекты внешней политики Турции // Обозреватель. 2017. № 11 (334). С. 73-82.
9. Шангараев Р.Н. Россия во внешней политике Турции // диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук / Институт Африки РАН. Москва, 2023.
10. Шангараев Р.Н., Ивочкина А.С. Центральная Азия в геополитическом пространстве Евразии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 11 (104). С. 4661-4669.
11. Шлыков П. В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции. DOI 10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76 // Сравнительная политика. 2017. № 8 (1) С. 58–76.
12. Карпович О.Г. Цветная «революция зонтиков» в Гонконге: начало «китайской весны» // Национальная безопасность / Nota Bene. 2014. № 6 (35). С. 990-996.

Назирмадов Акобир Баходурович,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России,

akobir.nazirmadov@mail.ru

Научный руководитель:

Тимакова Ольга Александровна,

к.п.н., доцент кафедры политологии и политической философии,

Дипломатическая академия МИД России

Akobir B. Nazirmadov,

Postgraduate Degree Student,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,

E-mail: akobir.nazirmadov@mail.ru

Scientific Advisor:

Olga A. Timakova,

Ph.D. (Political Science), Associate Professor at the Department

of the Political Science and Political Philosophy,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

УРЕГУЛИРОВАНИЕ ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА И БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США ПРИ АДМИНИСТРАЦИЯХ Д. ТРАМПА И ДЖ. БАЙДЕНА

SETTLEMENT OF THE PALESTINIAN-ISRAELI CONFLICT AND THE MIDDLE EAST VECTOR OF US FOREIGN POLICY UNDER THE ADMINISTRATIONS OF D. TRUMP AND J. BIDEN

Аннотация: в статье рассматриваются особенности ближневосточной политики США при двух последних президентских администрациях в контексте потенциального разрешения палестино-израильского конфликта.

Конфликт между Государством Израиль и непризнанным Государством Палестиной имеет длительную историю и до сих пор остается неразрешенным. Данное противостояние оказывает большое влияние на развитие военно-политических процессов на Ближнем Востоке, становясь одной из основных тем при обсуждении вопросов региональной безопасности и стабильности. Палестино-израильский конфликт играет немалую роль в формировании внешнеполитической стратегии великих держав в регионе. США, являясь одним из самых влиятельных игроков на Ближнем Востоке, активно вовлечены в региональные политические процессы. Потенциальное разрешение конфликта во многом зависит от позиции Соединенных Штатов Америки, так как именно они остаются одним из наиболее могущественных политических акторов в регионе. В данной статье рассматриваются основные меры, предпринятые властями США по урегулированию палестино-израильского конфликта за последние семь лет.

На текущий момент возможность урегулирования конфликта между Израилем и Палестиной может рассматриваться лишь в долгосрочной перспективе ввиду отсутствия реалистичной формулы для урегулирования конфликта, которая устраивала бы обе стороны. В свою очередь, США, предлагая различные способы прекращения противостояния, во многом опираются на те варианты, которые устраивают Израиль – главного регионального союзника Вашингтона. В таких условиях урегулирование конфликта в краткосрочной или среднесрочной перспективах маловероятно.

Ключевые слова: конфликт, внешняя политика, дипломатия, формула двух государств, США, Израиль, Палестина.

Abstract: the article examines the features of US Middle East policy under the last two presidential administrations in the context of a potential resolution of the Palestinian-Israeli conflict.

The conflict between the state of Israel and the unrecognized state of Palestine has a long history, and at the moment it still remains unresolved. This confrontation has a great influence on the development of military-political processes in the Middle East, becoming one of the main topics when discussing issues of regional security and stability. The Palestinian-Israeli conflict plays a significant role in shaping the foreign policy strategy of the great powers in the region, and the United States, as one of the most influential players in the Middle East, is no exception. The potential settlement of the conflict largely depends on the position of the United States of America, since the United States is one of the most powerful political actors in the region. This article examines the main measures taken by the US authorities to resolve the Palestinian-Israeli conflict over the past seven years.

At the moment, the possibility of resolving the conflict between Israel and Palestine can only be considered in the long term due to the lack of a realistic formula for resolving the conflict that would suit both sides. The United States largely relies on options that suit Israel - Washington's main regional ally - when it comes to offering various options for ending the confrontation. In such conditions, conflict resolution in the short or medium term is unlikely.

Key words: conflict, foreign policy, diplomacy, two-state formula, the USA, Israel, Palestine.

Введение

Противостояние между Израилем и Палестиной является одним из самых трудноразрешимых конфликтов на Ближнем Востоке. На протяжении десятилетий обе стороны пытаются достичь справедливого мира при участии различных посредников, однако добиться устойчивого мира и стабильности на территории исторической Палестины так и не удалось. В течение нескольких последних десятилетий Соединенные Штаты Америки, будучи одним из самых влиятельных политических игроков в регионе, неоднократно пытались

урегулировать конфликт дипломатическим путем, однако безуспешно. Тем не менее, учитывая важность палестино-израильского вопроса, администрации Д. Трампа и Дж. Байдена уделяли ему особое внимание, пытаясь найти компромисс и убедить все стороны конфликта прийти к соглашению. При этом на подход американских властей серьезно влияет ряд иных факторов, в числе которых можно выделить как влиятельное произраильское лобби, так и исторически тесные связи между США и Израилем, что делает США в глазах ряда политических акторов и исследователей данного вопроса далеко не беспристрастной силой, что сказывается на развитии всех мирных инициатив. Вопросы, связанные с тем, насколько большое влияние на принятие решений имеют силы, выступающие за укрепление отношений с Израилем, и поменялся ли внешнеполитический подход США, касающийся вопроса урегулирования данного конфликта за последние годы, требуют изучения данной проблемы.

Фактор Израиля во внешнеполитическом планировании США

Перед тем как приступить к анализу места палестино-израильского конфликта в системе внешнеполитического планирования США при двух последних администрациях, необходимо определить, насколько важными для США являются отношения с Израилем в контексте выработки ближневосточной политики.

Политический диалог с Израилем занимает особое место при формировании векторов внешней политики США, причем вне зависимости от того, какая политическая партия или какой политический лидер находились у власти в США в тот или иной исторический момент. Данный подход обусловлен рядом причин различного характера, в том числе и военно-политических. Израиль признается властями США как главный союзник, не входящий в блок НАТО [25], и вокруг данного постулата Вашингтон строит свою ближневосточную политику, в первую очередь учитывая региональные интересы Израиля. Роберт Сэтлофф, исполнительный директор Вашингтонского института ближневосточной политики, изучая вопросы,

связанные с американо-израильскими отношениями, пришел к выводу, что безопасность на Ближнем Востоке может быть обеспечена только в том случае, если у Израиля будут серьезные политические, экономические и военные возможности, которые США и могут предоставить своему союзнику [18].

Именно США первыми признали независимость Государства Израиль в 1949 году, параллельно начав оказывать ему всевозможную поддержку [24]. Первым президентом Соединенных Штатов, обозначившим важность отношений между странами, стал Джон Кеннеди в 1962 году, дав новый виток развитию отношений. В 1989 году Израиль одним из первых получил статус «основного союзника вне НАТО» [10], что позволило укрепить военно-политические отношения между странами.

На протяжении десятилетий Соединенные Штаты стараются балансировать между оказанием поддержки Израилю, считая его ключевым союзником в регионе, и укреплением отношений с арабскими монархиями Персидского залива, традиционно входящими в зону американских интересов в регионе. Американский политолог и сотрудник Йельского университета Максимилиан Терхаль считает, что Вашингтон вынужден опираться на подобную стратегию, так как отношения между Израилем и рядом монархий Персидского залива довольно напряженные [19]. В свою очередь, тема возможного урегулирования палестино-израильского конфликта является одной из причин отсутствия тесных рабочих контактов между Израилем и арабскими государствами Персидского залива. Тем не менее, несмотря на то, что позиции Израиля и большей части арабского мира не сходятся по целому ряду вопросов, что было особенно заметно до 2020 года и нормализации отношений между Израилем и некоторыми из этих стран, США сохраняют тесные отношения с обеими сторонами, что выражается в укреплении сотрудничества в политической, экономической, военной и культурной сферах.

Свою внешнеполитическую стратегию на Ближнем Востоке США во многом выстраивают вокруг Израиля и отношений с ним, считая их приоритетными [8]. Так, еще в 2016 году США подписали с Израилем меморандум о взаимопонимании, в рамках которого Вашингтон обязался ежегодно предоставлять 3,3 млрд долл. в качестве финансирования оборонной отрасли Израиля, а также 500 млн долл. на совместные программы развития противоракетной обороны в течение десятилетнего периода [11].

Не менее активны и экономические контакты между государствами, оказывающие существенное влияние на внешнеполитический подход США по отношению к Израилю. В 2022 году двусторонняя торговля между государствами превысила отметку в 50 млрд долл. [7]. Необходимо отметить, что торговое сальдо в данной паре положительно у Израиля, так как он сумел экспортировать свои товары и услуги на сумму в 30 млрд долл. Такое развитие экономических отношений во многом стало возможно благодаря заключению ряда соглашений между государствами, включая Соглашение о свободной торговле между США и Израилем 1985 года и Соглашение о торговле сельскохозяйственной продукцией. С момента подписания ЗСТ в 1985 году двусторонняя торговля товарами и услугами между США и Израилем выросла в восемь раз, что сделало Соединенные Штаты крупнейшим торговым партнером Израиля.

Для Израиля США – крупнейший зарубежный поставщик вооружения, на долю которого приходится 70% всех закупок в этом сегменте [9], что отвечает интересам обеих стран. Если Израиль последовательно укрепляет свою обороноспособность, то США, благодаря организации поставок вооружения, стимулируют работу оборонных предприятий, функционирующих на их территории.

Развитие между США и Израилем отношений, в том числе военно-политических и экономических, базирующихся на геополитической важности Израиля, оказывает большое влияние на динамику многих политических

процессов на Ближнем Востоке, в том числе и на процессы, связанные с возможным урегулированием палестино-израильского конфликта.

Политика администрации Д. Трампа по отношению к разрешению палестино-израильского конфликта

Одержав победу на президентских выборах в конце 2016 года, Д. Трамп пообещал серьезно изменить внешнеполитический курс Соединенных Штатов, считая, что администрация Б.Обамы допустила ряд ошибок, которые привели к ослаблению позиций Вашингтона в различных регионах мира. 45-й президент США отдельно отметил и Ближний Восток.

Главный советник директора Российского института стратегических исследований Игорь Боровков в своей работе, посвященной ближневосточной политике администрации Д. Трампа, приводит тезис, сводящийся к тому, что ключевыми союзниками США на Ближнем Востоке являются Израиль и Саудовская Аравия, а главной проблемой для Вашингтона остается противостояние Ирану и его сателлитам [1]. Первые дипломатические шаги администрации Д. Трампа стали индикатором следования данному курсу, так как президент США совершил свой первый зарубежный визит в Саудовскую Аравию, намереваясь наладить диалог с Эр-Риядом после ухудшения отношений между странами при Б. Обаме. Другим немаловажным фактором для улучшения отношений между странами стал выход США из так называемой ядерной сделки с Ираном, против заключения которой в прошлом активно выступали власти Саудовской Аравии.

Тем не менее Дональд Трамп продолжил придерживаться произраильского курса при формировании своей ближневосточной внешнеполитической стратегии. Вышеупомянутый курс выражался в оказании всевозможной поддержки Израилю, в том числе и военной, так как, согласно исторически устоявшейся стратегии Вашингтона, Израиль является одним из основных элементов, гарантирующих региональную стабильность [4]. При этом Д. Трамп предпринял ряд довольно резких шагов, которые

привели к подвижкам на Ближнем Востоке. Именно Д. Трамп признал Голанские высоты суверенной территорией Израиля [16], перенес американское посольство в Иерусалим [15] и предложил оригинальный план разрешения палестино-израильского конфликта, который назвали «делкой века».

Этот план, призванный завершить палестино-израильский конфликт, был разработан советником американского президента Дж. Кушнером, спецпредставителем администрации на Ближнем Востоке Дж. Гринблаттом и послом США в Израиле в то время Д. Фридманом, а затем представлен общественности в два этапа.

Летом 2019 года была опубликована экономическая часть плана, где Палестинской национальной администрации предлагались инвестиции в объеме 50 млрд долл., которые предполагалось использовать для роста палестинской экономики, а также развития инфраструктуры [13]. Палестинцы в лице президента государства Махмуда Аббаса отвергли данный план, полагая, что обсуждение экономической составляющей возможно только после политического урегулирования конфликта [12].

Политическая часть плана была опубликована в начале 2020 года [14] на фоне набравшей обороты президентской гонки в США, в которой принимал участие Д. Трамп. Так называемая «делка века» серьезно отличалась от предыдущих попыток Соединенных Штатов разрешить палестино-израильский конфликт. При Б. Клинтоне, Дж. Буше-мл. и Б. Обаме выдвигались предложения о создании независимого палестинского государства и прекращении оккупации Израилем ряда территорий на Западном берегу. Однако при Д. Трампе, пусть он и формально не отходил от политической линии, заключавшейся в формуле «два государства для двух народов», попытка урегулирования данного вопроса в рамках продвигаемого им соглашения сводилась к воплощению в жизнь произраильского формата урегулирования конфликта. В плане подчеркивалось, что Иерусалим является неделимой столицей государства Израиль. Столицей палестинского

государства должен был стать пригород Восточного Иерусалима, что было неприемлемо для палестинских властей. Что касается границ будущего независимого палестинского государства, то в случае реализации данного соглашения Палестина теряла бы около 30% территории на Западном берегу, которая в данный момент оккупирована Израилем. При этом отдельно подчеркивалось, что при отказе палестинцев от данной «сделки» Израиль получит право застраивать те территории, которые по плану передавались бы Палестине, что трактуется некоторыми исследователями как ультиматум [2]. Кроме того, имплементация плана шла бы вразрез с Резолюцией 242 СБ ООН 1967 года, в которой захват Израилем ряда палестинских территорий по итогам Шестидневной войны считается оккупацией [3].

План Д. Трампа также предусматривал демилитаризацию будущего палестинского независимого государства. Отдельно подчеркивалось, что израильские власти будут контролировать воздушное пространство Палестины.

План широко обсуждался в различных политических кругах. Большинство стран Ближнего Востока отреагировали сдержанно на предложения Д. Трампа [28], указав на важность продолжения политического диалога. В свою очередь, Лига арабских государств отвергла данные инициативы, посчитав, что условия соглашения не отвечают интересам палестинского народа. Тем не менее администрация Трампа продолжила работу по данному направлению, посчитав, что в первую очередь необходима нормализация отношений между Израилем и большинством стран арабского мира как для реализации плана по урегулированию данного конфликта, так и для возможности выстраивания новой системы коллективной безопасности на Ближнем Востоке, в которой ключевую роль мог бы играть Израиль при серьезной поддержке со стороны США.

Осенью 2020 года Израиль при активном посредничестве администрации Д. Трампа подписал Соглашения Авраама с ОАЭ и Бахрейном, установив с этими странами дипломатические отношения [20]. Позже к этим

двум странам присоединились Судан и Марокко, взамен получив от США ряд преференций. Власти США гарантировали Судану финансовую поддержку и исключение из списка стран – спонсоров терроризма [22], а Марокко было обещано признать суверенитет Рабата над Западной Сахарой [17]. В документе о нормализации говорилось, что стороны выступают за мирное развитие региона, отбросив любые силовые способы разрешения споров.

Однако Д. Трамп и его администрация не получили возможность продолжить выстраивать свою ближневосточную политику, так как Д. Трамп проиграл на президентских выборах 2020 года. Необходимо отметить, что видение Д. Трампа, связанное с разрешением палестино-израильского конфликта, носило произраильский характер. Коренные сдвиги американской политики в контексте разрешения палестино-израильского конфликта отсутствовали.

Политика администрация Дж. Байдена, касающаяся потенциального разрешения палестино-израильского конфликта

Дж.Байден, одержав победу на президентских выборах, приступил к исполнению обязанностей президента США в январе 2021 года. Он и его администрация столкнулись с целым рядом вызовов, в том числе и на Ближнем Востоке.

Уже в феврале 2021 года президент Байден подтвердил, что не намерен снова переносить американское посольство в Израиле, согласившись с решением предыдущей администрации о переносе посольства в Иерусалим [26]. Это решение Байдена стало одним из явных индикаторов того, что при его администрации был сохранен курс, направленный на углубление диалога с Израилем и возможное разрешение конфликта с Палестиной исключительно на израильских условиях.

Одним из первых вызовов для вновь избранного американского президента стало решение Израиля осенью 2021 года продолжить строить поселения на землях, относящихся к Западному берегу, что фактически претворяло в жизнь пункты мирного плана Трампа. Администрация

Дж. Байдена в лице представителя Госдепартамента США публично осудила данное решение [6], принятое израильским правительством, указав на то, что все эти меры ведут лишь к эскалации напряженности. Однако американские власти не приняли никаких других мер для воздействия на Израиль, ограничившись лишь выражением обеспокоенности. В итоге Израиль сумел закрепиться на оккупированных территориях.

В таких условиях Дж. Байден посетил Израиль летом 2022 года. Встретившись с премьер-министром Израиля Я. Лапидом, президент США подписал Иерусалимскую декларацию о стратегическом партнерстве [21]. Дж. Байден подтвердил, что США намерены и дальше оказывать Израилю всестороннюю поддержку, в том числе и в вопросах, связанных с обеспечением безопасности страны. Затрагивая вопрос палестино-израильских отношений, Соединенные Штаты подчеркнули, что Вашингтон не отказывается от концепции «два государства для двух народов», однако не предоставили никаких деталей по урегулированию этого конфликта.

В октябре 2023 года Соединенные Штаты осудили нападение боевиков движения ХАМАС на Израиль во время операции «Наводнение Аль-Аксы», подчеркнув, что у Израиля есть полное право на самооборону. Лидеры ряда государств осудили атаку на Израиль, посчитав ее террористической [27]. Израиль, в свою очередь, ответил бомбардировками сектора Газа, атаковав практически все районы анклава. Своей ответной реакцией израильское правительство фактически поставило знак равенства между населением Палестины и движением ХАМАС, а последствием ударов израильских вооруженных сил стали масштабные разрушения на территории сектора Газа.

Администрация Дж. Байдена, с одной стороны, оказывала большую поддержку Израилю, в первую очередь в виде поставок вооружений, а с другой – стала критиковать подход Тель-Авива к проведению военной операции, считая ответ израильских властей чрезмерным [5]. Вашингтон даже пригрозил ограничить поставку вооружений Израилю в случае продолжения им активных наземных боевых действий, однако какие-либо решения, связанные

с прекращением оказания военной помощи, приняты не были. Сама критика со стороны Дж. Байдена начала звучать лишь тогда, когда большая часть сектора Газа была уничтожена и выявлены критические потери среди гражданского населения в результате очередной эскалации конфликта на территории Палестины. По данным, представленным ООН, по состоянию на май 2024 года в секторе Газа было убито более 30 тыс. человек. На фоне угроз со стороны Израиля продолжить наземную операцию и вторгнуться в южную часть анклава у Дж. Байдена отсутствовали серьезные политико-дипломатические инструменты влияния на премьер-министра Б. Нетаньяху.

Администрация Дж. Байдена так и не смогла выработать эффективную стратегию по вопросу урегулирования палестино-израильского конфликта, фактически продолжая следовать курсу, заданному предшественником Дж. Байдена на посту президента, активно проводя произраильскую политику и не беря в расчет ни интересы палестинского общества, ни политическую прагматичность и региональные реалии. На фоне центристских тенденций в регионе и радикализации настроений в израильском руководстве Соединенные Штаты не успели скорректировать свой курс в отношении палестино-израильского конфликта, утратив способность балансировать, что делает возможность урегулирования конфликта как в краткосрочной, так и в среднесрочной перспективах сложной задачей.

Заключение

Необходимо отметить, что нет никаких явных оснований предполагать скорое окончание палестино-израильского конфликта, вновь вошедшего в острую фазу после операции «Наводнение Аль-Аксы» и наземной операции армии обороны Израиля в Рафахе. Израиль намерен получить военный контроль над территорией сектора Газа, повторив свое достижение по итогам Шестидневной войны. Создание независимого палестинского государства кажется по-прежнему маловероятным. Согласно выработанным до событий октября 2023 года мирным соглашениям, за безопасность Палестины отвечает Израиль, что подрывает суверенитет палестинского государства. В текущих

реалиях создание палестинского государства фактически исключено, учитывая как нежелание Израиля идти на компромисс, так и отсутствие эффективных палестинских государственных структур, не связанных с ХАМАС, способных контролировать всю признанную международным сообществом территорию Палестины. В дополнение к вышеперечисленному, власти США продолжают блокировать попытки признать Палестину членом ООН, что еще больше подрывает возможности палестинских властей.

Дипломатические усилия США, касающиеся потенциального урегулирования данного вопроса в последние годы, носят исключительно произраильский характер. Так называемая «сделка века» Д. Трампа, носившая популистский характер, на данном этапе фактически заморожена. Администрация Дж. Байдена, полностью не отказываясь от «сделки», считает формулу «два государства для двух народов» наиболее оптимальной для урегулирования, не предоставляя при этом никаких деталей и не оказывая сильного давления на Израиль в вопросе его ухода с оккупированных территорий.

Отсутствие внятной стратегии, а также неспособность США балансировать и учитывать интересы всех сторон конфликта, бурное развитие ряда региональных политических процессов (в том числе и радикализация израильской администрации, переориентация Саудовской Аравии на улучшение отношений с Ираном и т.д.) привели к дальнейшей эскалации конфликта между Израилем и Палестиной, что делает возможность его урегулирования еще более далекой перспективой.

Список литературы

1. Боровков И.И., Косарев В.А., Виловатых А.В. и др. Политика администрации Д. Трампа на Ближнем Востоке как отражение лозунга «Америка прежде всего» // Проблемы национальной стратегии. - № 2 (53). - 2019. - С. 11-51.

2. Карасова Т.А. «Сделка века» Д. Трампа. Приведет ли новый план США к урегулированию палестино-израильского конфликта // Свободная мысль. - № 4. -2020. - С. 62-73.
3. Резолюция 242. Совет Безопасности ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/SCRes242%281967%29%28ru%29.pdf> (дата обращения: 14.05.2024).
4. Beauchamp Z. Why the US has the most pro-Israel foreign policy in the world // Vox [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vox.com/2014/7/24/5929705/us-israel-friends> (дата обращения: 14.05.2024).
5. Biden sharpens criticism of Israel, calling its Gaza response ‘over the top’ // NY Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2024/02/09/us/politics/biden-israel-gaza.html> (дата обращения: 14.05.2024).
6. Department Press Briefing – October 25, 2021. The US Department of State [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/briefings/department-press-briefing-october-25-2021/#post-286424-ISRAEL> (дата обращения: 14.05.2024).
7. Israel. The Office of the US Trade Representative [Электронный ресурс]. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/europe-middle-east/middle-eastnorth-africa/israel#:~:text=U.S.%20goods%20and%20services%20trade,billion%3B%20imports%20were%20%2430.6%20billion.> (дата обращения: 14.05.2024).
8. Israel. The US Department of State [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/countries-areas/israel/>
9. Israel’s Arms Suppliers // СААТ [Электронный ресурс]. URL: <https://caat.org.uk/data/countries/israel/israels-arms-suppliers/> (дата обращения: 14.05.2024).
10. Major Non-NATO Ally Status. The US Department of State [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/major-non-nato-ally-status/> (дата обращения: 14.05.2024).
11. Memorandum of Understanding Reached with Israel. The White House Archive [Электронный ресурс]. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/09/14/fact-sheet-memorandum-understanding-reached-israel> (дата обращения: 14.05.2024).
12. Palestinians angrily reject Trump Mideast peace plan // AP News [Электронный ресурс]. URL: <https://apnews.com/article/0dcb0179faf41e1870f35838058f4d18> (дата обращения: 14.05.2024).
13. Peace to Prosperity: Economic Framework. The White House Archive [Электронный ресурс]. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/peacetoprosperity/economic/> (дата обращения: 14.05.2024).
14. Peace to Prosperity: Political Framework. The White House Archive [Электронный ресурс]. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/peacetoprosperity/political/> (дата обращения: 14.05.2024).
15. Presidential Proclamation Recognizing Jerusalem as the Capital of the State of Israel and Relocating the United States Embassy to Israel to Jerusalem. The White House Archive [Электронный ресурс]. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/presidential-proclamation-recognizing-jerusalem-capital->

state-israel-relocating-united-states-embassy-israel-jerusalem/ (дата обращения: 14.05.2024).

16. Proclamation on Recognizing the Golan Heights as Part of the State of Israel. The US Embassy in Israel [Электронный ресурс]. URL: <https://il.usembassy.gov/proclamation-on-recognizing-the-golan-heights-as-part-of-the-state-of-israel/> (дата обращения: 14.05.2024).

17. Proclamation on Recognizing the Sovereignty of the Kingdom of Morocco Over the Western Sahara. The US Embassy and Consulates in Morocco [Электронный ресурс]. URL: <https://ma.usembassy.gov/proclamation-on-recognizing-the-sovereignty-of-the-kingdom-of-morocco-over-the-western-sahara/> (дата обращения: 14.05.2024).

18. Satloff R. Restoring Israeli Deterrence Is Critical to Both Security and Peace in the Middle East // The Washington Institute [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/restoring-israeli-deterrence-critical-both-security-and-peace-middle-east> (дата обращения: 14.05.2024).

19. Terhalle M. Understanding the limits of power: America's Middle East experience // Review of International Studies/ - №2. - 2011. - P. 631-640.

20. The Abraham Accords. The US Department of State [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/the-abraham-accords/> (дата обращения: 14.05.2024).

21. The Jerusalem U.S.-Israel Strategic Partnership Joint Declaration. The White House [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/07/14/the-jerusalem-u-s-israel-strategic-partnership-joint-declaration/> (дата обращения: 14.05.2024).

22. United States Announces \$81 Million in Humanitarian Assistance to Help the People of Sudan // Relief Web [Электронный ресурс]. URL: <https://reliefweb.int/report/sudan/united-states-announces-81-million-humanitarian-assistance-help-people-sudan> (дата обращения: 14.05.2024).

23. US House passes \$14.5bn military aid package for Israel // Al-Jazeera [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2023/11/3/us-house-passes-14-5bn-military-aid-package-for-israel> (дата обращения: 14.05.2024).

24. US Relations with Israel. The US Department of State [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-israel/> (дата обращения: 14.05.2024).

25. U.S. Security Cooperation with Israel. The US Department of State [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/u-s-security-cooperation-with-israel/> (дата обращения: 14.05.2024).

26. White House confirms Biden will keep embassy in Jerusalem // Rollcall [Электронный ресурс]. URL: <https://rollcall.com/2021/02/09/white-house-confirms-biden-will-keep-embassy-in-jerusalem/> (дата обращения: 14.05.2024).

27. World leaders and pope react to Hamas attack on Israel // Le Monde [Электронный ресурс]. URL: https://www.lemonde.fr/en/international/article/2023/10/07/world-leaders-react-to-hamas-attack-on-israel_6155062_4.html (дата обращения: 14.05.2024).

28. World leaders react to Trump's Middle East plan // Al-Jazeera [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/1/29/world-leaders-react-to-trumps-middle-east-plan> (дата обращения: 14.05.2024).
29. Карпович О.Г. Цветная "революция зонтиков" в Гонконге: начало "китайской весны" // Национальная безопасность / Nota Bene. 2014. № 6 (35). С. 990-996.

Маматханов Родион Султанмуратович,
аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет,
эксперт Института актуальных международных проблем,
rhodisplayground@gmail.com

Rodion S. Mamatkhanov,
Postgraduate Degree Student,
Saint Petersburg State University,
expert of the Institute for Contemporary International Studies,
rhodisplayground@gmail.com

**ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ КИТАЯ И РОССИИ
ПРИ АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА В ОЦЕНКЕ
«МОЗГОВЫХ ЦЕНТРОВ» США**

**US POLICY TOWARDS CHINA AND RUSSIA
UNDER THE ADMINISTRATION OF J. BIDEN IN ASSESSMENTS
OF US “THINK TANKS”**

Аннотация: в статье исследуется роль «мозговых центров» США в разработке внешнеполитических решений в отношении Китая и России при администрации Дж. Байдена. Несмотря на разную идеологическую направленность, в докладах и статьях ведущих аналитических центров США зафиксированы антироссийский и антикитайский консенсусы. Особой популярностью у команды Дж. Байдена пользовались разработки Института Брукингса, Центра за новую американскую безопасность (CNAS), Фонда Карнеги за международный мир, RAND Corporation, Совета по международным отношениям, т.е. центристских и либеральных «мозговых трестов». В целом американские фабрики мысли поддерживают курс администрации Дж. Байдена на усиление сдерживания России и Китая. Ознакомившись с рекомендациями аналитических центров, команда Дж. Байдена взяла на вооружение некоторые из них и начала строить системный и многовекторный, но более агрессивный внешнеполитический курс в отношении Китая и России.

Ключевые слова: «мозговые центры», экспертное сообщество, внешняя политика, процесс принятия решений, США, Китай, Россия, администрация Дж. Байдена.

Abstract: the article examines the role of the US “think tanks” in the foreign policy decision-making towards China and Russia under the J. Biden administration. Despite the different ideological orientations, anti-Russian and anti-Chinese consensuses are registered in the reports and articles of the leading US research

centers. The developments of the centrist and liberal think tanks like the Brookings Institution, the Center for a New American Security (CNAS), the Carnegie Endowment for International Peace, the RAND Corporation, the Council on Foreign Relations were especially popular among the J. Biden team. In general, the US “think tanks” are supporting the J. Biden administration’s containment policy towards China and Russia. After reviewing the recommendations of think tanks, the J. Biden administration had adopted some of them and began to build a systemic and multi-faceted, but more aggressive foreign policy towards China and Russia.

Key words: “think tanks”, expert community, foreign policy, the decision-making process, the US, China, Russia, the J. Biden administration.

Введение

Внешняя политика США представляет собой сложный процесс взаимодействия различных властных политических институтов и негосударственных акторов, в котором аналитические центры играют важную роль. Американские «мозговые центры» являются главными источниками экспертизы для властных кругов в США. Сотрудники «мозговых трестов» выступают в качестве приглашенных экспертов на слушаниях в Конгрессе США, на заседаниях и комиссиях правительства.

Аналитические разработки «мозговых центров» нередко выступают в качестве основы для формирования внешнеполитической стратегии США на том или ином направлении, а сами центры всегда пользуются различными каналами, которые обеспечивают им доступ к процессу выработки внешнеполитических решений. Например, это может быть косвенное влияние, когда сотрудники аналитических центров поддерживают неформальные контакты с государственными деятелями, причастными к принятию внешнеполитических решений. К прямым каналам влияния относится использование принципа «вращающейся двери», когда сотрудники аналитических институтов получают приглашение занять государственные посты.

В этой связи особый интерес представляет роль «мозговых трестов» в формировании политики США на китайском и российском направлениях, их степень влияния на разработку принимаемых решений, так как антикитайские

и антироссийские сюжеты ведущих американских аналитических центров пользуются популярностью у последних президентских администраций США. В частности, доктринальные документы США последних лет говорят о том, что Россия и Китай постепенно были переведены из разряда вызовов в угрозы, из соперников в противников США [17; 30; 31]. Жесткое противостояние распространяется на все сферы взаимоотношений США с этими государствами, что снижает стратегическую стабильность в глобальном масштабе.

Таким образом, в настоящей статье исследуется ряд вопросов. Как аналитические центры США оценивают политику администрации Дж. Байдена в отношении Китая и России? Какие варианты этой политики предлагаются в качестве рекомендаций? С кем США стоит конкурировать в первую очередь – с Россией или Китаем? Сохраняются ли сферы взаимного сотрудничества или впереди только обострение противостояния? Насколько аналитическим центрам удастся влиять на решения администрации Дж. Байдена? Каковы перспективы политики США на российском и китайском направлениях?

«Мозговые центры» и администрация Дж. Байдена

Приход к власти администрации Дж. Байдена серьезным образом оживил американское экспертное сообщество, влияние которого уменьшилось во времена президентства Д. Трампа, когда 45-й президент США в основном опирался на собственное политическое видение мира и некоторые мнения членов своей команды, а также иногда на рекомендации правоконсервативных аналитических центров, приближенных к Республиканской партии. При этом подавляющее большинство аналитиков из центров иной идеологической направленности сходилось в негативной оценке внешней политики 45-го президента США.

Например, эксперты Центра стратегических и международных исследований, Института Брукингса, Фонда Карнеги за международный мир,

Института Катона, Совета по международным отношениям характеризовали внешнеполитический курс США при Д. Трампе на китайском и российском направлениях как жесткий, невыгодный, бессистемный и непоследовательный [1; 6; 13; 24; 26]. Исключением являлся правоконсервативный фонд «Наследие», аналитические разработки которого были основой для решений команды Д. Трампа в сфере информационно-технологического противоборства США с Китаем и Россией, а также в области военно-политического и экономического противостояния с КНР и РФ [10; 20].

При администрации Дж. Байдена сложилась иная картина. В качестве одних из основных источников для формирования внешнеполитической стратегии США в отношении Китая и России выступили отчеты, аналитические работы, комментарии экспертов центристских и либеральных «мозговых трестов». При этом в команду Дж. Байдена вошли эксперты и аналитики ведущих «мозговых центров». Следует выделить Дж. Салливана (советник президента США по национальной безопасности), К.М. Кэмпбелла (координатор совета национальной безопасности по Индо-Тихоокеанскому региону), В. Нуланд (заместитель госсекретаря США), Дж. Йеллен (министр финансов США) и У.Д. Бёрнса (директор ЦРУ). Дж. Салливан и Дж. Йеллен были экспертами Института Брукингса, К.М. Кэмпбелл – соучредитель и бывший председатель правления Центра за новую американскую безопасность (CNAS), В. Нуланд занимала пост генерального директора CNAS с 2018 по 2019 год, а У.Д. Бёрнс с 2015 по 2021 год являлся президентом Фонда Карнеги за международный мир.

Отметим, что Институт Брукингса, Центр за новую американскую безопасность (CNAS) и Фонд Карнеги за международный мир регулярно пишут аналитические записки и доклады именно для Демократической партии США, сотрудники этих трестов нередко получают должности в демократических президентских администрациях, а представители демпартии часто приглашаются в качестве спикеров на конференции, семинары и панельные дискуссии данных «мозговых центров».

Таким образом, вышеотмеченные карьерные переходы являются хорошим примером практики принципа «вращающейся двери», они свидетельствуют о прочных связях с Демократической партией и возможности усиления их роли в разработке и принятии внешнеполитических решений при администрации Дж. Байдена.

***Китайская и российская темы в исследованиях
аналитических центров США при администрации Дж. Байдена***

Основные внешнеполитические идеи и механизмы их реализации в период администрации Дж. Байдена можно проследить на примере наиболее влиятельных аналитических центров. Первая группа центров либеральной ориентации оказывает наибольшее влияние на администрацию Дж. Байдена: **Институт Брукингса, Центр за новую американскую безопасность (CNAS) и Фонд Карнеги за международный мир.**

Незадолго до старта предвыборной кампании Дж. Байдена сотрудники Института Брукингса Дж. Салливан и Центра за новую американскую безопасность (CNAS) К.М. Кэмпбелл очертили контуры политики США на китайском направлении после 2020 года. В своем материале эксперты изложили следующие идеи [8].

Во-первых, США необходимо навсегда отказаться от идеи, что вовлечение Китая сделает данную страну более либеральной, так как нынешнее положение КНР на международной арене свидетельствует о несостоятельности и иллюзорности такой концепции.

Во-вторых, по мнению Дж. Салливана и К.М. Кэмпбелла, США нужно осуществить экономический и технологический рывок для победы в соперничестве с Китаем.

В-третьих, как отмечают эксперты, результативная конкуренция с КНР невозможна без активного привлечения американских союзников в Европе и Азии. Основой для создания единого антикитайского фронта должны стать демократические ценности и либеральная модель развития. Следовательно,

США следует перезагрузить отношения с давними союзниками в Европе и Азии.

В-четвертых, Дж. Салливан и К.М. Кэмпбелл заявляют, что по причине многовекторного военного развития Китая США должны перейти к производству гиперзвукового оружия, беспилотной ударной авиации, крылатых ракет на подводных лодках, а также подготовиться к возможному столкновению с КНР в Индо-Тихоокеанском регионе.

С приходом к власти администрации Дж. Байдена, куда были приглашены на работу Дж. Салливан и К.М. Кэмпбелл, данные рекомендации сначала перешли в новые доктринальные документы США, а затем начали реализовываться на практике.

Во-первых, идея об отказе от политики вовлечения Китая получила свое развитие в Стратегии национальной безопасности-2022. В документе Китай и Россия названы странами с авторитарным политическим режимом, у которых есть некие патологии (в СНБ-2022 конкретные патологии не указаны), которые невозможно исправить [31]. По мнению экспертов, именно по этой причине Китай окончательно отказался становиться доброжелательной, ответственной и надежной страной, которая будет развиваться по демократическому пути. Китайское политическое руководство подрывает демократические процессы как внутри страны, так и в других государствах. Китаю приписывается намерение перестроить миропорядок и стать лидером, чтобы навязать ценности и нормы своего авторитарного политического режима всем остальным акторам [31].

Во-вторых, рекомендация Дж. Салливана и К.М. Кэмпбелла о необходимости экономического и технологического рывка для победы США в соперничестве с Китаем нашла отражение в виде масштабной инфраструктурной реформы 2022 года, которая должна перевести американскую экономику на принципиально новый уровень развития. Согласно пакету стимулирующих мер, стоимость которых составляет 2 трлн долл., США планировали в течение 10 лет резко ограничить деятельность

китайских компаний на своем рынке [29]. Выделенные средства предназначались на развертывание сети 5G, создание искусственного интеллекта, производство полупроводников и улучшение инфраструктуры США на основе американских технологий. Говоря о таком крайне амбициозном плане, Дж. Байден отмечал: «Нам предстоит десятилетие инфраструктуры. Оно изменит Америку и поставит нас на путь победы в экономическом соревновании XXI в., в котором мы столкнемся со всем остальным миром, и в особенности – с Китаем» [29].

В-третьих, особый интерес представляет создание единой антикитайской коалиции. В Стратегии национальной безопасности-2022 возможная победа Китая в борьбе за будущий миропорядок рассматривается как трагедия для всех демократических стран. В документе просматривается намерение США вовлечь в противостояние с КНР своих европейских и азиатских союзников. Консолидация единой антикитайской коалиции планируется на основе углубления сотрудничества в рамках военно-политических союзов AUKUS, QUAD и ANZUS. Эти организации предназначаются для расширения связей США со странами Юго-Восточной Азии, которые имеют территориальные споры с Китаем, а также для развития военного сотрудничества с Тайванем, Индией, Японией, Австралией и Южной Кореей.

В документе подчеркивается, что США готовы реагировать на системные вызовы КНР и в рамках НАТО. Отметим, что сдерживание Китая со стороны НАТО и потенциальное объединение AUKUS, QUAD и ANZUS в единый военный союз (подобие «тихоокеанского НАТО») в обозримом будущем могут эскалировать американо-китайское соперничество и милитаризацию не только в Индо-Тихоокеанском регионе, но и во всем мире.

Первые предпосылки для такого прогноза есть, поскольку в новой Стратегической концепции НАТО, принятой по итогам Мадридского саммита в июне 2022 года, указано, что политика Китая и России подрывает основанный на правилах международный порядок, создает угрозы

международной безопасности, противоречит ценностям и интересам Североатлантического альянса [25]. На июльском саммите НАТО в Вильнюсе в 2023 году эти положения были еще раз подтверждены в итоговом заявлении Альянса [32].

Еще одним важным событием в практическом воплощении данного вектора политики стали «саммиты за демократию» (9–10 декабря 2021 года; 28–30 марта 2023 года). Данные многосторонние встречи носят декоративный характер, так как не приносят каких-либо важных результатов, а, наоборот, создают противоречия во взаимоотношениях между США и их союзниками в Европе и Азии, особенно по вопросу приглашения некоторых стран. Такие союзники США по НАТО, как Турция и Венгрия, не были приглашены ни на один саммит, а некоторые государства, в которых наблюдается проблема с обеспечением прав и свобод человека, наоборот, участвовали. К ним относятся Ангола, Демократическая Республика Конго, Ирак, Кения, Сербия, Замбия, Бразилия, Индия, Филиппины и Польша. На саммиты приглашался Тайвань, что напрямую свидетельствует об антикитайской направленности мероприятий. Участие Китайской Народной Республики в корне противоречит поддержке принципа «одного Китая», которая была высказана Дж. Байденом во время виртуальной встречи с С. Цзиньпином в 2021 году [28].

В-четвертых, индо-тихоокеанское направление было зафиксировано США в качестве приоритетного с военной точки зрения в таких документах, как Индо-Тихоокеанская стратегия-2022 и Стратегия национальной обороны-2022 [17; 30]. Главная причина такого решения заключается в том, что США не исключают будущей агрессии со стороны КНР. В связи с этим США ориентированы на перспективное обновление своей армии. Развитие ВС США будет включать в себя форсированное обновление ядерной триады и американских систем ПРО, разработку гиперзвуковых ракетных комплексов и маломощных ядерных зарядов, формирование специальной военной стратегии с учетом индивидуальных особенностей Китая. При этом США

заинтересованы усилить свою армию перспективными инновациями в области военного авиастроения.

Таким образом, Дж. Салливан и К.М. Кэмпбелл как эксперты «мозговых центров» (а затем и как политики) заложили фундамент всего политического курса США на китайском направлении, возведя угрозы со стороны КНР в абсолют.

Уже после прихода к власти администрации Дж. Байдена, начала специальной военной операции (СВО) России на Украине и нового витка соперничества США и КНР американские фабрики мыслей, преимущественно либеральные, усилили свою активность в сфере выработки политики Вашингтона на российском и китайском направлениях.

Институт Брукингса и Центр за новую американскую безопасность в своих аналитических записках поддерживают главный доктринальный постулат политики команды Дж. Байдена на китайском направлении о необходимости стратегического соперничества в качестве ответа на многовекторное и быстрое развитие Китая [3; 14; 19; 27]. При этом в своих аналитических записках эксперты заявляют о необходимости усилить политику сдерживания КНР и РФ, чтобы Китай и Россия не смогли перестроить современную систему международных отношений в свою пользу. По мнению аналитиков, реализовать данную цель возможно следующим образом: раскассировать российско-китайское сотрудничество; провести структурные реформы экономики США с целью сохранить экономическое и технологическое лидерство Вашингтона; увеличить инвестиции в американский ВПК; усилить военное присутствие США в Азии, расширив AUKUS; склонить на свою сторону страны Восточной и Юго-Восточной Азии, т.е. всё стратегическое окружение КНР.

Фонд Карнеги за международный мир аналогично отметил рекомендации для администрации Дж. Байдена по реализации политики США на китайском и российском направлениях. Исследователи Фонда заостряют внимание на том, что отношения между США и Китаем, а также

Россией кардинально изменились, так как КНР, по их мнению, действительно быстро развивается и бросает вызов интересам США в поддержании миропорядка, в сферах безопасности, экономики и высоких технологий, а «империалистические амбиции» РФ напрямую угрожают евро-атлантической безопасности [15; 16; 22]. Ответ Вашингтона на угрозы со стороны Китая и России, считают исследователи, должен основываться на таких решениях, как консолидация антикитайской и антиросийской коалиций; развитие кооперации с главными союзниками США в сфере борьбы с китайским и российским кибершпионажем; введение санкций, в том числе блокирование счетов, в отношении китайских компаний, которые оказывают помощь России с целью проведения СВО и наносят вред национальной безопасности США; укрепление американской экономики; усиление военного присутствия в Евро-Атлантике и Индо-Тихоокеанском регионе с целью воспрепятствовать военной политике Москвы и военно-техническому подъему Пекина.

RAND Corporation, Совет по международным отношениям, Центр стратегических и международных исследований

Группа «мозговых центров» отличается центристскими взглядами на мировую политику и тоже пользуется значительным влиянием в правящих кругах США. RAND Corporation в аналитических докладах, которые посвящены взаимоотношениям в стратегическом треугольнике США – КНР – Россия, заявляет, что между данными государствами началось настоящее соперничество великих держав [11; 12]. Однако эксперты уточняют, что Китай и Россия представляют для США разные вызовы.

По их мнению, Россия не обладает огромными финансовыми ресурсами и глобальным политическим весом, чтобы изменить ключевые элементы сложившейся системы международных отношений, в отличие от Китая. Однако США, как считают аналитики, должны сдерживать Россию военно-политическими методами здесь и прямо сейчас, чтобы превратить СВО в стратегический провал и не допустить применения РФ ядерного оружия.

Что касается Китая, то администрации Дж. Байдена рекомендуется выстроить в отношении Пекина комплексную и долгосрочную стратегию, стараясь свести на нет все его достижения в мировой экономике, глобальном управлении, военной и технологической сферах.

В качестве средств сдерживания России и Китая RAND Corporation рассматривает достижение мирового антироссийского и антикитайского консенсусов, создание новых военных и торговых альянсов, форсированное экономическое и технологическое развитие США, инвестирование в ВС США, расширение деятельности США в киберпространстве.

Совет по международным отношениям занял нейтральную позицию в оценке политики администрации Дж. Байдена в отношении Китая и России.

С одной стороны, Совет поддерживает устремления администрации Дж. Байдена укреплять экономику, развивать военный потенциал и расширять технологические возможности США, а также создавать антикитайский и антироссийский союзы со своими партнерами в Европе и Азии, так как именно такой курс должен иметь решающее значение в победе США в борьбе за будущий миропорядок [7].

С другой стороны, в настоящее время США сами уничтожили дипломатические каналы и совместные американо-китайские и американо-российские институты для конструктивного диалога, что в итоге лишает возможности минимальной кооперации с Россией и Китаем [7]. При этом, как подчеркивают аналитики, США будут находиться в конфронтации с Россией и Китаем еще как минимум 10 лет, что сначала приведет к катастрофическому спаду в отношениях Вашингтона с КНР и РФ, а затем к войне [7].

Эксперты Совета по международным отношениям дают следующие рекомендации администрации Дж. Байдена [7]:

- рассматривать Китай в качестве постоянной угрозы в независимости от его лидера, а Россию только при президентстве В.В. Путина;
- усилить дипломатическую работу со своими союзниками по выработке единого видения китайской и российской угрозы;

- найти базовые точки минимального сотрудничества с РФ и КНР;
- предложить союзникам и всем остальным странам выгодные экономические соглашения и проекты;
- укрепить обороноспособность своих союзников в Евро-Атлантике и Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР).

Эксперты Центра стратегических и международных исследований занимают промежуточную позицию в оценке политики администрации Дж. Байдена в отношении Китая и России. По мнению аналитиков, политика Дж. Байдена на российском и китайском направлениях, несмотря на различия в идеологических предпочтениях и внешнеполитических установках между демократами и республиканцами, полностью соблюдает преемственность идей Д. Трампа в отношении Китая и России [4; 5; 18]. Об этом говорит определение КНР и РФ в качестве основных стратегических угроз для США. Исследователи Центра стратегических и международных исследований, как и некоторые их коллеги из других трестов, аналогично дифференцируют угрозы, которые исходят от Китая и России. Россия аккумулирует в себе большие военные угрозы для евро-атлантической безопасности, а Китай – мощный экономический и технологический потенциал, способный лишить США доминирования в современном миропорядке [4; 5; 18]. Однако наибольшую угрозу для США, как подчеркивают аналитики, представляет сближение РФ и КНР, которого ни при каких обстоятельствах Вашингтон не должен допустить.

Основные рекомендации Центра включают в себя: расширение регионального сотрудничества США в Азии и Европе с целью сдерживания КНР и РФ; увеличение объемов производства американского ВПК. В ответ на последние разработки в сфере противоспутникового и гиперзвукового оружия, кибершпионаж и активную деятельность Китая и России в конфликтах в «серых зонах» Вашингтону рекомендуется разработать индивидуальную военную стратегию для каждой страны. Однако с учетом военного и экономического потенциала Китая и России, а также, возможно,

длительного противостояния крупных держав США придется найти точки сотрудничества с КНР и РФ [4; 5; 18].

Институт Катона и фонд «Наследие»

Несмотря на высокую значимость центристских и либеральных аналитических трестов в определении политики США в отношении КНР и РФ при Дж. Байдене, в стороне не остались «мозговые центры» иной идеологической направленности (консервативной и либертарианской), которые дают отрицательную оценку внешнеполитическому курсу США на китайском направлении.

Аналитики из либертарианского Института Катона и консервативного фонда «Наследие» подчеркивают, что даже в современных условиях жесткого противостояния с Россией КНР представляет собой более серьезную опасность, чем РФ [2; 9; 21; 23]. Следовательно, чтобы справиться с Китаем США нужно избрать политику сдерживания в отношении КНР, однако, по мнению аналитиков, при администрации Дж. Байдена она реализуется слишком поверхностно по причине отсутствия четкого плана действий на китайском направлении и нерешительности из-за появления «развилки» в виде китайской и российской угрозы.

Оценивая политику США на российском направлении, эксперты Института Катона и фонда «Наследие» заявляют, что она терпит поражение по ряду причин [2; 9; 21; 23].

Во-первых, антироссийские санкции не только не уничтожили экономику РФ, но и ускорили процесс дедолларизации в мире, поскольку Россия стала чаще торговать с другими странами в национальных валютах, особенно с Китаем, что в очередной раз сблизило Москву и Пекин.

Во-вторых, России удалось быстро перенаправить экспорт своих продуктов, особенно нефтегазовых, в страны Азии.

В-третьих, заморозив активы ЦБ РФ, США посеяли тревогу среди своих союзников в связи с возможной заморозкой или даже конфискацией их финансовых ресурсов в случае резкого охлаждения отношений.

В-четвертых, затягивание и обострение украинского кризиса, а также американская поддержка Украины в рамках НАТО откатывают отношения США с Россией до самого низкого уровня с момента их установления, что в будущем может привести к неспособности Вашингтона эффективно обеспечить свои жизненно важные интересы, которые напрямую зависят от сотрудничества с РФ на самом базовом уровне.

Заключение

Несмотря на разную идеологическую направленность, в настоящее время американские «мозговые центры» сходятся во мнении, что Китай и Россия являются основными угрозами для глобального лидерства США и сложившейся системы международных отношений. В связи с этим фабрики мыслей в США поддерживают курс администрации Дж. Байдена на отказ от политики вовлечения Китая и России, а также стремление Вашингтона соперничать с данными странами в экономической, военно-политической, технологической и социально-экономической сферах.

Однако в некоторых моментах позиции американских аналитических центров в оценке политики США в отношении Китая и России при администрации Дж. Байдена несколько отличаются друг от друга.

Группа либеральных «мозговых центров» в лице Института Брукингса, Центра за новую американскую безопасность (CNAS) и Фонда Карнеги за международный мир настаивает исключительно на долгосрочной конфронтационной стратегии США на китайском и российском направлениях.

RAND Corporation, Совет по международным отношениям и Центр стратегических и международных исследований, представляющие группу центристских аналитических институтов, заявляют о необходимости победы США в борьбе за будущий миропорядок, что только усиливает тренд на конфликтность внешней политики США в отношении России и Китая. Однако «мозговые центры» не отвергают возможность нахождения в будущем точек сотрудничества США с КНР и РФ ради стратегической стабильности.

Аналитики обеих групп внесли большой вклад в разработку стратегии США в отношении Китая и России. В качестве основных рекомендаций, которые были отмечены во многих отчетах, исследованиях и комментариях экспертов этих «мозговых трестов», предлагается следующее:

- инвестиции в американскую экономику и развитие Вооруженных сил США;
- консолидация антикитайской и антироссийской коалиций;
- поддержка Украины и Тайваня;
- укрепление военного потенциала НАТО и союзов в ИТР.

Данные рекомендации закрепились администрацией Дж. Байдена в доктринальных документах и применены на практике, что подтверждает прямое влияние либеральных и центристских аналитических институтов на решения, вырабатываемые командой 46-го президента США в отношении Китая и России.

Наименьшее влияния на выработку решений, принимаемых США в отношении КНР и РФ, оказывает группа консервативных и либертарианских фабрик мыслей (Институт Катона и фонд «Наследие») из-за их приближенности к Республиканской партии и негативной оценки внешнеполитического курса администрации Дж. Байдена на китайском и российском направлениях.

Вместе с этим американские фабрики мыслей придерживаются идеи о том, что именно Китай является главной угрозой США, но масштабное столкновение во всех сферах с КНР произойдет только в перспективе, а Россия – серьезная военно-политическая угроза для Вашингтона, с которой он должен справиться здесь и сейчас.

Таким образом, сыграв важную роль в принятии внешнеполитических решений в США при администрации Дж. Байдена, «мозговые центры» оказали существенное влияние на то, что США перешли к более жесткой линии в отношении Китая и России, начали готовиться к длительному соперничеству

и определили для себя следующее – какой-либо обоюдной и взаимовыгодной сделки по будущему миропорядку быть не может.

Список литературы

1. *Bandow, D.* Can U.S.-China Relations Survive President Donald Trump? // Cato Institute. – 2020. – URL: <https://www.cato.org/commentary/can-us-china-relations-survive-president-donald-trump> (дата обращения: 10.10.2023).
2. *Bandow, D.* *Russia's Crawling Neighbor* // The American Conservative. – 2023. – URL: <https://www.theamericanconservative.com/russias-friendly-neighbor/> (дата обращения: 10.10.2023).
3. *Belin, C., Goldgeier, J., Madan, T., Stent, A.* China's relations with Russia, India, and Europe // The Brookings Institution. – 2022. – URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2022/12/FP_20221220_china_russia_india_europe.pdf (дата обращения: 10.10.2023).
4. *Bergmann, M.* What Could Come Next? Assessing the Putin Regime's Stability and Western Policy Options // The Center for Strategic and International Studies (CSIS). – 2023. – URL: <https://www.csis.org/analysis/what-could-come-next-assessing-putin-regimes-stability-and-western-policy-options> (дата обращения: 10.10.2023).
5. *Bergmann, M., Lohsen, A.* Understanding the Broader Transatlantic Security Implications of Greater Sino-Russian Military Alignment – Washington, D.C.: The Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2023. – 121 p.
6. *Blackwill, R.D.* Implementing Grand Strategy Toward China: Twenty-Two U.S. Policy Prescriptions – N.Y.: The Council on Foreign Relations, 2020. – 74 p.
7. *Blackwill, R.D., Jr., Fontaine, R.H.* Ukraine War Should Slow but not Stop the U.S. Pivot to Asia // The Council on Foreign Relations. – 2022. – URL: <https://www.cfr.org/article/ukraine-war-should-slow-not-stop-us-pivot-asia> (дата обращения: 10.10.2023).
8. *Campbell, K.M., Sullivan, J.* Competition Without Catastrophe. How America Can Both Challenge and Coexist with China // Foreign Affairs. – 2019. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/competition-with-china-without-catastrophe> (дата обращения: 10.10.2023).
9. *Carpenter, T.G.* Yes, China Would Go To War Over Taiwan // 19FortyFive. – 2022. – URL: <https://www.19fortyfive.com/2022/08/yes-china-would-go-to-war-over-taiwan/> (дата обращения: 10.10.2023).
10. *Cheng, D.* How the U.S. Should Engage the Chinese Military: The Case for Exchanges and Exercises with the PLA // The Heritage Foundation. – 2018. – URL: <https://www.heritage.org/defense/report/how-the-us-should-engage-the-chinese-military-the-case-exchanges-and-exercises-the> (дата обращения: 10.10.2023).
11. *Cohen, S.R.* Great-Power Competition and Conflict in the 21st Century Outside the Indo-Pacific and Europe – Calif.: RAND Corporation, 2023. – 244 p.

12. *Courtney, W.* What Does Russia's War on Ukraine Mean for the International Order? // The RAND Corporation. – 2023. – URL: <https://www.rand.org/blog/2023/03/what-does-russias-war-on-ukraine-mean-for-the-international.html> (дата обращения: 10.10.2023).
13. *Dollar, D., Hass, R., Bader, J.A.* Assessing U.S.-China Relations 2 Years into the Trump Presidency // Brookings Institution. – 2019. – URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2019/01/15/assessing-u-s-china-relations-2-years-into-the-trump-presidency/> (дата обращения: 10.10.2023).
14. *Fishman, E., Kendall-Taylor, A., Stent, A.* Toward a New Transatlantic Approach to Russia Sanctions // The Center for a New American Security (CNAS). – 2023. – URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/toward-a-new-transatlantic-approach-to-russia-sanctions> (дата обращения: 10.10.2023).
15. *Haenle, P., Wilder, D.* Why Won't China Admit That It's Competing With the United States? // Carnegie Endowment for International Peace. – 2023. – URL: <https://carnegieendowment.org/2023/06/30/why-won-t-china-admit-that-it-s-competing-with-united-states-pub-90087> (дата обращения: 10.10.2023).
16. *Ian, J.C.* The Many «One Chinas»: Multiple Approaches to Taiwan and China // Carnegie Endowment for International Peace. – 2023. – URL: <https://carnegieendowment.org/2023/02/09/many-one-chinas-multiple-approaches-to-taiwan-and-china-pub-89003> (дата обращения: 10.10.2023).
17. Indo-Pacific Strategy of the United States // The White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (дата обращения: 10.10.2023).
18. *Jones, S.G.* The U.S. Defense Industrial Base Is Not Prepared for a Possible Conflict with China // The Center for Strategic and International Studies (CSIS). – 2023. – URL: <https://features.csis.org/preparing-the-US-industrial-base-to-deter-conflict-with-China/> (дата обращения: 10.10.2023).
19. *Kendall-Taylor, A., Lokker, N.* Russia-China Defense Cooperation // The Center for a New American Security (CNAS). – 2023. – URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/russia-china-relations> (дата обращения: 10.10.2023).
20. *Kitchen, K.* The U.S. Must Treat China as a National Security Threat to 5G Networks // The Heritage Foundation. – 2019. – URL: <https://www.heritage.org/technology/report/the-us-must-treat-china-national-security-threat-5g-networks> (дата обращения: 10.10.2023).
21. *Kochis, D., Walsh, E.* Russia-China Nexus Dulls Western Efforts to Hamstring Putin // The Heritage Foundation. – 2023. – URL: <https://www.heritage.org/global-politics/commentary/russia-china-nexus-dulls-western-efforts-hamstring-putin> (дата обращения: 10.10.2023).
22. *Lehnes, S.* After Russia's War Against Ukraine: What Kind of World Order? // Carnegie Endowment for International Peace. – 2023. – URL: <https://carnegieeurope.eu/2023/02/28/after-russia-s-war-against-ukraine-what-kind-of-world-order-pub-89130> (дата обращения: 10.10.2023).

23. Logan, J., Shiffrinson, J. // Foreign Affairs. – 2023. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/ukraine/dont-let-ukraine-join-nato> (дата обращения: 10.10.2023).
24. Medeiros, E.S. The Changing Fundamentals of US-China Relations // Washington Quarterly. – 2019. – Vol. 42. – Issue 3. – P. 93-199.
25. NATO 2022 Strategic Concept // The North Atlantic Treaty Organization. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (дата обращения: 10.10.2023).
26. Paal, D.H. America's Future in a Dynamic Asia // Carnegie Endowment for International Peace. – 2019. – URL: <https://carnegieendowment.org/2019/01/31/america-s-future-in-dynamic-asia-pub-78222> (дата обращения: 10.10.2023).
27. Pifer, S. The Russia-Ukraine war and its ramifications for Russia // The Brookings Institution. – 2022. – URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-russia-ukraine-war-and-its-ramifications-for-russia/> (дата обращения: 10.10.2023).
28. Readout of President Biden's Virtual Meeting with President Xi Jinping of the People's Republic of China // The White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/11/16/readout-of-president-bidens-virtual-meeting-with-president-xi-jinping-of-the-peoples-republic-of-china/> (дата обращения: 10.10.2023).
29. Remarks of President Joe Biden – State of the Union Address as Prepared for Delivery // The White House. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/03/01/remarks-of-president-joe-biden-state-of-the-union-address-as-delivered/> (дата обращения: 10.10.2023).
30. The 2022 National Defense Strategy // The United States Department of Defense. – URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (дата обращения: 10.10.2023).
31. The Biden-Harris Administration's National Security Strategy // The White House. – URL: <https://www.white-house.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 10.10.2023).
32. Vilnius Summit Communiqué // The North Atlantic Treaty Organization. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 10.10.2023).

Виноградова Камилла Алексеевна,
аспирант,
Дипломатическая академия МИД России,
kamik909@mail.ru

Kamilla A. Vinogradova,
Postgraduate Degree Student,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
kamik909@mail.ru

**ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ТУРЦИИ
В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ
НА ПРИМЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА АЭС «СИНОП»**

**PROSPECTS FOR COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND TÜRKIYE
IN THE ENERGY SECTOR ON THE EXAMPLE OF CONSTRUCTION
OF THE “SINOPE” NPP**

Аннотация: энергетика Турции испытывает зависимость от импорта нефти и газа, развитие невозобновляемых источников энергии не может гарантировать Турецкой Республике необходимого энергетического эффекта. Строительство атомных электростанций позволит стране обеспечить энергетическую безопасность за счет недорогого и производительного источника энергии. Россия практически завершила строительство АЭС «Аккую», при этом Российская Федерация является для Турции единственным партнером, которому по силам на сегодняшний день реализовать проект строительства АЭС «Синоп». В статье приводится обзор энергетических ресурсов Турции, устанавливается роль России в энергетической политике Турции, рассматривается историческая ретроспектива проекта строительства АЭС «Синоп». Проводится анализ исследований турецких ученых по проекту АЭС «Синоп», выявляются совокупные риски реализации проекта, разрабатываются рекомендации по развитию сотрудничества между Россией и Турцией в атомной энергетике.

Ключевые слова: российско-турецкие отношения, атомная энергетика, АЭС «Синоп», строительство АЭС.

Abstract: Turkey's energy sector experiences dependency on oil and gas imports; the development of non-renewable energy sources cannot guarantee the necessary energy effect for the Republic of Turkey. The construction of nuclear power plants will enable the country to ensure energy security through a cost-effective and productive energy source. Russia has nearly completed the construction of the Akkuyu Nuclear Power Plant, making it the sole partner capable of implementing the Sinop Nuclear Power Plant project for Turkey at present. The

article provides an overview of Turkey's energy resources, establishes Russia's role in Turkey's energy policy, examines the historical background of the Sinop Nuclear Power Plant project, analyzes studies conducted by Turkish scholars on the Sinop Nuclear Power Plant project, identifies the overall risks of project implementation, and develops recommendations for the development of cooperation between Russia and Turkey in nuclear energy.

Keywords: Russia-Turkey relations, nuclear energy, Sinop Nuclear Power Plant, nuclear power plant construction.

Турция является страной с развивающейся экономикой согласно классификации Международного валютного фонда (МВФ) [1]. Население Турецкой Республики ежегодно увеличивается на 0,507%, по данным на март 2024 года, население насчитывает более 86 млн человек [2]. Уровень безработицы в стране в 2022 году сократился за предыдущие семь лет и установился на отметке 10,03% [3]. Валовой внутренний продукт (ВВП) Турции демонстрирует рост начиная с 2020 года, в 2022 году ВВП Турецкой Республики составил 905,84 млрд долларов США. По прогнозам экспертов компании Statista, ВВП страны в 2028 году достигнет 1,567 млрд долларов США [4].

Расширение экономической активности требует от Турции укрепления топливно-энергетического комплекса по причине подъема потребления электроэнергии до 166%. Исходя из данных 2021 года, Турецкая Республика произвела 47 млн т первичных энергоресурсов, израсходовав в общей сложности 163 млн т, что позволяет стране занимать 2-е место по динамике потребления энергетических ресурсов после Китая [5, с. 29]. Экономический рост Турции сопровождается масштабируемостью производства, созданием и совершенствованием инфраструктуры, повышением покупательской способности населения и спроса на товары и услуги, развитием логистического сектора, расширением промышленного комплекса, технологическим прогрессом, в том числе цифровизацией. Обеспечение перечисленных факторов требует потребления большого количества электроэнергии в связи с поддержкой функционирования машин и оборудования на предприятиях, осуществлением строительства,

использованием электробытовой и компьютерной техники, реализацией грузовых перевозок, пассажирского транспорта и т. д.

Турецкая Республика использует традиционные источники энергии (уголь, нефть, газ) и альтернативные (гидроэнергия, солнечная энергия, атомная энергия). 60% каменного угля, добываемого в стране, используется для обеспечения теплоэлектростанций (ТЭС), в совокупности Турция располагает запасами каменного угля в количестве 1,3 млрд т. Ввиду того, что турецкий уголь обладает низким качеством, страна вынуждена осуществлять импорт высококачественного угля из России и Колумбии для последующего перемешивания полезных ископаемых с целью получения топлива оптимального качества [5, с. 29].

Ресурсы нефти Турецкой Республики составляют 366 млн барр., они географически сконцентрированы на юго-востоке Турции. В Турецкой Республике наблюдается ограниченность нефтяных месторождений, вследствие чего нефть импортируется из России, Казахстана, Ирака и других стран, наряду с этим проводится геологическая разведка для поиска залежей нефти.

Потребление газа в Турции значительно превышает уровень его производства. По данным на 2021 год в стране было произведено 354 млн куб м газа, при этом израсходовано 59,7 млрд куб м за счет импорта газа в первую очередь из России, а также Ирана, Азербайджана [5, с. 30]. Поставки российского газа в Турцию осуществляются посредством «Турецкого потока» производительностью 31,5 млрд куб. м в год и «Голубого потока» производительностью 17 млрд куб. м в год [6]. В 2021 году Германия являлась лидером по импорту природного газа из России с долей потребления 55% [7]. В результате диверсий, совершенных в сентябре 2022 года, на газопроводах были повреждены две нитки «Северного потока – 1» и одна нитка «Северного потока – 2» [8], вследствие чего возникли трудности в поставке газа на неопределенное время [9]. Разрушение ниток «Северного потока – 1» и

«Северного потока – 2» стало предпосылкой для установления Турции в роли мирового лидера потребления российского газа.

Солнечный климат, географическое положение страны вблизи морей, наличие геотермальной энергии, ресурсы биомассы позволяют Турции получать достаточно большое количество энергии от возобновляемых источников. Процент возобновляемых источников энергии по информации за 2021 год составляет 35,2%. На рисунке 1 представлено соотношение присутствия каждого из источников в энергетике Турции [5, с. 31–32].

Рис. 1. Процентное соотношение возобновляемых источников энергии в Турции

Турецкая Республика серьезно взялась за разработку атомной энергетики. До 2030 года в Турции планируется построить 3 атомные электростанции – «Аккую», «Синоп», «Игнеада», которые призваны обеспечить 10% электроэнергии, потребляемой в стране. Первой атомной электростанцией, построенной на территории Турции, станет АЭС «Аккую». Строительство электростанции подтверждено сделкой между Турецкой Республикой и Российской Федерацией в 2010 году [10, с. 62; 11]. Министр энергетики Турции Альпарслан Байрактар в своем выступлении в августе 2023

года сообщил, что запуск первого энергоблока АЭС «Аккую» запланирован на октябрь 2024 года, запуск остальных трех энергоблоков предполагается осуществлять каждый следующий год, а ожидаемая мощность АЭС «Аккую» должна достигнуть 35 млрд кВтч/год. Начало строительства АЭС «Синоп», «Игнеада» планируется в ближайшие 5 лет [12].

Энергетическая отрасль Турции находится в зависимости от импорта нефти и газа, в связи с этим страна не может отказаться от теплоэлектростанций, работающих на угле и наносящих вред экологии, поскольку каменный уголь является единственным традиционным источником энергии, который имеется в распоряжении и добывается в достаточном количестве. Турецкая Республика обладает хорошим природным потенциалом для развития возобновляемых источников энергии, однако переход на возобновляемые источники энергии требует использования инновационных технологий и, как следствие, больших финансовых вложений, что затруднительно для страны, находящейся в процессе экономического развития. Атомная энергетика может стать гарантом энергетической безопасности Турции, снизить нефтегазовую зависимость от других стран, предоставив стабильный, эффективный и недорогой источник энергии в условиях снижения выбросов углерода.

Россия имеет значительное влияние на энергетическую политику Турции. Среди основных факторов воздействия выделяются следующие.

1. Поставки газа из России в Турцию. В 2023 году Россия заняла 3-е место по поставкам газа в Турцию, за год сумма экспорта газа составила 348 млн долларов США, объем поставок – 3,9 млн тонн [13]. Конкуренспособные цены, надежные источники газа, налаженная инфраструктура по доставке газа, долговременные соглашения и укрепление международных отношений в обозримом будущем будут способствовать лидерству России по поставкам природного газа.

2. Цена на газ как политический инструмент. Россия поставляет газ Турции по более демократичной цене по сравнению с Алжиром и США, от

которых Турция в 2023 году получила меньше газа за более высокую стоимость [13]. Низкая стоимость газа для Турции имеет политические причины: Турецкая Республика официально признана дружественной страной для Российской Федерации [14], через «Турецкий поток», расположенный на территории Турции, поставляется природный газ из России в страны Европы.

3. Газовый хаб в Турции. Инициатором идеи газового хаба в Турции выступил президент России В.В. Путин в октябре 2022 года. Газовый хаб позволил бы России возместить ущерб, нанесенный в результате взрывов на «Северном потоке – 1» и «Северном потоке – 2» [15]. Уже в 2024 году Турецкая Республика намерена осуществлять сделки с использованием газового хаба [16].

4. Россия принимала активное участие в строительстве инфраструктурных энергетических проектов в Турции, а именно в строительстве газопроводов «Трансбалканский» (1986), «Голубой поток» (2002), «Турецкий поток» (2020); атомных электростанций «Аккую» (на этапе завершения строительства), «Синоп» (на этапе проекта).

Проект по строительству АЭС «Синоп» появился еще в 2010 году, Турция неоднократно предпринимала попытки воплотить его в жизнь с участием Южной Кореи, Японии, Франции, Объединенных Арабских Эмиратов. В марте 2024 года Турция вела переговоры по строительству электростанции с Россией [17]. В таблице 1 отображены ключевые даты в истории проекта.

«Росатом» имеет опыт строительства АЭС в Турции, Египте, Китае, Бангладеш [28], корпорация обладает современными технологиями, позволяющими реализовать строительство в Синопе с учетом особенностей местности. «Росатом» располагает необходимыми материалами и оборудованием для качественного строительства АЭС, помимо строительных работ корпорация занимается обучением персонала, мерами поддержки безопасности, утилизацией отходов.

Историческая характеристика проекта АЭС «Синоп»

Дата	Событие
7 декабря 2010 года	Переговоры Турции с Южной Кореей по строительству АЭС «Синоп», проект не вышел за рамки переговоров [18].
30 декабря 2010 года	Предложение со стороны Японии по строительству АЭС «Синоп», подписание меморандума относительно сотрудничества в атомной энергетике между странами не привело к дальнейшим действиям [19].
15 октября 2012 года	Совместное предложение по строительству от Объединенных Арабских Эмиратов и Южной Кореи оказалось безрезультатным [20].
4 апреля 2013 года	Турция вернулась к договоренности по строительству АЭС «Синоп» с Японией при участии Франции [21].
2 апреля 2015 года	Договор с Японией по строительству АЭС «Синоп» утвержден на самом высоком государственном уровне со сроками завершения проекта в 2023 году [22].
5 декабря 2018 года	Франция и Япония приняли решение отказаться от строительства АЭС «Синоп» по причине увеличения первоначальных затрат в 2 раза и невозможности финансирования со стороны Турции [23].
30 сентября 2021 года	Главы государств Российской Федерации и Турецкой Республики впервые рассмотрели перспективы сотрудничества в строительстве АЭС «Синоп» [24].
13 октября 2022 года	В.В. Путин и Р.Т. Эрдоган повторно обсудили вопросы строительства второй атомной электростанции в Турции в Синопе [25].
19 октября 2022 года	Генеральный директор «Росатома» провел переговоры с Турцией по строительству АЭС «Синоп» [26].
29 февраля 2024 года	Турция решила доверить строительство второй атомной электростанции российской корпорации «Росатом» [27].

Ученые-исследователи из Турции проявляют значительный интерес к теме строительства АЭС «Синоп», что нашло свое отражение в многочисленных научных работах, посвященных этой тематике.

Современные АЭС имеют защиту от радиации, несмотря на это возможность выбросов радиоактивных веществ полностью не исключается. Для объективной оценки влияния строительства и работы АЭС на окружающую среду в провинции Синоп С. Дизман и др. в 2023 году провели исследование уровней радиоизотопа трития в питьевой и морской воде. В результате лабораторных испытаний было установлено, что в образцах проб уровень трития содержится в минимальных дозах и на момент исследования не оказывает влияния на здоровье населения [29].

Одной из важных составляющих экономики Турции является сфера туризма, в Синопе хорошо развит морской и экологический туризм. Ученые М. Кая и С. Доган провели опрос в 2023 году среди 415 местных жителей Синопа и пришли к выводу, что жители региона считают атомную станцию негативным фактором для туристической деятельности, а также для окружающей среды [30]. А. Унал и др. провели SWOT-анализ, в результате которого было установлено, что Синоп является одним из самых благополучных регионов Турции, имеет потенциал для развития новых направлений туризма и деятельности, таких как фотография, парусный спорт, развитие культурных ценностей и памятников для посещения туристами, национальная кухня, а строительство АЭС может лишить регион туристической привлекательности [31]. Сельское хозяйство, в том числе животноводство, достаточно развито в Синопе [32], эксплуатация АЭС также может негативно повлиять на эту отрасль.

Землетрясения в Турции, произошедшие в феврале 2023 года, повлекли за собой множество человеческих жертв, оставили людей без жилья, уничтожили инфраструктуру. А.Валентини, Ф. Белтран провели исследования сейсмической опасности для площадки в Синопе, на которой планируется строительство АЭС. Ученые установили, что этот регион обладает сейсмической активностью, что делает потенциально опасным строительство АЭС «Синоп» [33].

Глобальное сообщество объединилось с целью сокращения выбросов парниковых газов и предотвращения глобального потепления. У. Чаликоглу, М.А. Коксал считают, что использование атомной энергии для Турции поможет достичь нулевого выброса парниковых газов, исключит необходимость в добыче полезных ископаемых. Без атомной энергетики Турция не сможет добиться чистого нулевого уровня парниковых газов и сократить выбросы на 41% в ближайшие 15 лет только за счет возобновляемых источников энергии [34].

Аварии, произошедшие на Чернобыльской АЭС, АЭС «Фукусима-1», АЭС «Сен-Лоран-дез-О» и других атомных электростанциях, и их последствия оказали влияние на сопротивление людей их строительству. Антиядерные движения в Турции появились еще в 70-х годах прошлого века в Мерсине и Синопе, после военного переворота в 1980 году антиядерные движения были подавлены государственными властями [35]. В современной Турции антиядерная политика также осуждается государством [36].

Рис. 2. Совокупный риск реализации проекта строительства АЭС «Синоп»

А. Гюльсой, М.Х. Топал считают, что для того чтобы ядерные технологии, в частности атомные электростанции, были восприняты турецким обществом, со стороны государства необходимо вести просветительскую деятельность, подчеркивая экологическую безопасность, высокую технологичность, низкий риск аварийности и энергетическое значение для страны. В Турции наблюдается низкий уровень осведомленности об атомной энергетике, при этом решения в этой области принимаются централизованно,

без участия граждан [37]. На основе анализа турецкой научно-методической литературы были выявлены риски строительства АЭС «Синоп» (рис. 2).

Для развития сотрудничества между Россией и Турцией в проекте строительства АЭС «Синоп» предлагаются следующие решения.

1. Обмен опытом между российскими и турецкими инженерами. Турецкие инженеры лучше осведомлены о сейсмологических, типологических и геологических особенностях Синопа. Российские инженеры более компетентны в обеспечении безопасности во время строительства АЭС.

2. Управление экологическими рисками. Во время строительства АЭС следует уделить максимальное внимание воздействию на экологию. Для этого необходимо выполнить исследования, связанные с оценкой их влияния на водные ресурсы, почву, воздушную среду, растительный и животный мир, население. Следует разработать мероприятия по защите природы и биоразнообразия; использовать современные технологии минимизирующие радиоактивные выбросы в окружающую среду; оптимизировать управление радиоактивными отходами; осуществлять постоянный мониторинг за изменениями окружающей среды во время строительства и эксплуатации АЭС.

3. Создание обучающих программ в области атомной энергетики. Обучение может включать в себя разработку образовательных программ для турецких университетов, проекты по обмену сотрудниками и студентами между Россией и Турцией для получения дополнительного опыта, поддержку развития научно-исследовательской работы, организацию обучения сотрудников для повышения квалификации, просветительскую деятельность для местного населения.

4. Укрепление партнерства между Россией и Турцией. Проект по строительству АЭС «Синоп» существует достаточно давно, при этом Турция так и не смогла договориться о строительстве АЭС с другими странами. Для того чтобы проект мог быть реализован при участии России, необходимо установить честные и открытые деловые отношения, постоянно проводить

встречи для освещения текущих проблем, соблюдать в работе международные стандарты атомной энергетики, выполнять проверки, делиться актуальной достоверной информацией.

5. Экономический аспект. В проекте АЭС «Синоп» важной составляющей является финансовый аспект, поскольку строительство АЭС – мероприятие долгосрочное и требует значительных финансовых затрат, которые не окупятся в ближайшей перспективе. Успешное функционирование АЭС «Синоп» потребует наличия развитой инфраструктуры, что повлечет за собой дополнительные строительные работы. Экономический вопрос важен для местного населения, для которого будут созданы новые рабочие места, и для местных предпринимателей, в том числе в области туризма и сельского хозяйства, для которых необходимо разработать стратегии поддержки и осуществления деятельности.

Энергетика Турции состоит из традиционных и альтернативных источников энергии. Основное потребление энергетических источников приходится на нефть и газ, которые Турецкая Республика закупает в других странах. Собственное производство сосредоточено на добыче каменного угля. Развиваются возобновляемые источники энергии, планируется строительство трех АЭС.

Россия активно участвует в энергетической политике Турции, поставляет природный газ, нефть, устанавливает специальную цену на газ, способствует развитию газового хаба в Турции, принимает участие в строительстве инфраструктурных объектов – газопроводов, АЭС.

Турция утвердила строительство АЭС «Синоп» в 2010 году, однако в 2024 году строительство еще не началось. После нескольких неудачных попыток выполнить проект строительства с Южной Кореей, Японией, Францией и другими странами Турция доверила строительство АЭС «Синоп» России.

Сотрудничество России и Турции по проекту АЭС «Синоп» возможно в случае обмена опытом между специалистами государств, минимизации

экологических рисков в регионе Синоп, реализации образовательных программ подготовки кадров, персонала и населения, укрепления партнерских отношений, согласования экономических вопросов.

Список литературы

1. Economy of Turkey - statistics & facts // Statista [сайт]: [statista.com](https://clck.ru/39dsJq) – 2023. – URL: <https://clck.ru/39dsJq> (дата обращения: 26.03.2024)
2. Bugün Türkiye nüfusu // Population Today [сайт]: [populationtoday.com](https://clck.ru/39dwe2) – 2023. – URL: <https://clck.ru/39dwe2> (дата обращения: 26.03.2024)
3. Turkey: Unemployment rate from 1999 to 2022 // Statista [сайт]: [statista.com](https://clck.ru/39dxwF) – 2024. – URL: <https://clck.ru/39dxwF> (дата обращения: 26.03.2024)
4. Turkey: Gross domestic product (GDP) in current prices from 1987 to 2028 // Statista [сайт]: [statista.com](https://clck.ru/39duzx) – 2023. – URL: <https://clck.ru/39duzx> (дата обращения: 26.03.2024)
5. Коновалова, А. Ю. Энергетическая стратегия Турции / А. Ю. Коновалова // Вестник университета. – 2023. – № 5. – С. 27-36.
6. Две трубы под Черным морем. Как Россия доставляет газ в Турцию// БКС Экспресс [сайт]: [bcs-express.ru](https://clck.ru/39g4He) – 2023. – URL: <https://clck.ru/39g4He> (дата обращения: 26.03.2024)
7. Доля газа РФ в структуре потребления ФРГ сократилась в 2022 году до 20% [сайт]: [tass.ru](https://clck.ru/39g5Jo) – 2022. – URL: <https://clck.ru/39g5Jo> (дата обращения: 26.03.2024)
8. Три нитки «Северного потока» повреждены: останется ли Европа без газа и как утечка повлияет на экологию? // Рамблер новости [сайт]: [news.rambler.ru](https://clck.ru/39g6Vh) – 2022. – URL: <https://clck.ru/39g6Vh> (дата обращения: 26.03.2024)
9. «Северный поток» // Газпром [сайт]: [gazprom.ru](https://clck.ru/39g6pY) – 2024. – URL: <https://clck.ru/39g6pY> (дата обращения: 26.03.2024)
10. Бараз, А. С. Энергетические ресурсы как ключевой фактор экономического развития Турции / А. С. Бараз // Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания: Сборник статей. – Москва: Издательство "Перо", Образовательное частное учреждение высшего образования "Гуманитарно-социальный институт", 2020. – С. 62-66.
11. Турция и Южная Корея ведут переговоры о строительстве 4 атомных реакторов // Neftegaz.RU [сайт]: [neftegaz.ru](https://clck.ru/39gCW8) – 2022. – URL: <https://clck.ru/39gCW8> (дата обращения: 26.03.2024)
12. Глава Минэнерго Турции А. Байрактар сообщил, что другие реакторы будут вводиться в эксплуатацию с интервалом в год // Neftegaz.RU [сайт]: [neftegaz.ru](https://clck.ru/39gDkE) – 2023. – URL: <https://clck.ru/39gDkE> (дата обращения: 26.03.2024)
13. Россия вошла в тройку крупнейших поставщиков газа в Турцию // РИА Новости [сайт]: [ria.ru](https://clck.ru/39gRsn) – 2024. – URL: <https://clck.ru/39gRsn> (дата обращения: 26.03.2024)
14. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2023 года №2530-п, Москва // Правительство России [сайт]: [government.ru](https://clck.ru/39gVL6) – 2024. – URL: <https://clck.ru/39gVL6> (дата обращения: 26.03.2024)

15. В Турции назвали сроки запуска газового хаба из России в Европу // РБК [сайт]: rbc.ru – 2024. – URL: <https://clck.ru/39gWge> (дата обращения: 26.03.2024)
16. Что известно о проекте газового хаба в Турции // ТАСС [сайт]: tass.ru – 2024. – URL: <https://clck.ru/39gXE9> (дата обращения: 26.03.2024)
17. Росатом и Турция находятся на начальном этапе обсуждения проекта строительства новой АЭС // ТАСС [сайт]: tass.ru – 2024. – URL: <https://clck.ru/39gdZE> (дата обращения: 26.03.2024)
18. Южная Корея и Турция ведут переговоры по строительству АЭС // Атомная энергия [сайт]: atomic-energy.ru – 2010. – URL: <https://clck.ru/39gcNj> (дата обращения: 26.03.2024)
19. Танер Йылдыз: Япония сможет решить все задачи в рамках реализации проекта АЭС «Синоп» // Атомная энергия [сайт]: atomic-energy.ru – 2010. – URL: <https://clck.ru/39gcnP> (дата обращения: 26.03.2024)
20. Объединенные Арабские Эмираты готовы принять участие в строительстве АЭС в турецком Синопе совместно с Республикой Корея // Атомная энергия [сайт]: atomic-energy.ru – 2012. – URL: <https://clck.ru/39gdtK> (дата обращения: 26.03.2024)
21. Токио и Анкара достигли принципиального соглашения о строительстве АЭС "Синоп" // Атомная энергия [сайт]: atomic-energy.ru – 2013. – URL: <https://clck.ru/39gdzX> (дата обращения: 26.03.2024)
22. Турецкий парламент ратифицировал в среду соглашение с Японией о строительстве АЭС в провинции Синоп // Атомная энергия [сайт]: atomic-energy.ru – 2015. – URL: <https://clck.ru/39ge82> (дата обращения: 26.03.2024)
23. Японо-французский консорциум выходит из проекта по строительству АЭС в Турции // Атомная энергия [сайт]: atomic-energy.ru – 2018. – URL: <https://clck.ru/39geGB> (дата обращения: 26.03.2024)
24. Реджеп Эрдоган и Владимир Путин обсудили возможность участия России в строительстве еще двух турецких АЭС // Атомная энергия [сайт]: atomic-energy.ru – 2021. – URL: <https://clck.ru/39geMo> (дата обращения: 26.03.2024)
25. Реджеп Эрдоган и Владимир Путин обсудили возможность строительства Россией второй АЭС в Турции // Атомная энергия [сайт]: atomic-energy.ru – 2022. – URL: <https://clck.ru/39geU2> (дата обращения: 26.03.2024)
26. Росатом начал переговоры о строительстве второй крупной АЭС "Синоп" в Турции // Атомная энергия [сайт]: atomic-energy.ru – 2022. – URL: <https://clck.ru/39gea9> (дата обращения: 26.03.2024)
27. Турция доверит Росатому строительство своей второй АЭС «Синоп» // Атомная энергия [сайт]: atomic-energy.ru – 2023. – URL: <https://clck.ru/39geeC> (дата обращения: 26.03.2024)
28. Возрождение атома // Коммерсантъ [сайт]: kommersant.ru – 2022. – URL: <https://clck.ru/39gez> (дата обращения: 26.03.2024)
29. Dizman S. Tritium contents in drinking and surface seawaters before the nuclear power plant planned in Sinop (Türkiye) and their radiological risks on human population / S. Dizman, F. Z. Aşık, A. E. Özçelik, R. Keser, F. K. Görür // Water &

- Health [сайт]: iwaponline.com – 2023. – URL: <https://clck.ru/39h5Mo> (дата обращения: 26.03.2024)
30. Kaya M. Evaluation of the effects of nuclear power plants on tourism from the perspective of local people: the case of Sinop / M. Kaya, S. Doğan // CABI Digital Library [сайт]: cabidigitallibrary.org – 2023. – URL: <https://clck.ru/39h6tL> (дата обращения: 26.03.2024)
31. Ünal A. Evaluation of Tourism Potential of Sinop Destination With SWOT Analysis / A. Ünal, S. İnceöz, O. Çelen, E. Çilesiz // Akademik Veri Yönetim Sistemi [сайт]: avesis.uludag.edu.tr – 2022. – URL: <https://clck.ru/39h6tL> (дата обращения: 26.03.2024)
32. Kaygisiz A. Investigation of Suitability for Herd Management and Animal Welfare in Farm Reared Goat in Sinop Province / A. Kaygisiz, İ. Yılmaz, K. E. E. Taşan // ReserchGate [сайт]: researchgate.net – 2023. – URL: <https://clck.ru/39hFpB> (дата обращения: 26.03.2024)
33. Valentini A. Mean-to-median spectral acceleration ratios in Senior Seismic Hazard Analysis Committee Level 3 probabilistic seismic hazard analyses: An analysis of reported results / A. Valentini, F. Beltran // SageJournals [сайт]: journals.sagepub.com – 2024. – URL: <https://clck.ru/39hC27> (дата обращения: 26.03.2024)
34. Calikoglu U. A pathway to achieve the net zero emissions target for the public electricity and heat production sector: A case study for Türkiye / U. Calikoglu, M. A. Koksall // ScienceDirect [сайт]: sciencedirect.com – 2023. – URL: <https://clck.ru/39hDsz> (дата обращения: 26.03.2024)
35. Demircan P. Neoliberal politikalar bağlamında nükleer karşıtı hareketin dönüşümü: Mersin ve Sinop incelemesi / P. Demircan // MSGSÜ [сайт]: acikerisim.msgsu.edu.tr – 2023. – URL: <https://acikerisim.msgsu.edu.tr/xmlui/handle/20.500.14124/5524> (дата обращения: 26.03.2024)
36. Şahin S. B. Counter-hegemonic struggle and the framing practices of the anti-nuclear platform in Turkey (2002–2018) / S. B. Şahin, M. B. Ün // SageJournals [сайт]: journals.sagepub.com – 2021. – URL: <https://clck.ru/39hQ3V> (дата обращения: 26.03.2024)
37. Gülsoy A. Değerlerin, Risk Algısının ve Nükleer Farkındalığın Nükleer Santrallerin Sosyal Kabulü Üzerindeki Etkisi / A. Gülsoy, M. H. Topal // ReserchGate [сайт]: researchgate.net – 2018. – URL: <https://clck.ru/39hQSL> (дата обращения: 26.03.2024)
38. Шангараев Р.Н. Идеологические аспекты внешней политики Турции // Обозреватель. 2017. № 11 (334). С. 73-82.

Ногмова Аделина Шафиковна,

к.п.н., доцент, доцент кафедры политологии
и политической философии,
Дипломатическая академия МИД России,
adelinamid@mail.ru

Бедаев Александр Иванович,

к.и.н., доцент кафедры востоковедения и политических наук,
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,
sascha.bolgow2012@yandex.ru

Adelina Sh. Nogmova,

Ph.D. (Political Science), Associate Professor at the Department of Political
Science and Political Philosophy,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation,
adelinamid@mail.ru

Alexander I. Badaev,

Ph.D. (History), Associate Professor at the Department of Oriental Studies
and Political Sciences,
V.N. Tatishchev Astrakhan State University,
sascha.bolgow2012@yandex.ru

АРКТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ARCTIC DIRECTION IN SINO-RUSSIAN RELATIONS: POLITICAL AND ECONOMIC ASPECT

Аннотация: в статье рассматриваются изменения в российско-китайских отношениях как результат ухудшения отношений между Россией и странами Запада в связи с политической ситуацией и проведением российской стороной специальной военной операции (СВО) на Украине. Отмечаются достижения Китая в его проникновении в Арктический регион еще до «русской весны» и начала СВО сразу по ряду направлений, что позволяет составить цельное представление о последовательности этого проникновения. В исследовании подчеркивается, что Россия рассматривает Китай не только как стратегического партнера по освоению региона, но и как соперника.

Ключевые слова: Арктический регион, Арктическая зона России (АЗР), Северный морской путь (СМП), Арктический совет (АС), Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР), «Арктическая восьмерка» (А8), «Белая книга» («Арктическая политика Китая», 2018 г.), «Ямал СПГ», «Арктик СПГ-2», Полярный шелковый путь.

Abstract: The article analyzes the changes in Russian-Chinese relations as a result of the worsening relations between Russia and Western countries due to the

political situation and the Russian side's Special Military Operation in Ukraine. The article notes China's achievements in its penetration into the Arctic region before the Russian Spring in a number of directions, which gives a coherent picture of the sequence of this penetration. The study emphasizes that despite the obvious Russian-Chinese rapprochement, Russia considers China not only as a strategic partner in the development of the region, but also as a rival.

Keywords: Arctic region, The Arctic Zone of the Russian Federation (AZRF), Northern Sea Route (NSR), Arctic Council (AC), Barents Euro-Arctic Council (BEAC), the “Arctic Eight” (A8), White Paper (“China's Policy in the Arctic Region”) 2018, “Yamal LNG”, “Arctic LNG-2”, Polar Silk Road.

В последнее время в научном и политическом дискурсе тема Арктики становится всё более заметной. В связи с изменением геополитических условий, начиная с 2023 года Россия в качестве одной из задач своей внешней политики видит взаимодействие с неарктическими странами по вопросам освоения Арктического региона, в первую очередь с Китаем.

У Китая уже имеется некоторый опыт отстаивания своих интересов в регионе (работа Китая в трехстороннем саммите). Проникновение Китая в Арктический регион ведется сразу по нескольким направлениям: дипломатическому, идеологическо-правовому, техническому, исследовательскому, экономическому.

В рамках дипломатического направления Китай в 2013 году добился статуса наблюдателя в Арктическом совете, развернул сотрудничество по вопросам освоения Арктики с США (в 2010 году), Исландией (в 2012 году), Финляндией (в 2017 году), провел ряд двусторонних встреч с российской стороной (в 2013 году) [4, с. 66–67]. В 2015 и 2023 годах Китай и Россия заключили соглашения о сотрудничестве по вопросам функционирования Северного морского пути (СМП). В 2017 году выступили с совместными заявлениями о партнерстве, взаимодействии и современных международных проблемах [4, с. 66–67], а в апреле 2023 года подписали меморандум о сотрудничестве в сфере морского права [5].

На идеологическо-правовом направлении, в «Белой книге» («Арктическая политика Китая», 2018 г.) подчеркивается, что история

проникновения Китая в Арктику берет свое начало с 1925 года, когда страна присоединилась к Договору о Шпицбергене [2], что придает исторический оттенок включению Китая в решение вопросов региона. Таким образом, активизация политики Китая в Арктике представляется не как проникновение, а лишь как возвращение в регион. В том же документе отмечается самопровозглашенный статус Китая как «околоарктического государства», который обосновывает его право на участие в решении вопросов Арктического региона. Более того, в «Белой книге» («Арктическая политика Китая») обращение к климатической повестке является своеобразной претензией Китая на статус великой державы, озабоченной вопросами глобального управления [2].

В рамках технического направления следует отметить стремление Китая обзавестись собственным ледокольным флотом. Так, в 1994 году Китаем был приобретен первый ледокол («Сюэлон-1»). В 2018 году был спущен на воду первый ледокол китайского производства («Сюэлон-2»). В 2003 году Китаем была запущена в эксплуатацию первая собственная арктическая исследовательская станция («Хуанхэ») на Шпицбергене. Научно-исследовательское направление позволяет Китаю выступать с позиции государств, обеспокоенных экологическим состоянием региона, включая проблему изменения климата, что позволяет ему обосновывать необходимость вмешательства в Арктику стран, не входящих в «Арктическую восьмерку» (A8). Наконец, в 2019 году состоялась первая российско-китайская экспедиция на арктический континентальный шельф в Восточно-Сибирском море [8, с. 264].

В рамках экономического направления Китая можно выделить два основных трека: развитие Северного морского пути (СМП) и добыча природных ресурсов в Арктике.

На первом треке с 2015 года Китаем продвигается международная инициатива активного включения КНР в развитие российских северных маршрутов (инициатива «Полярного шелкового пути»). Серьезной проблемой

в развитии СМП является недостаточность финансирования и модернизации. Порты в АЗР, построенные еще в советское время, не отвечают современным требованиям и не способны принимать крупные суда. По оценкам китайских специалистов, половина портов СМП не функционирует [7]. Это обстоятельство требует серьезных вложений в развитие СМП. В мае 2023 года Россия открыла для иностранных судов порт Тикси, расположенный на среднем отрезке СПМ, рассчитывая превратить его в порт международного уровня [3, с. 12].

На втором треке Китай уже в 2014 году начал совместные с российской стороной проекты «Ямал СПГ» (по сжижению и транспортировке природного газа) и «Арктик СПГ-2» (по добыче природного газа и производству сжиженного природного газа – СПГ). В 2023 году доля китайского капитала в проекте «Ямал СПГ» достигла 30 % [3, с. 13]. В 2022 году в рамках проекта «Ямал СПГ» был произведен 21 млн т СПГ [3, с.12], а в марте 2024 года вице-премьер А.В. Новак заявил о запуске первой очереди «Арктик СПГ-2» [6].

Вместе с тем следует отметить, что политика Китая не является безоговорочно пророссийской. Китай инвестирует в совместные проекты с Россией достаточно осторожно и с оглядкой на возможные вторичные санкции со стороны США. В то же время его «Белая книга» («Арктическая политика Китая») содержит положения, противоречащие национальным интересам России. Речь идет о транспортном маршруте через Северный Ледовитый океан, который Китай хотел бы видеть в статусе международного.

Степень «поворота на Восток» в Арктике со стороны России достаточно ощутима, если учесть, что еще в 2012 году Россия препятствовала исследовательской работе китайского ледокола «Сюэлон-1» при его проходе через СМП, а в 2013 году выступала против получения Китаем статуса наблюдателя в Арктическом совете. Однако в 2021 году Минпромторг отверг участие китайских верфей в конкурсе на строительство ледокола для «Росморпорта», объяснив свой отказ соперничеством с Китаем в арктических разработках [1]. Для России резкое ухудшение отношений с Западом,

очевидно, является побудительным мотивом для сближения с Китаем. Однако это не исключает восприятия российской стороной Китая не только как своего партнера, но и как конкурента в Арктическом регионе. Например, Китай наделяет Арктику статусом «новых стратегических рубежей», т. е. таких областей, регулирование которых имеет серьезные пробелы в современном международном праве (наряду с киберпространством, космосом и открытым морем), а значит, требует международного контроля. Поэтому экологическая и климатическая повестка является одной из важнейших для Китая в обосновании возможности собственного проникновения в регион. Более того, Арктический регион видится китайской стороне как зона возможного военного соперничества, в котором участие Китая можно считать вполне допустимым [9]. Наконец, инвестирование китайской стороной инфраструктурных проектов в АЗР следует признать не вполне достаточным (например, больше средств вкладывается Китаем в научно-исследовательскую деятельность, которая рассматривается как атрибут великой державы). Вместе с тем, как уже отмечалось выше, в вопросах совместного развития арктических технологий Россия сторонится КНР.

Таким образом, за последнее десятилетие Китай достиг определенных успехов в своем проникновении в Арктический регион. Деятельность КНР развивается сразу по нескольким направлениям: дипломатическому, идеологическо-правовому, техническому, исследовательскому, экономическому. Экологическая и климатическая повестка используется китайской стороной в качестве универсального инструмента проникновения в Арктику. Для российской стороны специальная военная операция на Украине послужила триггером в ее сближении с Китаем, предоставив ему уникальную возможность для наращивания собственного присутствия в регионе. В силу особого экономического значения Арктики для России, российское руководство до т. н. «русской весны» выступало за эксклюзивные права «Арктической восьмерки» (А8) в регионе, однако на фоне ухудшения российско-американских отношений и сужения европейского газового рынка

стало возможным более тесное российско-китайское сотрудничество в Арктике. Вместе с тем отношения между Россией и Китаем нельзя назвать полностью комплиментарными.

Для Китая обострение международной обстановки, предоставляет уникальную возможность быстро войти в круг основных разработчиков природных богатств региона, а с другой. Порядок работы в Арктике оказался нарушен (отказ западных стран работать в Арктическом совете под российским председательством, парализация работы Совета Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР) с последующим выходом из него России), в связи с ситуацией на Украине, чего ранее не наблюдалось. Это означает, что Арктический регион с настоящего времени может быть использован странами для выяснения отношений по любым вопросам. В свою очередь, это заставляет Китай проявлять определенную сдержанность в отношениях с Россией, а сам регион рассматривать как территорию возможного военного противостояния с его участием.

Список литературы

1. Афанасьева М., Войцеховская Я. Нет стапелю в чужом отечестве / М. Афанасьева, Я. Войцеховская // Коммерсантъ. 30.08.2021. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4965338>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 5.05.2024).
2. Белая книга: Арктическая политика Китая. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/26/c_136926498_2.htm, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 30.04.2024).
3. Жильцов С. С. Арктика в концепции внешней политики России 2023 года: основные направления и вызовы / С. С. Жильцов // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2023. № 3 (37). С. 6-19.
4. Киенко Е. В. Международно-правовые основы сотрудничества Китая с арктическими государствами / Е. В. Киенко // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2. С. 64-68.
5. Китай и Россия подписали меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в области морского правопорядка // Arctic.ru. 26.04.2023. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.arctic.ru/international/20230426/1021402.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 4.05.2024).

6. Никитина О. Запущена первая очередь «Арктик СПГ – 2» / О. Никитина // Взгляд. Деловая газета. 29.03.2024. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://m.vz.ru/news/2024/3/29/1260696.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 5.05.2024).
7. Фэй Цзюньхуэй. Перспективы сотрудничества России и Китая в Арктике / Фэй Цзюньхуэй // Современные востоковедческие исследования. 2020. № 4. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://mos-journal.com/article/4-2020/perspektivy-sotrudnicestva-rossii-i-kitaa-v-arktike-p5>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 5.05.2024).
8. Ян Нань, Го Пэйцзин. Китайско-российское сотрудничество в Арктике: текущая ситуация, вызовы и приоритеты развития / Ян Нань, Го Пэйцзин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 3. Т. 15. С. 259–273.
9. Doshi R., Dale-Huang A., Zhang G. Northern expedition: China's Arctic activities and ambitions. / R. Doshi, A. Dale-Huang, G. Zhang // Brookings. April 2021. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.brookings.edu/articles/northern-expedition-chinas-arctic-activities-and-ambitions/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. англ. (Дата обращения: 12.05.2024).
10. Шангараев Р.Н. Идеологические аспекты внешней политики Турции // Обозреватель. 2017. № 11 (334). С. 73-82.23
11. Африка: региональные проблемы безопасности. Троянский М.Г., Карпович О.Г., Сидорова Г.М., Шангараев Р.Н., ДА МИД РФ, Москва, 2022.
12. Шангараев Р.Н. Курдский вопрос во внешней политике Турции на Ближнем Востоке // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 2 (16). С. 127-135.
13. Карпович О.Г. Цветная "революция зонтиков" в Гонконге: начало "китайской весны" // Национальная безопасность / Nota Bene. 2014. № 6 (35). С. 990-996

Сидорова Лидия Николаевна,
к.п.н., доцент, доцент кафедры политологии и политической философии,
зам. заведующего кафедрой стратегических коммуникаций и
государственного управления,
Дипломатическая академия МИД России,
lid.nik.sidorova@gmail.com
Lidiia N. Sidorova,
Ph.D. (Political Science),
Department of Political Science and Political Philosophy,
Department of Strategic Communications and Public Administration,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
lid.nik.sidorova@gmail.com

**УКРАИНА И БЕЛАРУСЬ В ЗАПАДНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ
ПО ОСЛАБЛЕНИЮ РОССИИ
UKRAINE AND BELARUS IN WESTERN CONCEPTS
ON WEAKENING RUSSIA**

Аннотация: в статье дается исторический экскурс по основным англосаксонским концепциям по ослаблению России («план Даллеса», «югославский сценарий»), а также приведены примеры, свидетельствующие о продолжении попыток создания подобных стратегий («Россия как несостоявшееся государство», как «страна-изгой», «Украина как антиРоссия»). Рассмотрены варианты сдерживания, которое является одной из разновидностей политики ослабления. Использование факторов Украины и Белоруссии с целью ослабления России имеют под собой двоякое основание – как географическое (западные «входные ворота» в Россию), так и этноязыковое (восточнославянская культурно-языковая общность включает русских, украинцев и белорусов). Резонирующие в бессознательных слоях братских чувств попытки разрыва этого единства следует признать важным элементом ментальной войны.

Ключевые слова: ослабление России, Украина, Беларусь, западные концепции, «план Даллеса», стратегия сдерживания, несостоявшееся государство, ментальная война.

Abstract: the article provides a historical overview of the main well-known Anglo-Saxon concepts of weakening Russia (the Dulles Plan, the Yugoslav

scenario), as well as examples indicating the continuation of attempts to create such strategies ("Russia as a failed state", as a "rogue state", "Ukraine as anti-Russia"). The options of deterrence as one of the varieties of the policy of weakening are considered. The use of the factors of Ukraine and Belarus to weaken Russia has a twofold basis – both geographical (the western "entrance gate" to Russia) and ethno linguistic (the East Slavic cultural and linguistic community includes Russians, Ukrainians and Belarusians). Attempts to break this unity that resonate in the unconscious layers of fraternal feelings should be recognized as an important element of mental warfare.

Keywords: weakening of Russia, Ukraine, Belarus, Western concepts, Dulles plan, deterrence/containment strategy, failed state, mental war.

Словосочетание «ослабление России» получило распространение в западном дискурсе после заявления министра обороны США Ллойда Остина, сделанного 25 апреля 2022 года в Польше, после визита в Киев вместе с госсекретарем США Энтони Блинкеном. Ллойд Остин заявил, что Вашингтон хочет видеть «Россию ослабленной» до такой степени, чтобы она «не могла делать что-то подобное тому, что сделала» [21] на Украине. До этого момента ослабление как цель лишь подразумевалось и было прикрыто риторикой «сдерживания» как основного метода ослабления.

17 сентября 2022 года в обращении к жителям Белоруссии в ходе патриотического форума «Это наша история!» по случаю Дня народного единства Александр Лукашенко добавил к «ослаблению России» как цели США «и уничтожение Белоруссии» [4].

Использование факторов Украины и Белоруссии для ослабления России имеют под собой двоякое основание – географическое (западные «входные ворота» в Россию) и этноязыковое (восточнославянская культурно-языковая общность включает представителей трех народов – русских, украинцев и белорусов).

Использование традиционных механизмов ослабления (формирование образа изгоя или тирана, покушающегося на свободу и независимость; экономическая блокада; создание очагов нестабильности через разжигание противоречий среди населения на национальной и религиозной почвах вплоть до провоцирования военного конфликта и поддержки в нем одной из сторон) способно максимизировать эффект от воздействия, резонируя в бессознательных слоях братских чувств. Именно это является благодатной почвой для выведения оппонента из зоны рациональных действий и успешного провоцирования его на импульсивные иррациональные действия.

По сути, исходная логика использования украинских и белорусских земель и народов как инструмента влияния на Россию (как бы она ни называлась в разные периоды – империя, союз или федерация) заключается в ментальном и/или физическом отрыве от идеи внутреннего единства восточнославянских народов. Иными словами, чем активнее продвигается идея единства, тем больше желающих проверить его на прочность.

Богатая история территорий современных Украины и Белоруссии (от принадлежности отдельных частей к землям Хазарского каганата до Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Австро-Венгрии, Османской и Российской империй и СССР), породившая их этническую и религиозную разнородность, а также небольшой по историческим меркам опыт самостоятельной государственности оставляет простор для практически любых вариантов дестабилизации: от движений национальных меньшинств и праворадикальных элементов титульной нации до планов/опасений по возвращению былой славы возвышающихся соседей.

Правила игры на ослабление

Отдельные варианты западных стратегий сегодня выглядят как аксиоматически принятые всеми участниками правила игры, исходное правдоподобие которых до сих пор не позволяет взглянуть на них как на изначально навязанную реальность. Такова, к примеру, всё еще пользующаяся популярностью «Великая шахматная доска» Збигнева Бжезинского. Роль

геополитического центра отведена там Украине – одной из пяти стран (наряду с Азербайджаном, Ираном, Турцией, Южной Кореей), которые имеют значение благодаря местоположению, а не по причине мотивации или силы, в отличие от геостратегических лиц, к которым, наряду с Францией, Германией, Китаем и Индией, причисляется и Россия. Геополитическим центрам отводится двоякая роль: с одной стороны, они могут выступать оборонительным щитом, с другой – сам факт их существования «имеет очень серьезные политические и культурные последствия для более активных соседствующих геостратегических игроков» [1]. Выходит, что без соответствующих геополитических центров геостратегические лица дезориентированы и беззащитны, т.е. Украина для России – гарант сохранения самости и оборонный щит.

Если не принимать во внимание иррациональные чувства, возникающие в связи с подобными постулатами, то они не пройдут ни процедуру верификации, ни даже проверку простой аристотелевской логикой. Однако очевидно, что установка на сохранение Украины в орбите влияния России имеет важнейшее значение в ее внешнеполитической стратегии. Восприятие Россией Украины как «красной черты» однозначно воспринимается всеми участниками международных отношений, так что само наличие «оборонного щита» и восприятие его защиты как сакральной миссии делает «срединную часть Евразии» скованной и неактивной, что является по тем же «правилам Бжезинского» условием сохранения господства Америки, хотя и временного, над «шахматной доской».

Как можно было позволить американскому стратегу польского происхождения навязать такую картину мира нескольким поколениям политиков – вопрос исторический. Почему такое видение не подвергается ревизии в наши дни – вопрос стратегический: такой пересмотр открывает возможность изыскания не просто новой тактики, но целых непредвиденных противником стратегических линий в ответ на навязанное противостояние.

*«План Даллеса» о поддержании разрыва России и Украины
с помощью военной силы*

Волнующим общественное сознание остается так называемый «план Даллеса», признающийся многими серьезными исследователями фейком. На деле за ним стоит не призыв к яркой антисоветской пропаганде, а Меморандум 20/1 Совета национальной безопасности США, который носит название «Задачи в отношении России» от 18 августа 1948 года. В целом документ посвящен тому, какую политику следует вести в отношении России после падения советского режима (сам факт скорого падения под сомнение не ставится). Распад советской империи признается само собой разумеющимся вследствие падения большевизма. И если Прибалтийским республикам в документе отведена участь независимых, то с Украиной всё не так просто.

В меморандуме отмечается, что «украинцы – наиболее развитый из народов, находящихся под управлением России», «они обижены российским господством; их националистические организации за рубежом активны, к ним прислушиваются» [19]. Но американские стратеги предостерегают от искушения обозначения независимости украинцев как цели политики США: «население Украины изначально образовалось в основном из бежавших от русского и польского деспотизма и трудноразличимо в тени русской или польской национальности» [19].

Возможную попытку оторвать украинские мощности от российской экономики авторы документа называют «искусственной и разрушительной». Даллес сравнивал ее по воздействию с попыткой отделить так называемый «зерновой пояс», включая Великие озера, от экономики Соединенных Штатов. Оптимальным решением Даллес считал значительную культурную и политическую автономию Украины от России, но при сохранении экономической и военной зависимости: «Такие отношения полностью удовлетворят требованиям самих великороссов и по-видимому соответствуют тем рамкам, которыми должны ограничиваться задачи США по отношению к Украине» [19]. Попытка полного отделения Украины от России, как сказано в

меморандуме, вызовет сопротивление со стороны последней и может поддерживаться только силой, что потребует постоянной военной помощи.

Если под разрывом понимать включение Украины «в орбиту запада», укрепленную сжигающим братские мосты проектом «Украина – не Россия», то, с позиции Бжезинского, сформулированной в 1997 году, это победа США в удержании господства над Евразией, а, с точки зрения «Плана Даллеса» от 1948 года, это авантюра, влекущая долгосрочные неподъемные обязательства США, прежде всего, в военной сфере.

Несмотря на то, что в России проживала половина населения новых независимых государств, в 1998 году она получила всего 17 % средств помощи, предназначенных для постсоветского пространства. А центром усилий США в регионе стала Украина, особенно после двух революций в 2005 и 2014 годах. Действительно, если бы союзники не возражали, администрация Джорджа Буша-мл. поставила бы Украину (и Грузию) на плавный путь к членству в НАТО еще в 2008 году [13]. Если у Запада и были какие-то колебания по приему Украины в НАТО, то, по оценкам экспертов, они были результатом хронической несостоятельности Украины как государства.

Containment vs deterrence

Терминологию сдерживания (статического, динамического, в отношении одного или двух и более противников, негосударственных акторов и т.д.) следует признать самой распространенной как в публицистической, так и научной литературе. В самом общем смысле под сдерживанием обычно понимают усилия для создания неблагоприятных условий для развития государств и обществ, роста их влияния на происходящие в регионе и мире процессы.

Представляется важным ответить на вопрос соотношения сдерживания и ослабления: можно ли расценивать переход к ослаблению как признание провала политики сдерживания. Или ослабление рассматривается как отложенный эффект, а значит и как сверхзадача политики сдерживания.

Цель внешней политики США «снизить глобальную конкурентоспособность России, создать условия для возникновения долгосрочных негативных последствий и социально-экономических диспропорций, оказать влияние на внутривнутриполитические процессы в России и её внешнюю политику» [3], может ли быть определена и как задача ослабить, и как задача сдерживать. Сформировать «образ России как реваншистской страны, проигравшей холодную войну, но не смилившейся со своим положением и превратившейся в источник вызовов и угроз для глобального лидерства США» [3], а затем спровоцировать Россию на действия, которые могут быть объяснены через эту логику – значит ли это создать условия для сдерживания или ослабления.

Оба английских термина «containment» и «deterrence» переводят на русский язык как «сдерживание» (только отдельные авторы переводят deterrence как «устрашение» [2]). «Containment» как «удерживание оппонента в определенных территориальных границах» вошло в политический лексикон с подачи Джорджа Кеннана – американского государственного деятеля, автора статьи, опубликованной в июле 1947 года в Foreign Affairs под заголовком «Источники советского поведения». Она вышла в развитие так называемой «Длинной телеграммы» Джорджа Кеннана от февраля 1946 года (телеграммы №511) [16]. «... В основе взгляда Кремля на мировые дела лежит традиционное и инстинктивное русское чувство незащищенности», – писал Кеннан, объясняя, как удачная эксплуатация укорененных в менталитете представлений о враждебном окружении (известная по расхожей фразе «Тише, товарищи, кругом враги!») помогает якобы непопулярному большевистскому режиму удерживать власть. В целом Кеннан приходит к выводу, что основная задача Запада состоит не в борьбе с Советами, а в предотвращении распространения коммунистических идей и роста их популярности в Европе и Америке, чтобы в итоге не уподобиться тем, в отношении кого проводится сдерживание.

Успешность курса на сдерживание в условиях биполярности определялась сохранением статуса кво. Начало военных действий автоматически означало бы крах политики сдерживания. Суть политики сдерживания заключалась, во-первых, в донесении четкого ультимативного сообщения, содержащего предостережение от реализации конкретного действия/замысла со стороны оппонента, а во-вторых, в выстраивании вокруг оппонента таких вводных, что вариантов реагирования у него, кроме предложенного, не оставалось.

Исходя из такой трактовки, ситуация со «шквальным огнем» санкций Запада в отношении России – это приведение в исполнение угрозы, связанной с продолжением собственной линии, несмотря на ультимативный месседж. Говоря другими словами, это признание провала политики сдерживания.

Термин “deterrence” как «воздействие посредством угрозы нанесения превентивного удара» появился значительно позднее и какое-то время соседствовал в американских стратегических документах со словом «удержание». Так, в докладе «Национальный стратегический нарратив» от 2011 года (известном как доклад Y), который должен был ознаменовать новую стратегическую эру во внешнеполитическом планировании, употребляются оба термина. При этом “containment” подается скорее как старый подход, в то время как “deterrence” тесно связан с конкуренцией: «как и конкуренция, сдерживание в самом прямом смысле основывается на силе и доверии и не может быть достигнуто исключительно путем запугивания и угроз» [8].

Здесь сдерживание представлено как продолжение конкуренции, но уже в отношении субъекта с деструктивным поведением, и предполагает сочетание развития, дипломатии и обороны. Условием эффективности сдерживания в документе названо использование совпадающих интересов и взаимозависимости, а также приложение «усилий всей страны, надежного влияния, подкрепленного действиями, которые соответствуют нашим национальным интересам и ценностям» [8]. Попытка описания сдерживания в духе родительской опеки над деструктивным поведением ребенка сегодня, 10

лет спустя, не выдерживает никакой критики, как и большинство из того, что было сделано в президентство Б. Обамы.

Сегодня на страницах Foreign Policy авторы явно славянского происхождения пишут: «Основой этой стратегии, мало чем отличающейся от первоначального варианта сдерживания эпохи холодной войны, сформулированной Джорджем Кеннаном на страницах нашего журнала еще 75 лет назад, должно снова стать терпеливое, но твердое и бдительное сдерживание экспансионистских наклонностей России» [9].

Сближает ситуации только активность пропагандистской составляющей: Байден продолжил традиции демонизации России как постимперии и делает ставку на то, что «тьма самодержавия не сравнится с пламенем свободы». Но открытая эскалация – явное указание на провал политики сдерживания и переход к открытому противостоянию. Отдельные американские аналитики недоумевают, как Белый дом, еще пару месяцев назад столь озабоченный угрозой эскалации, сейчас заявляет о том, что хочет ослабить своего ядерного соперника: «Никто не сформулировал, как выглядит «ослабленная» Россия. Или как мы узнаем, когда этот оценочный уровень будет достигнут. И даже почему ослабление России является жизненно важным интересом для США» [15].

Ноам Хомский в интервью мексиканской El Universal, назвав нынешнюю игру США и Европы «немыслимо опасной», нашел уместным сравнить возможные цели Запада с результатами вековой давности: «Если хорошенько вдуматься, это значит, что Москву нужно ослабить больше, чем Версальский договор 1919 года ослабил Германию» [17].

Дуг Бэндоу, старший научный сотрудник Института Катона, бывший специальный помощник президента Рональда Рейгана, считает, что при нынешней стратегии администрация Байдена готова финансировать конфликт, пока не изведет всех украинских мужчин, с целью ослабить Россию [10]. Примечательно, что в названии своего материала он использует термин «пузырь» (the Blob), который ввел в обиход бывший советник по вопросам

национальной безопасности Бен Родс (Ben Rhodes), описав таким образом воинственно настроенные вашингтонские элиты. Он винил их за срыв внешнеполитического курса бывшего президента США Барака Обамы.

Иные проекты

В середине 2022 года в Вашингтоне вышла книга аналитического центра Jamestown Foundation «Несостоявшееся государство: путеводитель по распаду России» [11]. На 450 страницах нет ничего ни нового, ни креативного. Неоимперские амбиции, из-за которых Россия всё подрывает, всех дискредитирует, демонтирует Запад, становятся причиной надвигающегося распада России. Напором во внешней политике прикрываются внутренние неудачи. Чтобы защититься от России, надо управлять ее распадом. Референдум, проведенный в июле 2020 года, по поправкам к Конституции назван сфальсифицированным, военная операция на Украине 2022 года только ускоряет уже существовавшие тенденции. Если провести реформы, распад может быть мирным, если не проводить – кровопролития не избежать. Основное предостережение – НАТО и Вашингтону надо готовиться к распаду России, чтобы «избежать внезапных геополитических потрясений и возможных военных столкновений», «необходимо отслеживать и поощрять мирный разрыв и устанавливать связи с формирующимися образованиями» [12].

Этот текст очень напоминает доклад «Россия. Сценарии 2030» (за авторством В. Гатова, А. Морозова, В. Милова, В. Иноземцева, Д. Соколова, И. Заславского), выпущенный тремя годами ранее вашингтонским аналитическим центром «Фонд "Свободная Россия"»¹ [20]. По меткому выражению Михаила Делягина, доклад «хорош для того, чтобы распиливать деньги спонсоров» [7].

В сентябре в европейской прессе появился 6-страничный доклад Рэнд-корпорейшн [14], датированный январем 2022 года, который преподносится как утечка из ведущего проправительственного аналитического центра США,

¹ внесен Росфинмониторингом в реестр организаций, причастных к терроризму и экстремизму

называемой лиги европейских государств. Как предполагается, она должна существовать вне структур ЕС, будучи при этом межгосударственной, чем-то похожей на «Группу двадцати» (G20), но включающей приблизительно вдвое больше участников «западной системы ценностей».

Лондон и Вашингтон, согласно этой инициативе, могли бы сформировать E40 как «европейский совет безопасности» с временными и постоянными членами (Францией, Германией, Британией, Польшей, возможно, также Италией или Испанией). Примечательно, что центром принятия решений для «лиги европейских государств», по оценкам специалистов, способна выступить покинувшая европроект Великобритания. Наращивание влияния Лондона на пространстве Евросоюза может быть осуществлено за счет нового, теперь уже европейского, издания Commonwealth, где найдется место и для Украины [5].

Пусть по «югославскому сценарию»

Пресс-бюро СВР России сообщает, что поступающая в Службу информация свидетельствует о постепенной реализации Варшавой своих далеко идущих планов в отношении Украины. «Польские миротворческие силы» готовятся зайти в западные районы, установить контроль над наиболее перспективными отраслями экономики соседнего государства (прежде всего над сельским хозяйством, транспортом, логистикой). Так, ячмень нового урожая скупается поляками по 30 долларов за тонну, что почти в 5 раз дешевле реальной стоимости. В конце июля 2022 года на Украине принят закон об особых гарантиях для граждан Польши и закон о приватизации, допускающий продажу украинских промышленных предприятий с 50-процентной скидкой [6]. «Закон о ленд-лизе в защиту демократии на Украине» был принят еще в мае. По расчетам, этот закон позволил одолжить Киеву около 100 миллиардов долларов. А бывший командующий сухопутными войсками Польши генерал Вальдемар Скшипчак поднимает вопрос о «возвращении» Калининграда.

В запасе коллективного Запада есть еще новеллы о коррупции, которая процветает в авторитарных государствах. В 2021 году «Глобальный форум

демократии» был посвящен борьбе с авторитарными режимами. В «Промежуточных стратегических наставлениях» Байдена список вызовов для современных стран выглядит так: коррупция, неравенство, поляризация, популизм и нелиберальные угрозы верховенству закона [18]. Байден-старший уверен, что «Россия по-прежнему полна решимости усилить свое глобальное влияние и играть разрушительную роль на мировой арене», так что роль проводника и посредника в деле ее ослабления в условиях крайней неподатливости Беларуси за двоих сыграет хронически несостоятельная как государство Украина.

Список литературы

1. Бжезинский З.К. Великая шахматная доска. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=5572&p=10> (дата обращения: 11.05.2024)
2. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. URL: http://militera.lib.ru/research/bogaturov_ad/02.html (дата обращения: 11.05.2024)
3. Войтоловский Ф.Г. Стратегия США в меняющемся миропорядке: вызовы для России // Вестник Российской Академии Наук, 2021, том 91, № 7, с. 616–626.
4. Выступление Президента Беларуси Лукашенко А.Г. на патриотическом форуме "Это НАША история!", посвященном Дню народного единства. URL: <https://president.gov.by/ru/events/patrioticheskiy-forum-eto-nasha-istoriya> (дата обращения: 11.05.2024)
5. Геополитика Европы: прежние модели в новой реальности // Российский институт стратегических исследований. URL: <https://riss.ru/article/16922/> (дата обращения: 11.05.2024)
6. Польша продолжает осваивать Украину // Официальный сайт Службы внешней разведки России. URL: <http://svr.gov.ru/smi/2022/08/polsha-prodolzhaet-osvaivat-ukrainu.htm> (дата обращения: 11.05.2024)
7. NYT: США консультировали Украину по боевым действиям под Харьковом // ИД Беларусь сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/nyt-ssha-konsultirovali-ukrainu-po-boevym-deystviyam-pod-kharkovom.html> (дата обращения: 11.05.2024)
8. A National Strategic Narrative. URL: <http://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/A%20National%20Strategic%20Narrative.pdf> (дата обращения: 11.05.2024)
9. Alperovitch D., Radchenko S. Another Russia Is Possible. The Kremlin Will Eventually Tire of Its Reliance on China. August 29, 2022. URL: <https://www.foreignaffairs.com/russian-federation/another-russia-possible> (дата обращения: 11.05.2024)

10. Badow D. The Blob's Perpetual War. What is this conflict is really about // The American Conservative. URL: <https://www.theamericanconservative.com/the-blobs-perpetual-war/> (дата обращения: 11.05.2024)
11. Bugajski, J Failed State: A Guide to Russia's Rupture. URL: https://vk.com/doc53575782_642671722?hash=psEZYRFPSH5LmDuUYOiR7qL KJgCuWCJkm2SdJdbEruf (дата обращения: 11.05.2024)
12. Bugajski, J Managing Russia's dissolution. URL: <https://thehill.com/opinion/national-security/424511-managing-russias-dissolution/> (дата обращения: 11.05.2024)
13. Charap S., Mazarr M. The Wisdom of U.S. Restraint on Russia As in the Cold War, Washington Cannot Wish Moscow Away. September 12, 2022. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/wisdom-us-restraint-russia> (дата обращения: 11.05.2024)
14. Chockerande dokumentet: Så planerade USA kriget och energikrisen i Europa. URL: <https://nyadagbladet.se/wp-content/uploads/2022/09/rapid-corporation-ukraina-energi-kris.pdf> (дата обращения: 11.05.2024)
15. Davis D. What Is America's Goal For The Ukraine War? Answer: We Don't Have One. URL: <https://www.19fortyfive.com/2022/09/what-is-americas-goal-for-the-ukraine-war-answer-we-dont-have-one/> (дата обращения: 11.05.2024)
16. George Kennan's "Long telegram". URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/116178> (дата обращения: 11.05.2024)
17. "Incorporar a Ucrania a la OTAN es una provocación", entrevista con el filósofo Noam Chomsky. El Universal. URL: <https://confabulario.eluniversal.com.mx/incorporar-a-ucrania-a-la-otan-es-una-una-provocacion-entrevista-con-el-filosofo-noam-chomsky/> (дата обращения: 11.05.2024)
18. Interim National Security Strategic Guidance // Официальный сайт Белого Дома. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 11.05.2024)
19. NSC 20/1 U.S. Objectives with Respect to Russia August 18, 1948// Thomas H. Etzold and John Lewis Gaddis, eds., Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945-1950. URL: http://www.sakva.ru/Nick/NSC_20_1.html (дата обращения: 11.05.2024)
20. Russia Scenarios 2030 // Free Russia Foundation 2019. URL: <https://thinktank.4freerussia.org/wp-content/uploads/2019/05/RussiaScenarios2030-FreeRussia-Web-1.pdf> (дата обращения: 11.05.2024)
21. U.S. Defense Sec. Austin: We Want to See Russia Weakened. URL: https://www.youtube.com/watch?v=M_pCZeOY94E (дата обращения: 11.05.2024)
22. Карпович О.Г. Глобальные проблемы международных отношений в контексте формирующегося многополярного мира // Право и политика. 2014. № 5. С. 620-629.

Глубокая Ольга Анатольевна,
аспирант,
Дипломатическая академия МИД России,
oaglubokaya@gmail.com
Olga A. Glubokaya,
Postgraduate Degree Student,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
oaglubokaya@gmail.com

ВНУТРЕННИЕ КОНТЕКСТЫ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛИИ

INTERNAL CONTEXTS AND FOREIGN POLICY PRIORITIES OF MODERN ITALY

Аннотация: в статье представлен обзор изменений во внутренней и внешней политике Италии за последние десять лет, с особым акцентом на внешнеполитические взаимодействия в регионе Расширенного Средиземноморья. Исследуется, какие вызовы требуют от Италии адаптации, включая миграционные кризисы, экономическую нестабильность в регионе, изменения в энергетических потоках и усиление геополитической напряженности. Особое внимание уделено тому, что Италия пытается заполнить вакуум власти, возникший после «ухода» США из Средиземноморского региона и как это влияет на ее отношения с другими странами Средиземноморья. В статье затронуты последние политические инициативы и дипломатические усилия Италии, направленные на усиление ее роли в качестве медиатора и активного участника в решении региональных проблем.

Ключевые слова: внешняя политика, внутренняя политика, дипломатия, Италия, ЕС, НАТО, Средиземноморский регион, Россия, Расширенное Средиземноморье, политический ландшафт.

Abstract: this article provides an overview of the changes in Italian domestic and foreign policy over the past ten years, with a special focus on foreign policy interactions in the Wider Mediterranean region. The author explores the challenges that require Italy to adapt, including migration crises, economic instability in the region, changes in energy flows and increased geopolitical tensions. Special attention is paid to the fact that Italy is trying to fill the power vacuum that arose after the US "withdrawal" from the Mediterranean region, and how this affects its relations with other Mediterranean countries. The article touches on the latest political initiatives and diplomatic efforts of Italy aimed at strengthening its role as a mediator and an active participant in solving regional problems.

Keywords: foreign policy, domestic policy, diplomacy, Italy, EU, NATO, Mediterranean region, Russia, Expanded Mediterranean, political landscape.

Введение

Италия занимает особое положение среди стран Средиземноморья благодаря своему стратегическому геополитическому расположению. Она обладает рядом преимуществ перед соседними государствами, однако также остро ощущает последствия каждого кризисного явления, происходящего в регионе. В настоящий момент Италия сталкивается с необходимостью переосмысления своих внешне- и внутривластных стратегий в ответ на изменяющуюся геополитическую обстановку в Средиземноморье.

Внутривластные перипетии

Прошедшее десятилетие характеризует череда технических правительств и партийных компромиссов. Исследователи отмечают, что последние годы наблюдается существенная трансформация итальянской партийно-политической системы [8] в сторону большей фрагментации. Устойчивые партийные альянсы уступили место краткосрочным соглашениям и частой смене правительств. Это явление связано с ростом новых политических движений и протестных партий, которые бросают вызов традиционным политическим силам и меняют устоявшийся политический ландшафт. В результате избиратели становятся менее приверженными определенным партиям и идеологиям, предпочитая поддерживать тех, кто предлагает более радикальные и инновационные решения насущных проблем. Подобная тенденция привела к тому, что партия «Братья Италии» (Fratelli d'Italia, FdI), созданная в 2012 году, смогла к 2022 году способствовать появлению в стране правительства большинства с первой женщиной-премьером во главе, ставшего при этом наиболее правым за всю историю республики. В этой связи видится актуальным рассмотрение политико-партийного баланса, который влияет на формирование внешнеполитических приоритетов Италии, особенно в контексте ее роли в Средиземноморье. Важно учитывать, как внутренние политические силы и их взаимодействие

определяют подход страны к вопросам безопасности, миграции и экономического сотрудничества в этом стратегически значимом регионе.

Наглядные изменения произошли в конце XX века. Новая мажоритарная система голосования 1993 года, использованная уже на выборах 1994 года, ознаменовала переход к так называемой Второй республике, сопровождавшийся системными внутривнутриполитическими переменами, коснувшимися всей институциональной структуры. Также в 1994 году пришел к власти медиамагнат Сильвио Берлускони – неоднозначный лидер, в своей риторике в те времена делавший акцент на принадлежности к народу, а не к профессиональным политикам, к которым в обществе полностью упало доверие. Как «аутсайдер» политической элиты он обещал провести реформы, направленные на борьбу с коррупцией и экономическим кризисом. Его правление характеризовалось популистским стилем руководства, сильной медийной поддержкой и распространением обещаний о личных и экономических преимуществах для избирателей.

На рубеже веков Италия пересматривает внешнеполитические и военно-стратегические взгляды на Средиземноморье. Окончание холодной войны подталкивает ее к более активному участию в региональном взаимодействии. Происходит эволюция: Италия второй половины 1990-х годов руководствуется европейским инструментарием, но «начиная с 2001 г. новый подход правительства С. Берлускони, выразивший радикальные взгляды на новый мировой порядок и вопросы федерализации Европы, заключался в лавировании между интересами ведущих политических игроков в регионе и позиционирования страны в качестве главного исполнителя ряда политических инициатив центральных международных организаций (НАТО, ЕС, ОБСЕ, ООН) для Средиземноморья» [12].

Происходит секьюритизация вопросов безопасности и особой роли Италии в регионе. Развитие системы евро-средиземноморской безопасности и реализация принципов Барселонского процесса происходят параллельно с усилением популизма в Италии.

30 лет Второй республики – это 30 лет популистской риторики, где, начиная с Берлускони, популизм превратился в неотъемлемую часть политической жизни на всех уровнях. Данная проблематика наиболее подробно представлена в монографии Е.С. Алексеенковой, в которой автор представляет развитие популизма времен Второй республики в виде волн, датируя первую в рамках 1994–2011 годов и характеризуя ее в качестве эпохи популизм [2].

Вторая волна популизма, берущая отсчет с 2011 года, с отставки Берлускони и приходом к власти технического правительства Марио Монти, Е.С. Алексеенковой названа «популизм на пути к институтам».

Тем временем после 2011 года основным направлением средиземноморской политики становятся отношения между Италией и Ливией, которые характеризуются сложной динамикой, в которой политические, экономические и гуманитарные аспекты тесно переплетаются. Непоследовательность итальянской политики относительно двусторонних взаимоотношений, заключение договора о дружбе и односторонняя приостановка его действия, падение режима Муаммара Каддафи и последующая гражданская война в Ливии создали новую динамику в их взаимодействиях и отразились на внутренних процессах.

Одной из ведущих популистских партий этого периода стало «Движение пяти звезд» (Movimento 5 Stelle, M5S), основанное комиком Бeppe Гpилло и представлявшее собой оппозиционное движение, которое обещало борьбу с коррупцией, улучшение и озеленение экономики, более прямое участие граждан в политическом процессе посредством интернет-технологий, а также решение внешнеполитических проблем Италии, в том числе миграционной. В 2018 году «Движение пяти звезд» сумело победить на выборах, став альтернативой для всех, кто ранее не голосовал, и войти в правительство.

Также в этот период Маттео Сальвини после скандального ухода У. Босси становится во главе «Лиги Севера» (Lega Nord per l'Indipendenza della Padania, Lega Nord). В начале 2014 года под воздействием артикулированных

угроз(миграции, безработицы, глобализации, угрозы со стороны ЕС) он меняет политику партии с ориентированной на электорат севера Италии на общенациональный, т.е. отбрасывает бывшие сецессионистские идеи, заменяя их убеждением «в том, что Италия либо спасется вся, с севера до юга, либо погибнет для всех» [26]. В результате даже название партии отбрасывает федералистскую приставку, став просто «Лигой» (Lega).

Во вторую волну отчетливо наблюдается фрагментация политического сознания, линиями между «своими» и «чужими» в сфере миграции, противостояние локализма и глобализма, национального и наднационального [2].

В период третьей волны «популизма у власти» 2018–2022 годов Италия продолжает сталкиваться с вызовами: в 2019 году реальный ВВП еще не достиг докризисного уровня² (рис. 1.), как экономика столкнулась с пандемией COVID-19, принесшей тяжелейшие последствия, одновременно с этим переформатировав восприятие людьми кризисного менеджмента и ожидания от него, подвергшись критике из-за отсутствия эффективных мер и стратегий борьбы с вирусом.

Заметим, что в Италии с 1948 по 2024 год страной управляли 68 правительств под председательством тридцати разных премьер-министров [23]. Такая смена наблюдалась зачастую в результате правительственного кризиса, выраженного в ситуации, в которой одна или несколько партий перестают поддерживать правительство, таким образом, правительство теряет большинство, которое его поддерживало.

² Страна еще не оправилась от кризиса 2008 года.

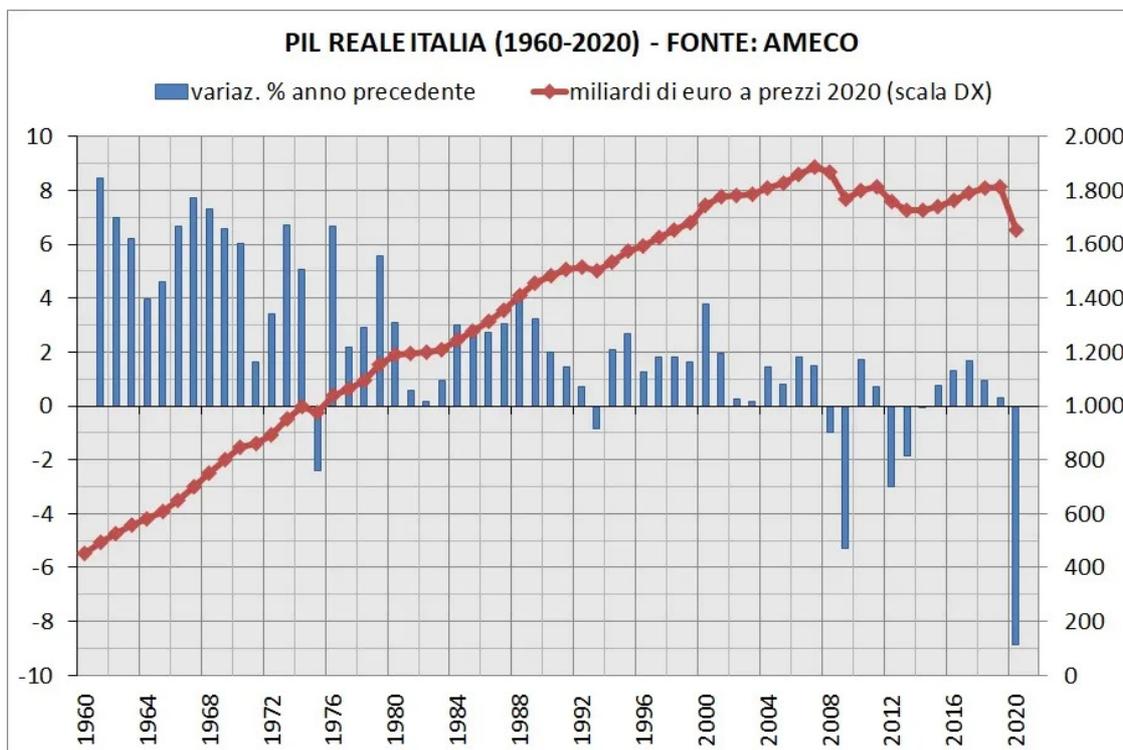

Рис. 1. Валовой внутренний продукт в реальном выражении (1960–2020 гг.)
Источник: АМЕСО

Итальянское правительство должно пользоваться доверием парламента – вотумом доверия большинства членов Палаты представителей и Сената. Инициация правительственного кризиса начинается со встречи президента с премьер-министром, который подает в отставку. Обычно президент проводит консультации, которые могут привести к разному исходу: при успешном достижении соглашения президент назначает нового премьера, которого поддерживает большинство, если же соглашение не достигнуто, президент распускает парламент и начинается подготовка к новым выборам.

Зимой 2021 года ситуация развивалась по первому сценарию: после подачи в отставку Дж. Конте к присяге в качестве премьер-министра был приведен М. Драги, «отличившийся, пожалуй, самой антироссийской позицией за всю историю итальянских премьеров» [18] и одновременно евроцентристской.

В июле 2022 года правительство национального единства М. Драги было распущено.

Новым премьер-министром Италии стала Дж. Мелони, предложившая провести в стране конституционную реформу, которая положила бы конец техническим правительствам посредством изменения способа избрания главы правительства. Идея премьерата и конституционной реформы снизит роль президента, хотя, согласно опросам, из всех политических должностей он пользуется наибольшим доверием в стране и является единственной консолидирующей силой [25] при постоянном изменении в рейтингах партий [31].

При Дж. Мелони окончательно сошли на нет идеи евроскептицизма, а идея суверенитета была вытеснена идеей патриотизма. Начавшуюся четвертую волну при Дж. Мелони справедливо можно назвать «социализацией» и «мейнстримизацией» популизма [2]. Параллельно с этим Брюссель приспособился к итальянскому шантажу.

Тем не менее это не мешает внешнеполитическим амбициям. Внешнеполитические приоритеты нового правительства не отходят от традиционных, но наполняются новым дискурсом. Речь премьер-министра Дж. Мелони перед Генеральными штатами Италии в Брюсселе четко обозначила убеждение в том, «что сильное итальянское присутствие отвечает интересам Европы еще до того, как оно отвечает интересам Италии» [24].

Аналитики приходят к выводу, что «позицию Мелони можно назвать "средиземноморским атлантизмом", поскольку регион важен для Рима в тесной связке с сотрудничеством на этом пространстве с США и их активным присутствием [в Средиземноморье] здесь» [9], однако глобальная конъюнктура меняется.

Концепция «Расширенного Средиземноморья»

В течение последних десяти лет Италия значительно переосмыслила и переориентировала свою внешнюю политику, уделяя особое внимание региону Большого Средиземноморья, который она определила как «расширенное» (il Mediterraneo allargato). Этот геополитический термин

охватывает широкую географическую зону, включающую Южную Европу, Балканы и акваторию Черного моря, Северную Африку, Сахель, Африканский Рог, Ближний Восток «и частично Арктику, которая становится все более доступной для неарктических государств из-за глобального потепления» [18]. Регион стал ключевым во внешнеполитической деятельности Италии, отражаясь во всех важнейших стратегических документах с 2015 года [5].

Начиная с 2019 года в оборонной сфере Италия определяет и закрепляет макрорегион Расширенное Средиземноморье как зону «стратегического приоритетного интереса» для Италии [22]. Основная причина такого акцента заключается в том, что политическая стабильность и экономическое благополучие в этих регионах напрямую влияют на внутреннюю устойчивость Италии. Такое внимание объясняется географической близостью, историческими и культурными связями, а также диктуется национальными интересами, включая энергетическую безопасность и решение миграционного кризиса.

Активное вовлечение Италии в региональные дела Расширенного Средиземноморья не только выражает неустанное стремление укрепить свои позиции на международной арене, но и является необходимостью, обусловленной растущими вызовами и угрозами в этом турбулентном регионе. Глубинные проблемы, такие как повышенная конфликтность, угроза терроризма, политическая нестабильность и экономические кризисные явления, требуют от Италии эффективной продуманной стратегии, нацеленной на предотвращение их негативного воздействия на Европейский континент и саму Италию.

В связи с этим в последние годы Италия не только усилила свою дипломатическую и политическую активность в рамках Расширенного Средиземноморья, но и планомерно работает над развитием экономических связей, укреплением культурных обменов и сотрудничеством в области безопасности со странами рассматриваемого региона. Эти усилия направлены

на создание условий для долгосрочной стабильности и процветания, что коррелирует с национальными интересами Италии.

Средиземноморские угрозы

Положения, рассматриваемые выше, также соотносятся с евроатлантической ориентацией Италии, военный потенциал которой, тем не менее, сильно ограничен. Согласно официальным заявлениям Министерства обороны Италии, ожидать выполнения требования НАТО о направлении на оборону не менее 2% ВВП следует не раньше 2028 года [28].

Средиземноморский регион становится местом интенсивных конфликтов между региональными акторами. Эти столкновения осложняют международные отношения и создают напряженность, которая прямо затрагивает интересы Италии.

Примером такого конфликта является продолжающееся противостояние между Израилем и ХАМАС, которое усугубляется вспышками насилия и активными военными действиями, привлекающими внимание всего мирового сообщества. Эти события следуют за нападениями хуситов в Аденском проливе на коммерческие суда, направлявшиеся через Суэцкий канал, что еще больше увеличивает риски в этом стратегически важном морском коридоре [6]. Такие инциденты не только подрывают морскую безопасность, но и негативно влияют на мировую торговлю и тормозят товароборот Италии [14], в связи с чем ущерб внешней торговле Италии насчитывает 8,8 миллиарда евро в период с ноября 2023 по январь 2024 года, что эквивалентно 95 миллионам евро в день [30].

Сирия продолжает оставаться источником нестабильности, находясь в состоянии внутреннего конфликта и экономической неустойчивости [13]. Наличие террористических группировок, таких как ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация), открывает возможность внешнего вмешательства и необходимость гуманитарной поддержки.

Дополнительное напряжение в регион вносят открытия новых месторождений энергетических ресурсов в Восточном Средиземноморье. Эти открытия возродили старые территориальные споры между Турцией, Грецией и Кипром, что привело к обострению дискуссий о границах территориальных вод и экономических зон [10].

Ситуация в Африканском Роге продолжает оставаться тревожной. В 2023 году Эфиопия столкнулась с серьезным экономическим кризисом, который усугубил уже существующее социальное и политическое напряжение в стране [20]. Экономические трудности, вызванные внутренними конфликтами и глобальными экономическими изменениями, значительно затруднили развитие страны, однако параллельно с этим у Запада вызывает опасения сближение Эфиопии с Россией [17] и дальнейшее присоединение к БРИКС-плюс.

В то же время Эритрея, стремясь укрепить свое международное положение, также активно развивает отношения с крупными мировыми игроками, такими как Китай и Россия. Это стратегическое партнерство направлено на повышение своего геополитического статуса и экономическое развитие, что может значительно повлиять на региональные балансы.

Сомали, с другой стороны, продолжает оставаться одним из центров террористической активности в регионе, где действует группировка «Аш-Шабаб» (запрещенная в России террористическая организация). Она проводит атаки внутри страны и за ее пределами, создавая значительную угрозу региональной безопасности и стабильности [21].

В Сахеле с 2020 по 2023 год произошло несколько попыток государственных переворотов, среди которых удачными были в Буркина-Фасо, Мали и Нигере. Эти перевороты создали условия для усиления влияния и распространения джихадистских групп, что еще больше усугубляет нестабильность в регионе [7].

На севере Африки основные вызовы для безопасности Италии связаны с продолжающейся нестабильностью в Ливии, которая остается разделенной

между различными вооруженными группировками и правительствами [3]. Кроме того, усиливающийся конфликт интересов между Марокко и Алжиром, особенно по вопросам территориального спора и регионального влияния, а также политический кризис в Тунисе, где смена правительств и социальное недовольство вызывают беспокойство, создают дополнительные риски для региональной стабильности и международной безопасности.

Между Средиземноморским и Индо-Тихоокеанским регионами

В контексте текущей международной обстановки внешняя политика Италии сталкивается с серьезными ограничениями в плане доступных ресурсов и международной поддержки. Это особенно актуально на фоне изменений в региональной системе, происходивших за последнее десятилетие и связанных с уменьшением активности Соединенных Штатов в регионе Средиземноморья и Ближнего Востока, поскольку американское внимание в большей степени устремлено на сдерживание влияния Китая, особенно в Индо-Тихоокеанском регионе [29].

Победа Дж. Байдена на президентских выборах 2020 года создала возможности для возобновления взаимодействия США и ЕС по региональным вопросам, но трансатлантический раскол, возникший в период правления Д. Трампа, в некоторой степени остается, поскольку США продолжают сокращать присутствие в регионе до необходимого для поддержания статус-кво [32].

Этот сдвиг в геополитических приоритетах США ставит перед Италией задачу переосмысления и адаптации собственной внешнеполитической стратегии. В связи с этим Италия оказывается перед необходимостью расширять свое влияние не только в традиционно важных для себя регионах, но и за их пределами, включая Индо-Тихоокеанский регион. Такое расширение геополитических интересов предполагает увеличение дипломатической и экономической активности, что, в свою очередь, требует значительных ресурсов.

Однако возможности Италии в этом направлении ограничены из-за внутренних экономических проблем, дефицита бюджета и политической нестабильности [11]. Это создает дополнительные вызовы для реализации эффективной внешней политики, требующей не только финансовых, но и человеческих ресурсов, а также сложной координации с международными партнерами. На данном этапе Италия переживает политико-экономический «разворот» на юг, в сторону Африки, целью которого является обеспечение энергетической и миграционной безопасности страны.

Пересмотр стратегической ориентации Соединенных Штатов, уделяющих большее внимание Индо-Тихоокеанскому региону, несомненно, открыл для Италии новые возможности укрепления своих позиций внутри Европы. Этот процесс способствовал укреплению европейской интеграции в ключевых сферах, таких как внешняя политика и безопасность. С 2016 года Европейский союз активно разрабатывает и продвигает концепцию «стратегической автономии». Эта инициатива направлена на усиление способности стран ЕС действовать независимо от внешних влияний, в частности от Соединенных Штатов, что предоставляет европейским государствам большую свободу в формировании собственной внешней и оборонной политики [16].

Актуализация этой концепции стала особенно важной после начала конфликта на Украине, который явно показал различия в приоритетах стран Южной и Северо-Восточной Европы в области безопасности. Страны Южной Европы, включая Италию, традиционно сосредоточены на проблемах Средиземноморского региона, таких как миграция и терроризм, в то время как страны Северо-Восточной Европы сфокусированы на вопросах военной безопасности и обеспокоены соседством с Россией.

Двустороннее взаимодействие

Тем не менее снижение американского влияния не является единственным фактором. Параллельно с повышением интереса к региону со

стороны Китая и России, всё больше средиземноморских стран начинают играть новую роль в формирующемся многополярном укладе международных отношений. Как отмечает С.М. Гаврилова, Италия, считая Средиземноморье зоной своей «особой ответственности», распространяет на него модель «европейского мира» и стремится занять лидирующие позиции по решению средиземноморских проблем в Евросоюзе [4].

В условиях, когда Италия не может полностью полагаться на поддержку Соединенных Штатов и Европейского союза в решении вопросов, связанных с Расширенным Средиземноморьем, страна ищет альтернативные пути взаимодействия через двусторонние или многосторонние договоренности.

Охлаждение отношений с Россией означает, что единственный геополитический вектор для проекции силы Европы в отношении развивающихся рынков направлен на юг – на государства региона Средиземного моря. Именно в этом макрорегионе Италия стремится к созданию более тесных политических и экономических связей. Средиземноморье становится потенциальной площадкой для проведения новой экономической политики, которая является неизбежным следствием текущего этапа глобализации. Многие европейские страны пытаются заменить российский природный газ поставками из других источников, и в частности из Северной Африки, что служит возможностью для возобновления партнерских отношений с Алжиром и Египтом. В этом контексте инициатива, известная как «план Маттеи», представляет собой стратегический шаг в направлении поиска союзников среди стран, которые разделяют итальянские интересы в Африке. Однако данный план должен встраиваться в общеевропейский подход к средиземноморской политике и согласовываться внутри ЕС.

Помимо Испании, Франция выступает ключевым партнером Италии, особенно учитывая общие опасения обеих стран по поводу ситуации на южном крыле Европы. Оптимальный подход предполагает согласие между странами по основным вопросам региона. Однако на практике Италия и

Франция зачастую занимают противоположные позиции, особенно в отношении ситуации в Ливии. Италия активно поддерживает международно признанное правительство в Триполи, тогда как Франция демонстрировала более неоднозначную позицию, поддерживая диалог с генералом Х. Хафтаром, который рассматривает возможность предоставления порта Тобрук российскому флоту. Дж. Мелони в ходе майского визита в Ливию отметила, что дальнейшее итало-ливийское сотрудничество, призванное положить конец присутствию иностранных сил на ливийской земле, будет строиться на более экономически выгодных для Ливии условиях, а также поможет сбавить интенсивность миграционных потоков [27]. Таким образом, Италия под маркой «плана Маттеи» стремится вытеснить Россию и других игроков из политических процессов Ливии.

Даже в вопросах миграции в отношениях между Италией и Францией часто наблюдается противостояние [1]. Начало 2023 года ознаменовалось всплеском миграционных потоков с Африканского континента, что привело к возобновлению напряженности между Римом и Парижем. Вместо того чтобы инициировать новый этап в двустороннем взаимодействии, обе страны столкнулись с усилением конфронтации, вызванной различными подходами к управлению миграционными кризисами.

Заключение

Таким образом, последние десять лет отличаются частой сменой правительств, сопровождающейся изменением курса Италии. Политическая система совершила своего рода возврат к прошлому, в частности, в отношении формирования парламентского большинства и в меньшей степени продолжительности правления. Данный период характеризуется институализацией и присутствием на политической арене популистских идей. При этом сохраняется волатильность, разрыв между политическими партиями и гражданами. На фоне этого происходит развитие гражданского общества, что наглядно проявляется в делегировании решения некоторых

государственных вопросов гражданскому обществу, например вопросы приема и адаптации мигрантов.

Международная обстановка, в которой Италия проводит свою внешнюю политику, представляет собой сложный и многогранный ландшафт, требующий взвешенных и стратегически обоснованных решений. Эти решения имеют далеко идущие последствия как для национальной безопасности страны, так и для ее международного статуса в будущем. Италия оказывается перед лицом растущих угроз в регионе, который традиционно считается приоритетным, однако осложняется отсутствием прежней согласованности в интересах с основными союзниками, такими как Соединенные Штаты и страны Европейского союза.

В то же время изменения в стратегической ориентации США, в частности их требование о разделении обязанностей, были интерпретированы Италией как стимул для усиления итальянского присутствия в Индо-Тихоокеанском регионе. Это расширение географии интересов Италии призвано отвечать на новые вызовы в международной политике и укреплять позиции страны на глобальной арене.

Однако эта двойная задача – соответствовать планам Вашингтона и одновременно играть ключевую роль в Средиземноморье – создает стратегическую дихотомию для Италии. Стране необходимо балансировать между углублением своего участия в новых регионах и укреплением традиционных связей и интересов в приоритетных зонах.

Такая многовекторность внешней политики обуславливает необходимость гибкости итальянского правительства, проницательности и способности к дипломатической маневренности в условиях постоянно меняющегося глобального контекста. Подобные действия наблюдаются во внешнеполитическом курсе относительно Ливии, в отходе от взаимодействия с Россией и политике «средиземноморского атлантизма».

Италия, учитывая свои национальные интересы, сложную геополитическую и социально-экономическую ситуацию, стремится

эффективно ориентироваться в этом многообразии факторов. Успешная адаптация к изменяющимся условиям, включая миграционные потоки, энергетическую безопасность и экономическую конкуренцию, а также решение внутренних проблем, таких как политическая стабильность и социальная интеграция, станет определяющим фактором для ее устойчивого развития и укрепления позиций на международной арене.

Список литературы

1. Алексеенкова Е. С. Италия и Франция: конфликт по вопросу будущего ЕС // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2019. – Выпуск 1 С. 36-42 .
2. Алексеенкова Е.С. Политический процесс в современной Италии: антиполитика и популизм эпохи Второй республики: [монография] / Е.С. Алексеенкова. – М.: Ин-т Европы РАН, 2023. – 218 с. – Парал. тит. л. англ. – edn: dxuudi. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/9785981632136>. – ISBN 978-5-98163-213-6.
3. Бочаров И. Ливийская проблема как очаг региональной нестабильности // РСМД 31.07.2023 URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/columns/africa/liviyskaya-problema-kak-ochag-regionalnoy-nestabilnosti/> (дата обращения: 11.02.2024).
4. Гаврилова С.М. Европейский вектор внешней политики Италии // Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9. № 3. С. 301-318.
5. Глубокая О. А. Доктринальные нюансы национальных интересов Итальянской Республики в Средиземноморье / О. А. Глубокая // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2024. – Т. 13, № 2(55). – С. 405-411. – DOI 10.35775/PSI.2024.55.2.018. – EDN CDKKUQ.
6. Италия поддержала операции союзников в Красном море // РИА новости, 12.01.2024 URL: <https://ria.ru/20240112/italiya-1921071751.html> (дата обращения: 12.03.2024).
7. Как Западная Африка стала основным поясом нестабильности // РБК 03.08.2023 URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/08/2023/64c8c3c99a79477a511f95ef> (дата обращения: 11.04.2024).
8. Маслова Е. А., Шебалина Е. О. Трансформация партийно-политической системы Италии // Современная Европа. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-partiyno-politicheskoy-sistemy-italii> (дата обращения: 24.03.2024).
9. Маслова Е.А., Шебалина Е.О. «Средиземноморская карта» в европейской политике Италии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. №2. С. 25-33. DOI: 10.15211/vestnikieran220232533, С. – 27.

10. Нуриев Б. Д., Поспелов С. В. Энергетическая политика Турецкой Республики: Экспансия В Восточном Средиземноморье // Вестник ГУУ. 2023. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskaya-politika-turetskoj-respubliki-ekspansiya-v-vostochnom-sredizemnomorie> (дата обращения: 06.05.2024).
11. Овакимян, М. С. Актуальные проблемы развития итальянской экономики / М. С. Овакимян, М. К. Оганисян // Мировое и национальное хозяйство. – 2022. – № 3-4(60). – С. 66-74. – EDN LTAHZH.
12. Онищенко, Р. В. История реализации политики безопасности Итальянской Республики в Средиземноморье : 1995 - 2006 гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Онищенко Роман Валерьевич; [Место защиты: Российский государственный гуманитарный университет]. - Москва, 2021. - 32 с.
13. Паскаль, П. Сирия двадцать лет спустя // Россия в глобальной политике. 2024. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/siriya-dvadsat-let-spustya> (дата обращения: 06.04.2024).
14. Перевозчики грузов стали бенефициарами атак хуситов в Красном море // РБК, 18.12.2023 URL: <https://www.rbc.ru/business/18/12/2023/657fe5509a7947d71c1f8433> (дата обращения: 12.03.2024).
15. Политический процесс в современной Италии: антиполитика и популизм эпохи Второй республики: [монография] / Е.С. Алексеенкова. – М.: Ин-т Европы РАН, 2023. – 218 с. – Парал. тит. л. англ. – edn: dxuudi. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/9785981632136>. – ISBN 978-5-98163-213-6.
16. Самович Ю. В., Марухно Е. Ю. Концепция стратегической автономии Европейского Союза в политике соседства // Юридический вестник Самарского университета. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-strategicheskoy-avtonomii-evropeyskogo-soyuza-v-politike-sosedstva> (дата обращения: 06.04.2024).
17. СМИ: ЕС забеспокоился об отношениях с Эфиопией после ее контактов с Россией // РИА новости, 28.07.2022 URL: <https://ria.ru/20220728/efiopiya-1805681943.html> (дата обращения: 11.04.2024).
18. Шибкова М.О. Италия — 2022: год прощаний // Портал МГИМО, 05.01.2023 URL: https://mgimo.ru/about/news/experts/italiya-2022-god-proshchaniy/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 25.03.2024).
19. Шибкова М.О. Концептуальные основы внешней политики Италии в регионе Большого Средиземноморья / М.О. Шибкова, А.С. Гулюки // Полития. — 2023. — 4. — с. 94-112. — DOI: 10.30570/2078-5089-2023-111-4-94-112. С – 111.
20. Эфиопия: путь к дефолту // АСРА, 17.04.2024 URL: <https://www.acra-ratings.ru/research/2774/> (дата обращения: 17.04.2024).
21. Abbas Hashemite. Explaining the threat of Al-Shabaab in Somalia // New Eastern Outlook, 06.02.2024 URL: <https://journal-neo.su/2024/02/06/explaining-the-threat-of-al-shabaab-in-somalia/> (accessed: 07.02.2024).

22. Audizione del Ministro della Difesa sulle linee programmatiche del suo Dicastero presso le Commissioni Difesa congiunte della Camera dei Deputati e del Senato della Repubblica. (2019) URL: <https://www.difesa.it/assets/allegati/2569/b45e733a-cc3f-4951-8f5b-ae6dd722d2d4.pdf> (accessed on 11.04.2024).
23. I Governi nelle Legislature // Governo Italiano Presidenza del Consiglio dei Ministri URL: <https://www.governo.it/it/i-governi-dal-1943-ad-oggi/i-governi-nelle-legislature/192> (accessed: 08.03.2024).
24. Intervento del Presidente Meloni agli Stati Generali dell'Italia a Bruxelles / Italian Government Presidency of the Council of Ministers Friday, 22.03.2024 URL: <https://www.governo.it/en/node/25316> (accessed: 23.03.2024).
25. Mattarella leader che riunisce l'Italia: tre su quattro hanno fiducia in lui // La Repubblica, 01.09.2023 URL: https://www.repubblica.it/politica/2023/09/01/news/sondaggi_mattarella_gradimento_italia-412892479/#:~:text=È%20il%20Presidente%20Sergio%20Mattarella,Un%20sostegno%20larghissimo. (accessed: 17.03.2024).
26. Matteo Salvini: "Sul Sud abbiamo sbagliato tutto" / Libero quotidiano, 07.12.2014 URL: <https://www.liberoquotidiano.it/news/politica/11728264/Matteo-Salvini---Sul-Sud.html> (дата обращения: 23.03.2024).
27. Meloni cerca un patto con Haftar: più soldi dal petrolio, ma via i russi // La Repubblica, 08.05.2024 URL: https://www.repubblica.it/esteri/2024/05/08/news/giorgia_meloni_libia_haftar_generale_incontro-422864218/ (accessed on 08.05.2024).
28. Ministero della Difesa. (2022c) Documento Programmatico Pluriennale della Difesa per il Triennio 2022—2024. URL: https://www.fondazioneisardegna.it/media/36/47547619664674/documento_programmatico_pluriennale_2022-2024.pdf (accessed on 21.12.2023).
29. Natalizia, G., Mazziotti di Celso, M. La politica estera italiana tra baricentro euro-mediterraneo e ambizioni indo-pacifiche // Geopolitical Brief n. 1 URL: <https://www.geopolitica.info/wp-content/uploads/2024/02/GB1-ITAsia-UNINT-La-politica-estera-italiana-tra-baricentro-euro-mediterraneo-e-ambizioni-indo-pac.pdf> (accessed: 21.03.2024).
30. Red Sea crisis costing Italy 95m a day // Port News, 26.01.2024 URL: <https://www.portnews.it/en/red-sea-crisis-costing-italy-95m-a-day/> (accessed: 25.06.2024).
31. Sondaggio, intenzioni di voto: Forza Italia secondo partito del centrodestra, supera Lega // Sky TG24, 08.04.2024 URL: <https://tg24.sky.it/politica/2024/04/08/elezioni-europee-sondaggi-politici#00> (accessed: 08.04.2024).
32. Yegin, M. United States Policy in the Eastern Mediterranean // Comparative Southeast European Studies 70, no. 3 (2022): 439-461. <https://doi.org/10.1515/soeu-2022-0030>
33. Африка: региональные проблемы безопасности. Троянский М.Г., Карпович О.Г., Сидорова Г.М., Шангараев Р.Н., ДА МИД РФ, Москва, 2022.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ, ИНСТИТУТЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Живора Надежда Петровна,
эксперт бизнес-психологии,
специалист по международным экономическим отношениям,
автор телеграм-канала «Живора PRO Психологию»,
n.zhivora@yahoo.com
Nadezhda P. Zhivora,
Business Psychology Expert,
Specialist in International Economic Relations,
Author of the Telegram Channel “Zhivora PRO Psychologiyu”,
n.zhivora@yahoo.com

ПСИХОЛОГИЯ В ДИПЛОМАТИИ (НА ПРИМЕРЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ А. МАСЛОУ)

PSYCHOLOGY IN DIPLOMACY (ON THE EXAMPLE OF A. MASLOW'S HUMANISTIC THEORY)

Аннотация: в статье исследуется применение гуманистической теории Абрахама Маслоу в дипломатии. Акцентируется внимание на важности понимания и удовлетворения базовых потребностей дипломатических сотрудников для их психологической устойчивости и профессиональной эффективности, приводятся реальные примеры из дипломатической практики. Исследование подчеркивает роль психологии в современной дипломатии.

Ключевые слова: дипломатия, психология, гуманистическая теория Абрахама Маслоу, базовые потребности, самоактуализация, психологическая устойчивость, профессиональная эффективность, международные отношения, дипломатическая практика, эмоциональная стабильность.

Abstract: the article explores the application of Abraham Maslow's humanistic theory in diplomacy. The author emphasizes the importance of understanding and meeting the basic needs of diplomatic staff for their psychological resilience and professional effectiveness, providing real examples from diplomatic practice. The study highlights the role of psychology in modern diplomacy.

Keywords: diplomacy, psychology, Abraham Maslow's humanistic theory, basic needs, self-actualization, psychological resilience, professional effectiveness, international relations, diplomatic practice, emotional stability.

Дипломатическая работа представляет собой многосложный, непрерывный, напряженный и ответственный труд по отстаиванию интересов государства, его физических и юридических лиц за рубежом, продвижение

интересов России на международной арене, создание благоприятных внешних условий для успешного внутреннего развития государства. Как пишет патриарх отечественной дипломатии Андрей Андреевич Громыко: «Дипломатическая деятельность – это труд тяжелый, сложный. Требующий от тех, кто им занимается, мобилизации всех своих знаний и способностей» [1, с. 7].

Начавшаяся в феврале 2022 года российская специальная военная операция по демилитаризации и денацификации Украины стала основополагающей причиной кардинальных изменений в системе международных отношений, сформировавшейся после распада Советского Союза в конце XX века. Многие годы система международных отношений функционировала в условиях однополярного мира, возглавляемого США. Однако события второго десятилетия XXI века свидетельствуют о том, что многие государства и общества осознали, что заявленные цели глобализационных процессов либеральной демократии на практике оказались инструментом удержания лидирующих позиций США и их союзников.

Либеральные геополитические ценности, интересы и приоритеты, которые предлагались, а порой насильно насаждались Вашингтоном, потеряли свою актуальность и привлекательность. В настоящее время они переосмысливаются и активно отторгаются.

В попытке противостоять политике коллективного Запада (к ведущим государствам современного однополярного мира можно отнести США, Великобританию, Францию, Германию, Канаду, Японию) быстроразвивающиеся страны Евразии, Латинской Америки и Африки объединяются в альянсы, союзы, коалиции для поиска подходящего формата взаимодействия, который позволит построить миропорядок, основанный на общепризнанных принципах и нормах международного права, и внести весомый вклад в обеспечение региональной и международной безопасности.

Со своей стороны, США и их союзники, не желая мириться с провалом системы однополярного мира и закатом своей гегемонии, поддерживают

старые и формируют новые объединения различной направленности в разных регионах мира.

Взрывной рост цифровых технологий также оказывает непосредственное влияние на международные отношения, в том числе на дипломатическую службу. Повсеместно развивается цифровая дипломатия. Государственные органы стали делать официальные заявления не только традиционными, принятыми в дипломатической среде способами, но и с помощью различных цифровых инструментов. Заявления, сделанные политическими деятелями в социальных сетях на личных страницах, стали приравниваться к официальным заявлениям и нотам.

Рост популярности сети Интернет облегчил и расширил возможности «теневого» влияния на умы населения как внутри страны, так и за рубежом. Технологии XXI века (размещение радио- и телепередач в Интернете, распространение литературы в цифровом формате, создание дискуссий в блогосфере с определенными ценностными смыслами) сделали возможными так называемые сетевые войны – прямое манипулирование противником и его психологическим состоянием через коммуникационные и культурные системы общества с использованием влияния на подсознательном уровне.

Целью сетевой войны служит получение контроля над сознанием людей, особенно тех, кто принимает ключевые стратегические решения. Это когнитивная война, так как она влияет на процесс принятия решений человеком и на логику его рассуждений. Однако самым важным моментом в стратегии сетевых войн является прорыв аналитических ресурсов государства, после чего государство становится неспособным к защите, а власти и спецслужбы не могут противодействовать внешнему воздействию.

Растут проблемы киберугроз и кибертерроризма. С одной стороны, это хищение и распространение государственно важной или личной конфиденциальной информации, с другой – распространение фейков и ложной информации в политических или идеологических целях, с третьей –

использование цифрового пространства для совершения любых противоправных действий.

Исходя из понимания современной среды международных отношений, ее вызовов и особенностей, можно сделать вывод, что, помимо высоких интеллектуальных способностей, дипломатический сотрудник должен обладать значительной психологической устойчивостью для того, чтобы справляться со своими обязанностями и не теряться в крайне напряженном и высокоскоростном контексте международных связей и процессов. Кроме того, дипломатические работники зачастую вынуждены работать в странах со сложной военно-политической обстановкой, подвергая опасности себя и свои семьи, в тяжелых климатических условиях или в неблагоприятной санитарно-эпидемиологической обстановке, что также влияет на их эмоционально-психическое состояние.

Одним из инструментов формирования психической устойчивости дипломатических сотрудников может стать изучение общечеловеческой психологии. Самой простой для практического применения в ежедневной профессиональной деятельности, на наш взгляд, может стать гуманистическая теория личности американского психолога Абрахама Маслоу (1908–1970), который стал основоположником и лидером гуманистического направления в психологии. Он исходил из того, что каждого человека нужно изучать как уникальную, организованную и саморазвивающуюся систему.

Маслоу отвергает сложившиеся в прежней психологии подходы к человеку со стороны зоопсихологии или клинической психологии [6, с. 60–61]. В противовес бихевиористскому подходу к личности и теориям таких психологов, как Джон Уотсон (1878–1958) и Беррес Фредерик Скиннер (1904–1990), Маслоу считает, что человек – нечто большее, чем просто животное. Результаты исследования животных не применимы для понимания психологии человека, так как в случае подобного переноса игнорируются в первую очередь специфические характеристики человека [9, с. 85].

В то время многие персологоги были одновременно и клиницистами, а потому переносили свои клинические наблюдения на здоровых людей. Маслоу же сконцентрировал свое внимание на психически здоровом человеке и был убежден, что мы не в состоянии понять психическое заболевание, пока не поймем психическое здоровье [6, с. 66].

В отличие от Фрейда, подчинившего людей власти бессознательного и довольно пессимистично оценивавшего природу человека [5, с. 19], Маслоу полагал, что природа человека по своей сути хороша или по крайней мере нейтральна. Разрушительные силы в людях Маслоу видел как результат фрустрации или неудовлетворения основных потребностей. Маслоу полагал, что от природы в каждом человеке заложены возможности для позитивного роста и самосовершенствования. Он рассматривал творчество как черту, потенциально присутствующую во всех людях от рождения. Маслоу понимает творчество шире, чем научное или художественное. По его мнению, это способность к самовыражению в самых разных, даже в обыденных, сферах деятельности. Творцом можно назвать не только писателя или композитора, но и слесаря, продавца, плотника.

Маслоу считает, что все потребности у человека врожденные и организованы они иерархически [6, с. 58] – в виде условной пирамиды. В ее основании лежат физиологические потребности, а над ними последовательно надстраиваются потребности в защите и безопасности; в любви и принадлежности; в самоуважении и уважении. Завершают эту иерархию потребности в самоактуализации, или самосовершенствовании. Маслоу исходит из того, что чем выше человек может подняться по лестнице потребностей, тем больше его индивидуальность, человеческие качества и психическое здоровье.

Остановимся на пирамиде потребностей подробнее.

Физиологические потребности существенны для физического выживания и включают в себя потребности в пище, воде, кислороде, физической активности, сенсорной стимуляции, сне и некоторые другие.

Потребности поддержания жизни являются исходными и решающими для понимания поведения человека, их неудовлетворение оказывает на человека непосредственное разрушительное воздействие. К примеру, если человек голоден или чувствует жажду, его мысли сконцентрированы только вокруг удовлетворения этих потребностей, потребности более высокого характера уходят на второй план.

Когда физиологические потребности относительно удовлетворены, у человека появляются **потребности в безопасности**. Это второй уровень потребностей по Маслоу. Они включают в себя потребности в защищенности, стабильности, зависимости, отсутствии страха, тревоги, болезни, хаоса. Это также потребности в структуре, порядке, законе и ограничениях, предсказуемости событий. Если человек полностью захвачен этими потребностями, то все рецепторы организма и весь интеллект будут направлены на поиск безопасности. Практически всё становится менее важным, чем безопасность и защита (иногда даже физиологические потребности уходят на второй план).

Когда физиологические потребности и потребности в безопасности в достаточной мере удовлетворены, человек переходит на третий уровень потребностей. Появляются **потребности в любви, привязанности и принадлежности**. На этом уровне люди стремятся устанавливать отношения с другими людьми, в своей семье и/или в группе. Со временем групповая принадлежность становится доминирующей для человека, он начинает остро чувствовать дискомфорт одиночества, отсутствие друзей и любимых.

Далее мы двигаемся на четвертый уровень потребностей. Каждый здоровый человек имеет **потребность** в стабильной, обоснованной, высокой самооценке, **в самоуважении и уважении** окружающих. Эти потребности Маслоу разделяет на два подкласса. С одной стороны, это сила, достижения, адекватность, мастерство и компетентность, уверенность перед лицом внешнего мира, независимость и свобода, чтобы чувствовать уважение к себе в полной мере.

С другой – это желание хорошей репутации и престижа, а также статус, известность и слава, превосходство, признание, внимание, значительность, чувство собственного достоинства, чтобы знать, что сделанное им признается и оценивается положительно авторитетными для него людьми. При этом Маслоу подчеркивает, что здоровое самоуважение основывается прежде всего на заслуженном уважении со стороны других людей, а не на показной славе, социальном положении или неоправданной лести.

Удовлетворение этих потребностей со стороны окружающих вызывает чувство уверенности в себе, своей ценности, способности и адекватности, ощущение своей полезности и необходимости в мире. Препятствия к удовлетворению этих потребностей ведут к появлению чувства неполноценности, слабости и беспомощности. Эти чувства, в свою очередь, вызывают подавленность или невротические склонности.

И, наконец, если ранее упомянутые потребности в достаточной мере удовлетворены, на передний план выходит **потребность в самоактуализации**. Эту потребность Маслоу охарактеризовал как желание человека «быть тем, чем он может быть» [6, с. 76]. Самоактуализация не обязательно должна принимать форму каких-то выдающихся творческих достижений. Повар, отец/мать, школьный учитель или рабочий – все могут актуализировать свой потенциал, выполняя наилучшим образом свою работу. Именно на этом высшем уровне иерархии потребностей люди сильнее всего отличаются друг от друга.

Абрахам Маслоу провел исследование в группе самоактуализирующихся людей и выделил ряд особенностей, присущих таким людям [6, с. 213–241].

1. Адекватное восприятие реальности. Самоактуализирующиеся люди способны воспринимать окружающий мир и других людей более точно и беспристрастно, замечать скрытые от других тенденции и закономерности. Самоактуализирующиеся люди гораздо быстрее и легче других выделяют новое, специфическое и конкретное из общего, абстрактного и схематичного.

2. **Принятие** себя и своих потребностей без лишней самокритики и переоценки. Подобным образом они воспринимают других людей и человечество в целом. У них нет желания переделывать или контролировать других людей. Человеческая природа предстает перед ними такой, какая она есть, а не такой, какой они хотели бы ее видеть.

3. **Спонтанность** и непосредственность. Самоактуализирующимся людям свойственны простота и естественность, отсутствие искусственности, наигранности или желания произвести впечатление.

4. **Центрирование на проблеме.** Маслоу считал, что самоактуализирующиеся люди привержены какой-то большой цели, задаче, долгу, призванию или любимой работе, которые они считают весьма важными для себя и ставят выше своих непосредственных потребностей. Как правило, такие люди не преследуют личной выгоды, а стремятся принести пользу всему человечеству, своему народу или своей семье.

5. **Внутренняя независимость, автономия.** Самоактуализирующимся людям свойственны способность принимать самостоятельные решения, ответственность, самодисциплина, свобода воли, склонность действовать самостоятельно, а не полагаться на мнение окружающих, способность сохранять спокойствие и невозмутимость, когда их постигают личные несчастья и неудачи.

6. **Свежесть восприятия.** Самоактуализирующиеся люди имеют способность снова и снова свежо и наивно переживать простые радости жизни, принимать как чудо то, что для других стало обыденным и привычным. Они черпают силу и вдохновение из базовых жизненных переживаний – красоты природы, общения с детьми или классической музыки.

7. **Пиковые переживания.** Самоактуализирующимся людям присуща способность к глубоким чувственным переживаниям. В таких переживаниях присутствует утрата или трансцендентность своего Я. Например, это может быть сосредоточение на решении какой-либо проблемы, сильная концентрация внимания, самозабвенное наслаждение музыкой или другими

произведениями искусства. Однако есть самоактуализирующиеся люди, которые не испытывают пиковых переживаний, они отличаются практичностью и отлично функционируют в реальном мире.

8. Человеческое родство. Самоактуализирующиеся люди испытывают глубокое чувство причастности, симпатии и приязни к человечеству в целом. Они имеют искреннее желание принести пользу всему человечеству, ощущают неразрывную связь с окружающими их людьми, чувствуют к ним снисходительность.

9. Скромность и уважение к окружающим. Самоактуализирующиеся люди проявляют дружеское расположение к любому человеку независимо от социального класса, политических убеждений, расы или цвета кожи, если человек близок им по духу. Они готовы учиться у каждого, кто способен их чему-то научить: любой мастер своего дела, будь то артист или плотник, в их глазах всегда достоин уважения.

10. Межличностные отношения. Самоактуализирующиеся люди способны к более глубоким межличностным отношениям, чем большинство людей. Они склонны к проявлению доброты и толерантности практически ко всем людям без исключения.

11. Средства и цели. Самоактуализирующиеся люди четко различают средства и цели. Они гораздо больше внимания уделяют целям, а все средства этим целям подчинены. Они склонны ценить сам путь к достижению цели, они точно так же радуются прибытию на промежуточную станцию, как и в пункт назначения. Им удастся превратить обычное занятие в нечто захватывающее, как это зачастую делают дети.

12. Чувство юмора. Самоактуализирующимся людям свойственно своеобразное чувство юмора. Им не нравятся жестокие шутки, когда смешат, причиняя кому-нибудь вред, шутки, построенные на превосходстве одного человека над другим, а также непристойные шутки. Им больше нравится так называемый философский юмор, высмеивание человечества в целом. Это

своего рода подшучивание над собой. Их шутки наводят на философские размышления и вызывают скорее улыбку, чем громкий смех.

13. Креативность. Каждый из самоактуализирующихся людей в той или иной форме демонстрирует творческие способности, изобретательность или оригинальность. Причем креативность не обязательно проявляется в привычной форме написания книг, создания музыкальных или художественных произведений, а зачастую в весьма более скромной форме. Здесь мы можем говорить о креативных сапожниках, плотниках или служащих. Что бы ни делал индивид, он все делает с соответствующим настроением, который заложен в его характере.

14. Сопротивление приобщению к культурным нормам. Самоактуализирующиеся люди без труда соблюдают культурные условности, но сохраняют в то же время определенную внутреннюю независимость от нее. Они берут из культуры всё, что им полезно, а всё, что, по их мнению, им не подходит, они отвергают. Эти люди взвешивают, анализируют, обдумывают и затем принимают самостоятельные решения в отличие от обычного пассивного усвоения всего, что предлагает культура.

15. Несовершенства. Одновременно нужно иметь в виду, что самоактуализирующиеся индивиды – не ангелы, а живые люди. Им также свойственны неприятные черты характера, сомнения в себе, дурные привычки. Они могут быть упрямыми, нудными, раздражительными. Они не свободны от чувств тревоги, вины, печали, внутренней борьбы, пристрастного отношения к собственным творениям, семье, друзьям.

Итак, что должен учитывать дипломатический работник исходя из теории Абрахама Маслоу, чтобы наилучшим образом справляться со своими обязанностями и поддерживать свою эффективность?

Прежде всего, все **физиологические потребности** дипломатического сотрудника должны быть удовлетворены. С одной стороны, сам факт того, что мы поднимаем этот вопрос в XXI веке, может показаться странным: у сотрудников Министерства иностранных дел не должно быть проблем с

пищей и сном. Однако, учитывая тяжелые климатические условия, условия напряженных военных конфликтов и кризисов, жесткого временного графика, в которых зачастую дипломатические работники выполняют свои обязанности, стоит еще раз подчеркнуть первостепенность удовлетворения физиологических потребностей.

Бывают ситуации, когда необходимо работать долго и напряженно, порой и круглосуточно, но не следует пренебрегать как своими базовыми потребностями, так и потребностями подчиненных в полноценном питании и отдыхе, иначе есть риск драматического снижения трудоспособности в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

В условиях интенсивного труда с большими психическими перегрузками очень важно уметь использовать кратковременную передышку для расслабления и отдыха. Есть интересный пример из практики советской дипломатии: у министра иностранных дел СССР В.М. Молотова (1946–1949, 1953–1956) была способность засыпать мгновенно. За кабинетом министра имелась комната отдыха, и, когда он чувствовал сильную усталость и появлялась возможность прилечь, он говорил своим помощникам: «Я пойду прилягу. Разбудите меня через минут пятнадцать». И разбудить его следовало строго в указанное время [8, с. 211–212]. Это отличный пример осознания первостепенности своих физиологических потребностей и умения удовлетворять их при первой возможности.

Текущая международная обстановка и ее крайне напряженные политические, экономические аспекты, а также военные конфликты, в особенности неожиданные, создают предпосылки для периодической утраты чувства безопасности дипломатическими сотрудниками, которые находятся на службе как внутри страны, так и за рубежом. Каждому сотруднику важно осознавать свою **потребность в безопасности** и своевременно помещать себя в максимально комфортные психофизиологические условия, использовать психотерапевтические техники, в том числе дыхания и релаксации, для того, чтобы возвращать себя в состояние спокойствия и продуктивности.

И.А. Мелихов, советский и российский дипломат, ученый-международник, политолог, публицист, вспоминает период перестройки, когда Э.А. Шеварнадзе возглавил Министерство иностранных дел, не имея при этом ни четких представлений об оптимальном внешнеполитическом курсе, ни опыта управления подобными структурами. Отсутствие ясности и четкости, к чему традиционно был приучен аппарат МИД и его заграничная сеть, нарушило общий рабочий ритм. Сотрудники вынуждены были просиживать в кабинетах до полуночи, не зная выходных. Многие лишались отпусков, работая на износ. Всё ведомство было разбалансировано и пришло в состояние хаоса [7, с. 46].

Это яркий пример нарушения потребности в безопасности как всего коллектива, так и его отдельных членов. Последствиями такой разбалансировки стали не только дезорганизация работы, ухудшение здоровья и психологического состояния сотрудников МИД, но и непродуктивная внешнеполитическая деятельность нашей страны во время перестройки.

Руководящему составу дипломатических служб особенно полезно понимать суть этой потребности и уметь возвращать себя в состояние безопасности. Известно, что именно на внутреннее состояние руководителя ориентируются подчиненные. Руководителю важно уметь распределять время и создавать настроение своих сотрудников как в спокойные периоды, так и в стрессовых и кризисных ситуациях.

Удовлетворение **потребности в любви и принятии**, возможно, важнее всего для сотрудников, командированных в другие страны. Дипломатические представительства за рубежом представляют собой малые группы со своим очень специфическим родом занятий и обособленным жизненным укладом. Хотя они и связаны каналами информации с родиной, дипломатические работники надолго лишены живого общения с ней. Важно, чтобы каждый сотрудник в маленьком коллективе вдали от своей страны, друзей, родных и близких чувствовал свою принадлежность к коллективу.

Если человек воспринимает группу, к которой он принадлежит, со знаком плюс, испытывает позитивную с ней идентичность, это позволяет ему чувствовать себя увереннее, комфортнее и сильнее. Если человек испытывает дискомфорт от мысли о своей принадлежности к группе, то он будет чувствовать себя несчастным.

От сплоченности коллектива зависят как элементарная безопасность сотрудников, так и прямые результаты работы, особенно в кризисных ситуациях. Важно, чтобы в экстренных ситуациях все возможные трения и разногласия между сотрудниками уходили на второй план, а на передний выходили чувства общности, контакта, подлинного единства перед лицом проблем. Необходимо, чтобы в кризисных ситуациях сотрудники выступали единой командой, принимали совместные решения сплоченно и оперативно. Руководителю важно уметь снимать возникающую напряженность, предупреждать развитие возможных недельных конфликтов за счет понимания потребностей своих сотрудников и создания условий для их полноценного удовлетворения.

Однако эта потребность также имеет значение и для сотрудников, работающих внутри страны. Руководителям важно знать особенности этой потребности и уметь создавать такой климат в коллективе, в котором не будет места остракизму, неприятию, недружелюбию и неприкаянности.

Ю.А. Квицинский, советский и российский дипломат и политик, вспоминает случай рабочего взаимодействия с А.А. Громыко, советским министром иностранных дел, когда тот «почти довёл Юлия Александровича до слез», объявив ошибочной и неприемлемой формулировку преамбулы соглашения, которую сам же и утвердил несколько месяцев назад и забыл об этом. Квицинский не стал возражать и молча вышел из кабинета. Через некоторое время министр вызвал Квицинского к себе вновь, однако тот просил передать, что не пойдет и просит освободить его от дальнейшего участия в переговорах. Тогда пришел старший помощник Громыко и уговорил Квицинского не делать глупостей. Когда Квицинский всё-таки пришел к

министру, тот встретил его ворчанием, из которого можно было разобрать такие слова, как «не работник, а красная девица», «слова ему нельзя сказать» [3, с. 281].

Здесь можно выделить неудовлетворенные потребности Ю.А. Квицинского в безопасности, любви и принятии, а также в уважении. Если бы эти потребности были закрыты, он бы, во-первых, не воспринял слова министра на свой счет, а, во-вторых, прямо и спокойно возразил бы ему, напомнив о его собственном решении предложить именно такую преамбулу некоторое время назад, вместо того, чтобы молча уйти и обидеться.

Что же касается А.А. Громыко, то можно сказать о его неосведомленности о потребностях своих подчиненных и своих задачах (как руководителя) удовлетворять эти потребности для повышения эффективной работы ведомства. Возможно, и у самого Громыко потребность в самоуважении не была удовлетворена, потому он неосознанно самоутвердился за счет младшего сотрудника.

Одна неудовлетворенная потребность встретила другую, и это привело к тому, что пришлось тратить время на уговоры Квицинского вернуться к делу. Это хороший пример внутренней неэффективности, который может взять на вооружение каждый дипломатический работник, чтобы не повторять ошибок коллег.

Потребности в самоуважении и уважении у дипломата должны быть по большей части удовлетворены. Очевидно, что дипломат должен быть активной и постоянно совершенствующейся личностью. Однако в дипломатической деятельности личная активность дипломата реализуется порой в весьма жестких границах, установленных государством, ведомством. С одной стороны, от личной инициативы дипломата зависит очень многое, например, при установлении контактов, ведении переговоров, при поиске и сборе информации, разъяснительной работе о политике своей страны и т.д. [4, с. 36]. Более того, дипломат обязан иметь и представлять свою точку зрения, даже если она не совпадает с ожиданиями руководства. Но после принятия

решения дипломат любого ранга обязан быть в высшей степени дисциплинированным, лояльным в отношении вышестоящих инстанций, строго соблюдая полученные инструкции.

Если потребность в самоуважении и уважении у дипломатического работника не удовлетворена, в случаях, когда его личное мнение не совпадает с точкой зрения руководства, у него может возникнуть конфликт между этой потребностью и необходимостью подчиниться. Сотрудникам руководящего состава очень важно знать особенности этой потребности. Так, если в коллективе по каким-то причинам возникают несогласия, нередко это связано именно с неудовлетворением потребности в уважении и самоуважении. Руководитель может провести беседу, выяснить, в чем дело, и поспособствовать тому, чтобы закрыть потребность сотрудника иным образом или предложить ему самому порефлексировать над способами закрытия этой потребности. При этом нужно уметь проявлять терпение, не перебивать собеседника, облегчать ему ответ «да» и без надобности не задавать ему вопрос, на который он вынужден будет ответить «нет».

Для понимания важности удовлетворения этой потребности у оппонента в разрезе отношений с иностранными коллегами стоит привести пример неудачной российской дипломатии.

У советских руководителей были хорошие отношения с премьер-министром Индии Индирой Ганди. Однако, когда ее отстранили от власти, в Москве сразу забыли недавнего хорошего друга. Проездом из Лондона Индира Ганди хотела посетить Москву и запросила о встрече с кем-либо из советских руководителей, но с ней никто не захотел встречаться. В Москве решили обойтись самым простым протокольным жестом – на аэродроме Индиру Ганди угостил обедом бывший посол в Индии, а больше ни с кем она не встретилась. Через некоторое время она вернулась к власти и отношения пришлось налаживать с большим трудом [9, с. 194].

Когда советские руководители не посчитали нужным организовать встречу с Индирой Ганди на должном уровне, они не удовлетворили ее

потребность в уважении. Впоследствии, когда советский посол в Индии Ю.М. Воронцов налаживал с ней отношения, он вспоминал приятные, смешные, конструктивные случаи прошлых встреч с ней, искал точки соприкосновения, основанные на прошлом позитивном общем опыте, то есть сыграл на потребности в любви и принятии.

И, наоборот, пример успешного удовлетворения потребности в уважении и признании для достижения конструктивной цели демонстрирует случай из дипломатической практики Ю.М. Воронцова, когда он, оставаясь в ранге первого замминистра, возглавлял советское посольство в Афганистане. Перед ним стояли две сложные задачи: обеспечить дипломатическими средствами безопасный вывод без потерь советских войск и не допустить кровавой резни вследствие внутриафганского конфликта. Добиваясь этих целей, Воронцов вел переговоры с моджахедами. Когда проводилась первая встреча, моджахеда, войдя в зал переговоров, замешкались, и будущий президент Афганистана Раббани сделал неопределенное движение рукой, как будто желая подать ее советскому послу, но до конца не решаясь этого сделать. Юлий Михайлович мгновенно сориентировался: он смело протянул свою руку Раббани и крепко пожал ее [7, с. 76]. Ситуация сразу разрядилась. Если бы посол Воронцов не сделал инициативного шага со своей стороны, то, вероятно, отчужденность сторон резко бы возросла, и дальнейшие переговоры были бы затруднены.

И, наконец, стоит перейти к **потребности в саморазвитии и самоактуализации**. Любому зрелому человеку свойственна тяга к совершенствованию и ощущение ценности любого нового опыта, чтобы более полно реализовать себя. В дипломатической профессии это стремление необходимо. Дело здесь не в карьерных достижениях, а во внутреннем росте, внутренней мотивации перспективных дипломатов спонтанно, без внешнего принуждения накапливать знания, практические навыки, совершенствовать методы их использования, обобщать накопленный опыт, проявлять отвагу,

преодолевая склонность цепляться за привычные представления, оказываясь перед лицом открывшихся, но еще не ясных возможностей.

Хорошим примером самоактуализирующейся личности в истории советской дипломатии может служить личность А.Ф. Добрынина, советского посла в США в 1962–1986 годах. Интеллект, эрудиция, обаяние, проницательность, прекрасное знание страны пребывания, мастерство переговорщика – все эти качества позволили Анатолию Федоровичу быть советским послом в Вашингтоне при шести президентах США. Добрынин обладал высоким авторитетом в обеих странах, имел прямой доступ к высшему руководству обоих государств и пользовался его доверием.

Он был вхож к братьям Кеннеди, его в любое время суток соединяли с Джонсоном, у него была прямая секретная телефонная связь с Белым домом при Никсоне и свой, скрытый от посторонних глаз, вход в здание Госдепартамента. Партнеры ценили в Добрынине надежность, чувство ответственности, умение держать слово и сохранять конфиденциальность, нацеленность на честный поиск взаимоприемлемых решений. Добрынин завоевал доверие американских партнеров без необходимости поступаться интересами своей собственной страны, не теряя доверие советского руководства [2, с. 6–8].

В заключение можно привести пример руководителя, который сумел создать атмосферу в коллективе для того, чтобы саморазвивались и самоактуализировались его подчиненные. Б.И. Поклад, известный советский и российский дипломат, тепло вспоминает В.В. Кузнецова, советского и российского дипломата, трижды исполнявшего обязанности Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

«Работать с Кузнецовым было очень интересно, – пишет Б.И. Поклад. – У него был основательный, глубокий государственный подход к решению проблем. Я сразу же взял для себя за правило читать и составлять свое собственное мнение по всем запискам в ЦК и наиболее важным бумагам. К моим предложениям и соображениям по существу затрагиваемых в записках в ЦК вопросов Василий Васильевич относился внимательно <...> Характерно то,

что я мог настойчиво отстаивать свое мнение, и Василий Васильевич проявлял терпение, не злился <...> Секретариат Василия Кузнецова был очень дружным, сплочённым и работоспособным коллективом. Все мы шли на работу, словно летели на крыльях. Это была команда единомышленников, в которой все строилось на доверии, взаимовыручке, подстраховке. Работали мы очень много, в темпе, не считаясь со временем. При этом никто не роптал. Многие сотрудники секретариата стали впоследствии послами...» [10].

Это интересный случай взаимодействия, когда все базовые потребности и руководителя, и подчиненного удовлетворены, когда и тот, и другой чувствуют себя в безопасности, у них все в порядке с самопринятием и самоуважением, они могут спокойно саморазвиваться и самоактуализироваться. Б.И. Поклад описывает коллектив как дружный и сплоченный, готовый работать на благо общего дела столько, сколько нужно. В этом, безусловно, заключается заслуга В.В. Кузнецова как руководителя, который понимал базовые потребности своего коллектива и удовлетворял их. Также В.В. Кузнецов давал время своим сотрудникам для самоактуализации, о чем свидетельствует тот факт, что он всегда внимательно относился к предложениям Б.И. Поклада, хотя на правах руководителя мог бы их игнорировать и не тратить время на то, чтобы дать своему подчиненному самовыразиться. В результате грамотного руководства В.В. Кузнецова все сотрудники «дышали» работой, с удовольствием шли на нее, что, конечно, сказывалось на продуктивности.

Подводя итог, можно предположить, что в процессе профессионального и личностного саморазвития каждому дипломату будет полезно осознавать свои потребности и степень их удовлетворения для поддержания себя и своего коллектива в форме с точки зрения профессиональной продуктивности и эмоциональной стабильности.

Понимание общечеловеческих потребностей позволит дипломатам эффективнее общаться с коллегами, руководством, подчиненными и осознанно создавать благоприятный и рабочий климат в коллективе.

Поскольку дипломаты постоянно общаются со своими зарубежными коллегами, каждому дипломату также пригодится навык понимания потребностей его оппонента, что позволит сотруднику строить общение максимально эффективно, понимать причинно-следственные связи, быстрее добиваться целей. Понимание психологии общечеловеческих потребностей открывает дополнительные возможности для того, чтобы исправлять ошибки в дипломатической коммуникации.

Дипломату очень важно следить за удовлетворением собственных потребностей, чтобы быть неуязвимым для оппонента и чтобы никто из оппонентов не мог толкнуть сотрудника на поступок, который закрывает его личную потребность, но противоречит профессиональным целям и задачам.

В заключение следует отметить, что особенности международных отношений и дипломатии XXI века предъявляют новые требования не только к интеллектуальной, но и к психологической подготовке дипломатов. Теория личности Абрахама Маслоу может служить одним из инструментов для успешного понимания дипломатическими сотрудниками общечеловеческой психологии потребностей и одним из средств повышения профессиональной эффективности и психологической устойчивости дипломатических коллективов.

Список литературы

1. Громько А.А. Памятное. Кн. II. М.: Издательство политической литературы, 1988. С.330.
2. Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962 - 1986 гг.) / А.Ф. Добрынин. - 2-е изд. - М.:Х Международные отношения, 2019. – С. 710.
3. Квицинский Юлий. Время и случай. Записки профессионала. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1999. - С. 576.
4. Козырев Н.И. Характер и специфика работы начинающего дипломата. Учебное пособие./ Н.И. Козырев . – М.: Восток – 2011. –С. 64.
5. Ларри Хьелл, Дэниел Зиглер. Теории личности. 3-е изд. / Пер. с англ. - СПб.: Питер, 2022. - С. 608.
6. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер. с англ. - СПб.: Питер, 2022. - С. 400.

7. Мелихов И.А. Личность в дипломатии. На исторических параллелях. Монография./ И.А. Мелихов. –М.: Восток – Запад, 2011. – 368 с.
8. Млечин Леонид. МИД. Министры иностранных дел. Романтики и циники. С.669.
9. Практическая психология для дипломатов: учеб. пособие / под ред. Р.Ф. Додельцева. Моск. гос. ин-т межд. отношений (ун-т) МИД России, каф. философии и психологии. - М.: МГИМО-Университет, 2007. - С. 85.
10. <https://proekt-wms.narod.ru/states/kuznecov-vv.htm>

Оливера Захаров Сесар Хавьер,

аспирант

Московский государственный лингвистический

университет им. М. Тореза,

sesarzaharov@yandex.ru

César Javier Olivera Zakharov,

Postgraduate Degree Student,

Moscow State Linguistic University named after M. Toresa,

sesarzaharov@yandex.ru

ПАРТИЙНАЯ БОРЬБА И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ ПЕРУ

PARTY STRUGGLE AND PROSPECTS FOR THE FORMATION OF THE STATE IDEOLOGY OF PERU

Аннотация: статья посвящена критическому осмыслению утверждения об отсутствии единой национальной идеологии в Перу, исследованию влияния различных теорий на политику, управление и развитие страны. Центральной проблемой представляется политическая фрагментация и нестабильность правительства Перу при отсутствии единой государственной идеологии. В этой связи возникает необходимость определить причины отсутствия единой государственной идеологии в Перу и последствия этого для развития государства. В работе дается характеристика распространенных идеологий, сравниваются различные политические идеологии в Перу, оценивается их влияние на политическую стабильность, экономическое развитие и социальную сплоченность.

Ключевые слова: идеология, Перу, идеологическая раздробленность, политическая партия, государственная идеология, политическая стабильность, Конгресс Перу, политический институт.

Abstract: the article is devoted to a critical understanding of the statement about the absence of a single national ideology in Peru, and to the study of the influence of various theories on politics, governance and development of the country. The central problem seems to be the political fragmentation and instability of the Peruvian government in the absence of a unified state ideology. In this regard, there is a need to understand why there is no unified state ideology in Peru and what are the consequences of its absence for the development of the state? The work characterizes common ideologies, compares various political ideologies in Peru, and assesses their impact on political stability, economic development and social cohesion.

Keywords: ideology, Peru, ideological fragmentation, political party, state ideology, political stability, Congress of Peru, political institution.

Идеологическая фрагментация: опыт Перу

Идеологию можно определить как «более или менее связную систему идей, которая обеспечивает основу для организованных политических действий, независимо от того, направлена ли она на сохранение, изменение или свержение существующей системы властных отношений» [5]. Она служит основой для интерпретации социальной и политической реальности. Вместе с тем идеологии влияют на политическое поведение и политические решения, представляя собой призму, через которую политические лидеры и граждане интерпретируют события и проблемы. Фактически идеологии выступают необходимым компонентом политических институтов [1].

Идеологическая же фрагментация возникает, когда общество или политическая система характеризуются множеством конкурирующих идеологий, которым не хватает объединяющей основы. Это может привести к политической нестабильности, непоследовательному принятию решений и социальным конфликтам. Идеологическая фрагментация может быть результатом воздействия нескольких факторов, таких как культурное разнообразие, социально-экономическое неравенство и политическая история страны.

Напротив, единая национальная идеология может содействовать политической стабильности, способствовать последовательному принятию поддерживаемых обществом решений и укреплению чувства национального единства и целеустремленности.

Идеология обеспечивает руководству возможности формулирования и реализации последовательной государственной политики и облегчает общение между правительством и гражданами. Кроме того, она может помочь разрешить социальные конфликты, предлагая общее видение, которое могут принять все слои общества.

В случае с Перу именно отсутствие единой государственной идеологии способствовало нарастанию в обществе политической нестабильности и социальной фрагментации. Правительства, сменявшие друг друга с 2000-х

годов, проводили противоречивую политику, что порождало недоверие к институтам, таким как президент, конгресс, судебная власть, национальная полиция и т.д., затрудняло разработку долгосрочного видения развития страны [8].

Идеологические основы политических партий Перу

С 1871 по 1919 год начали появляться первые политические партии в Перу с идеологией, спектр которых варьировался от левого до правого, однако многопартийность начала складываться только после прихода к власти в 1990 году Альберто Фухимори. Наиболее представительными партиями в конгрессе страны сегодня являются Fuerza Popular (18,5%), Perú Libre (11,5%), Alianza para el Progreso (8,5%) и Cambio Democrático - Juntos por el Perú (8%).

Анализ партийных программ этих четырех наиболее представительных партий в парламенте Перу позволил выявить основные ценности и принципы, которыми они руководствуются.

Партия Fuerza Popular («Народная сила»), возглавляемая Кейко Фухимори, последовательно выступает за неолиберальную экономическую политику и консервативные социальные ценности. Получив большинство мест в парламенте страны, с 2016 по 2019 год партия уделяла приоритетное внимание дерегуляции и рыночным реформам, направленным на привлечение иностранных инвестиций и содействие экономическому росту (одним из ее представителей был Хорхе Фуэнтес, министр сельского хозяйства и ирригации с сентября 2016 по апрель 2018 года). Fuerza Popular защищала и продолжает оберегать традиционные семейные ценности и выступает против прогрессивных социальных реформ, таких как однополые браки и права на аборт. Эти действия отражают приверженность партии консервативной идеологической программе, ориентированной на принципы свободного рынка и социального консерватизма.

Партия Perú Libre («Свободное Перу») под руководством Педро Кастильо (с июля 2021 по декабрь 2022 года был президентом Перу), а затем

Дины Болуарте, нынешнего лидера государства, проводила политику, соответствующую социалистическим принципам, выступая за большее вмешательство государства в экономику. Например, партия предложила национализацию ключевых отраслей промышленности и перераспределение богатства для устранения социально-экономического неравенства. Эта идеологическая позиция нашла отражение в усилиях правительства по увеличению социальных расходов и реализации программ, направленных на поддержку маргинализированных сообществ, таких как инициативы по развитию сельских районов и увеличение финансирования образования и здравоохранения в недостаточно обслуживаемых районах.

Партия *Alianza para el Progreso* («Альянс за прогресс»), возглавляемая Сезаром Акуньей, заняла популистскую и националистическую позицию в конгрессе, сосредоточив внимание на таких вопросах, как безопасность граждан и национальный суверенитет. За время пребывания в правительстве партия продвигала политику по укреплению сил безопасности и борьбе с преступностью, а также меры по защите природных ресурсов и национальных интересов. Альянс за прогресс подчеркнул необходимость защиты прав перуанских граждан и выступил за более широкое участие государства в экономике, чтобы гарантировать благосостояние населения.

Эдмер Трухильо, член *Alianza para el Progreso*, занимал должность министра жилищного строительства, строительства и санитарии во время правления Педро Пабло Кучински с сентября 2017 по апрель 2018 года. Сесар Васкес, также сторонник этой партии, является действующим министром здравоохранения Перу.

Партия *Cambio Democrático – Juntos por el Perú* («Демократические перемены – вместе за Перу»), возглавляемая Вероникой Мендосой, следует прогрессивной левой идеологии, которая сочетает в себе инклюзивную социальную политику с сильным государственным вмешательством в экономику. Во время своего пребывания в конгрессе (с 2021 года) партия уделяла приоритетное внимание инициативам по защите трудовых прав,

продвижению гендерного равенства и улучшению доступа к основным государственным услугам. Она также продвигала реформы по защите окружающей среды и обеспечению долгосрочной устойчивости, отражая свою приверженность управлению, которое должно привести экономическое развитие в соответствие с социальной и экологической справедливостью. Член этой партии Росио Силва Сантистебан занимал пост министра культуры при правительстве Педро Кастильо с июля 2021 по декабрь 2021 года, на этом успехи партии в занятии министерских должностей закончились.

Государственная политика Перу часто отражает смесь конкурирующих интересов, а не последовательное продвижение национальных интересов. Возникающая непоследовательность проявляется в частых изменениях экономической политики, социальных программ и в отсутствии долгосрочного планирования, выходящего за рамки избирательных циклов. Например, экономическая политика колеблется между неолиберализмом и государственным вмешательством, в зависимости от того, какая партия находится у власти.

Пандемия COVID-19 подчеркнула идеологическую раздробленность в Перу. Разные партии предлагали разные подходы к управлению кризисом: от жестких ограничений и пакетов экономических стимулов до более либеральных подходов, определяющих приоритет в области экономической деятельности. Отсутствие единого ответа привело к непоследовательности в реализации политики и замешательству общественности. Например, некоторые партии выступали за принятие решительных мер в области общественного здравоохранения и программ социальной поддержки, в то время как другие настаивали на возобновлении экономической деятельности и поддержке рыночных отношений.

В частности, партия Acción Popular (центристского уклона) и Perú Libre выступали за принятие решительных мер в сфере общественного здравоохранения, таких как сохранение строгого карантина и укрепление системы здравоохранения. Между тем другие партии, такие как Alianza para el

Progreso и Fuerza Popular, выступали за восстановление экономики и принятие мер, направленных на оживление торговли и деловой активности.

Отсутствие единой государственной идеологии несет серьезные последствия для Перу. Сложившаяся несогласованность приводит к непоследовательному принятию политических решений, поскольку сменяющие друг друга правительства часто трансформируют политику своих предшественников. Отсутствие преемственности препятствует долгосрочному экономическому планированию и развитию. В социальном плане идеологическая раздробленность усугубляет разногласия среди населения, что приводит к политической нестабильности и падению общественного доверия к правительственным институтам [6].

Характерным примером проявления проблем идеологической раздробленности является образовательная политика Перу. Акцент партии Perú Libre на государственном контроле и реформах резко контрастирует с поддержкой Fuerza Popular приватизации и рыночных решений. Такое идеологическое столкновение привело к непоследовательной образовательной политике, что повлияло на качество и доступность образования по всей стране. Так, политика национализации образования столкнулась с сопротивлением со стороны сторонников частного образования, что вызвало юридические баталии и задержки в ее реализации [4].

Перспективы выработки государственной идеологии Перу

Отсутствие единой идеологии приводит к социальной фрагментации. Различные регионы страны и социальные группы чувствуют себя оторванными от видения положения дел центральным правительством, что вызывает региональное неравенство и социальные волнения. Эти процессы вылились в массовые протесты в 2020 и 2021 годах, когда различные группы выражали свое недовольство политикой правительства, начиная от экономического неравенства и заканчивая коррупцией. Это подчеркнуло наличие глубоких разногласий внутри перуанского общества, которые сохраняются и в настоящее время [3].

Исторически Перу переживало значительные политические потрясения, сопровождавшиеся многочисленными сменами правительства и руководства страны. Нестабильность препятствовала развитию устойчивой политической культуры, которая могла бы дать импульс формированию единой государственной идеологии. Ситуация усугубляется разнообразием этнического и культурного ландшафта Перу, когда весьма затруднительно формировать консолидирующую идеологическую основу государства, которая находила бы отклик у всех слоев населения.

Как показывают опросы, проведенные международной информационно-маркетинговой компанией Ipsos в 2024 году, значительная часть населения Перу считает, что правительству не хватает четкого идеологического видения, связанного с развитием страны. Согласно полученным данным, многие граждане придерживаются того мнения, что политические решения мотивируются личными интересами, а не последовательными идеологическими принципами. Такое восприятие подогревает недовольство и недоверие к государственным учреждениям [9].

Как указывалось выше, единая государственная идеология может предоставить обществу и власти ряд преимуществ. Ее наличие облегчает формулирование и реализацию последовательной долгосрочной политики, способствует социальной сплоченности и помогает создать ощущение национальной идентичности и цели. В условиях, когда социальные и политические разногласия глубоко укоренились, государственная идеология может служить связующим элементом, объединяющим различные группы вокруг общих целей.

В случае с Перу культурное и социальное разнообразие страны представляет собой серьезный вызов для формулирования единой государственной идеологии. Однако это разнообразие также подчеркивает необходимость общего видения относительно будущего страны, которое могло бы объединить различные точки зрения населения. Несмотря на переживаемые страной проблемы, многие перуанцы хотят иметь более четкое

представление о направлении и цели развития на государственном уровне. Фактически речь идет о государственной стратегии, формирование которой, как показывает политическая практика, происходит непросто [2]. Выработка государственной идеологии могла бы помочь решить системные проблемы, способствовать более эффективному и справедливому управлению, формированию и реализации устойчивого внутри- и внешнеполитического курса.

Отсутствие на сегодняшний день единой государственной идеологии в Перу влечет за собой негативные последствия для политической стабильности, экономического развития и социальной сплоченности нации. Политические партии Перу имеют различающиеся идеологии, что естественно. Вместе с тем партии и вся страна не объединены консолидирующей национальной стратегией, что приводит к непоследовательному принятию политических решений и политической нестабильности. Чтобы преодолеть идеологическую раздробленность в Перу, необходимо способствовать национальному диалогу, охватывающему все слои общества, укреплять политические институты и продвигать общее видение будущего страны. Однако сейчас все находится в процессе становления.

Одним из таких источников единения в будущем может стать Стратегический план национального развития на период до 2050 года, который был принят в Перу в 2022 году. Возможно, его реализация поможет преодолеть идеологическую раздробленность и найти единый путь к устойчивому развитию Перу.

Список литературы

1. Белозеров В.К. Доктрины и идеологии в системе политических институтов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Выпуск 24. С. 31-40.
2. Belozerov V.K. Strategy as a Political Phenomenon and Concept // RUDN Journal of Political Science. 2023. Vol. 25. N. 2. P. 368-376. doi: 10.22363/2313-1438-2023-25-2-368-376

3. Comunicación Política y Percepciones de Ideología en Perú // Revista de Ciencias Sociales. 2023. URL: <https://revistas.ulima.edu.pe/index.php/piedepagina/article/view/6197/5919> (дата обращения 20.05.2024).
4. Munguía Becerra, P. El espectro ideológico de los partidos políticos peruanos // Pacarina del Sur, año 12, núm. 45, octubre-diciembre, 2020. URL: <https://pacarinadelsur.com/nuestra-america/mallas/1926-el-espectro-ideologico-de-los-partidos-politicos-peruanos> (дата обращения 21.05.2024).
5. Heywood, A. Political ideologies: An Introduction. London: Palgrave Macmillan. 2021.
6. Ideología, Estado y Ciudadanía // El Peruano. 02.07.2017. URL: <https://elperuano.pe/noticia/57232-ideologia-estado-y-ciudadania> (дата обращения 15.05.2024).
7. Levitsky, S. y Ziblatt, D. Cómo mueren las democracias. Ariel. 2018.
8. Percepciones sobre Democracia y Crisis Política en Perú // IPSOS Perú. 2024. URL: <https://www.ipsos.com/es-pe/encuesta-percepciones-sobre-la-democracia-y-crisis-politica-en-el-peru-2024> (дата обращения 20.05.2024).

Шангараев Руслан Насимович,
д.п.н., доцент, доцент кафедры стратегических коммуникаций и
государственного управления,
Дипломатическая академия МИД России,
Shang143@mail.ru

Ruslan N. Shangaraev,
Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Strategic Communications
and Public Administration,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
shang143@mail.ru

РОЛЬ ЗАРУБЕЖНЫХ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

ROLE OF FOREIGN MEDIA IN THE FORMATION OF THE IMAGE OF RUSSIA: HISTORICAL ANALYSIS AND CURRENT STATE

Аннотация: зарубежные СМИ всегда играли важную роль в формировании образа России. Исследователи уделяли этому вопросу значительное внимание, отмечая, что такое представление России зависит от политической ситуации, исторических событий и внешнеполитических отношений между Россией и другими странами.

Ключевые слова: гибридная война, СМИ, формирование образа, медиаобраз, имидж.

Abstract: foreign media have always played an important role in the formation of the image of Russia. This issue has been given considerable attention by researchers, who note that such a view of Russia depends on the political situation, historical events and foreign policy relations between Russia and other countries.

Keywords: hybrid war, mass media, image formation, media image, image.

Зарубежные СМИ внесли значительный вклад в формирование определенного представления о России в разные исторические периоды. Во времена холодной войны русский образ был ассоциирован с коммунистическим советским режимом и угрозой мировому порядку. Западные СМИ активно дискредитировали СССР и его лидеров, представляя их в негативном свете.

Однако после распада СССР и прихода к власти Б.Н. Ельцина западные СМИ стали изменять свое отношение к России. В период реформ и демократических перемен, которые сопровождались экономическим кризисом и социальными проблемами, западные СМИ активно поддерживали и развивали негативный образ России. Коррупция, олигархия, бедность и проблемы с демократией стали общепринятыми отличительными чертами России.

С конца 2000-х годов, когда главой государства стал В.В. Путин, западные СМИ снова начали менять свою позицию. Во многих западных изданиях появились статьи, в которых высоко оценивалась политика президента России и его достижения в экономической и внешнеполитической деятельности. Однако в то же время западные СМИ критиковали Россию за ограничение свободы слова и прав человека, конфликты на Украине (и другие региональные конфликты), наращивание военной мощи и др.

Исторический анализ позволяет сделать вывод о том, что формирование образа России в зарубежных СМИ – это сложный процесс, который зависит от множества факторов. В разные периоды истории образ России менялся в зависимости от политических, экономических и социальных процессов. Зарубежные СМИ могут развивать как положительные, так и негативные представления о России, в зависимости от своих интересов, целей и внешнеполитических отношений с нашей страной.

Таким образом, роль зарубежных СМИ в формировании образа России является существенной и значимой. Ее значение изменяется в соответствии с историческим контекстом и политической ситуацией в мире.

В результате исследований ученые Института анализа пропаганды США (Institute for Propaganda Analysis, IPA) выделили несколько основополагающих способов, посредством которых можно влиять на формирование медиаобраза в различных СМИ. К ним можно отнести следующие:

1. «Приклеивание ярлыков». В результате у аудитории формируется негативное отношение к государству на основе навязанной отрицательной

оценки со стороны внешних источников, а не на основании каких-либо реальных доказательств.

2. «Сверкающие неопределенности». Аудитории навязывается мнение о неоспоримости престижа, авторитетности чего-либо.

3. «Свидетельство». Присваивание авторитета человеку, озвучивающему определенную точку зрения.

4. «Подтасовка карт». В рамках указанного способа осуществляется фильтрация преподносимой аудитории информации. Доводятся исключительно положительные или отрицательные факты и доводы. При этом противоположная трактовка замалчивается.

5. «Фургон с оркестром» (прием, в основе которого лежит апелляция к стадному чувству). Сюда можно отнести лидеров мнений: экспертов, видных политических деятелей, а также звезд кино, эстрады, спорта и т.д. [1]. Потребителями их мнение воспринимается как единственно верное, заслуживающее доверия.

Американский политолог Г. Ласуэлла в одной из своих работ определила следующие функции СМИ:

- наблюдение за миром (сбор и распространение информации);
- «редактирование» (отбор и комментирование информации);
- формирование общественного мнения;
- распространение культуры [2].

Посредством этих функций СМИ формируют медиаобраз объекта, в том числе государства.

Имидж России в международном обществе определяется различными историческими факторами взаимоотношений с зарубежными странами. Однако в наше время он подвержен влиянию внутривнутриполитических проблем, которые находят отражение в зарубежных СМИ в изощренном и негативном ключе, что в большей степени формирует нынешний образ нашей страны.

Если рассматривать процесс формирования имиджа государства в средствах массовой информации, то стоит сказать о значимой роли заголовка

статьи, который, как считается, коротко отражает ее содержание. Учитывая, что 80% аудитории читает только названия публикаций, СМИ, путем написания привлекающих внимание заголовков, стараются донести до читателя заданную информационную повестку. При этом название статьи нередко не соотносится с ее содержанием, однако заголовок побуждает читателя сконцентрировать внимание именно на нем, таким образом помещая мысль о событии в его сознание.

Западные СМИ при написании заголовков стараются не вводить читателя в заблуждение. Они пишут их емко и по факту, подбирая цитаты, которые могут быть не всегда правильно восприняты иностранными читателями в силу иного менталитета. Так, по мнению О.А. Жариной, СМИ манипулируют сознанием людей [3].

Т.А. Фомина, Е.Д. Буцык в своем исследовании определили манипулятивные приемы, которыми пользуются западные СМИ через заголовки [4]:

1. Полное информационное замещение, или информационная подмена, то есть абсолютное несоответствие заголовка содержанию новостной публикации. Например: «Лавров: Великобритания виновата в смерти Скрипалей». Текст: «Министр иностранных дел России Сергей Лавров обвинил Великобританию в уничтожении улики по делу об отравлении Скрипалей».

2. Частичное информационное замещение может быть реализовано следующим образом:

- 1) Употребление лексики с негативной коннотацией в заголовочной конструкции противопоставлено использованию категории субъективной модальности в тексте статьи. Например: «Премьер-министр Великобритании Тереза Мэй обвинила Россию в отравлении бывшего шпиона Сергея Скрипаля». Текст: «Премьер-министр Великобритании Тереза Мэй заявила, что "весьма вероятно", что Россия несет ответственность за отравление бывшего шпиона Сергея Скрипаля».

2) Употребление негативно окрашенной лексики в заголовочной конструкции статьи противопоставлено использованию категории оценочности в тексте статьи. Например: «Министр обороны Великобритании предупреждает, что "мир становится темнее", и в этом виноват Владимир Путин». Текст: «Мир "становится темнее" отчасти благодаря "злонамеренному" влиянию Владимира Путина, предупредил министр обороны».

3) Употребление формы действительного залога в заголовочной конструкции (в сознание читателя внедряется образ России как предполагаемого причастного лица) противопоставлено пассивизации перформатива в тексте статьи. Например: «Если бы Россия отравила бывшего шпиона Скрипаля, он был бы мертв – хвастается Путин». Текст: «Президент сказал: "Дай Бог ему здоровья, если бы был использован яд военного назначения, мужчина умер бы на месте"».

4) Использование синекдохи (определение части через целое) в заголовочной конструкции. Например: «Марина Литвиненко: Россияне в Великобритании чувствуют себя "очень небезопасно" после нападения с применением нервно-паралитического вещества». «Если вы принимаете людей за политическим убежищем... таких, как Сергей, как Саша, и, вы знаете, у вас в Великобритании много людей по той же причине. Что же они чувствуют после того, что случилось с этим человеком?» Эти слова относятся только к тем людям, кто попросил политического убежища в Великобритании, но переданы через представление об угрозе всем россиянам, проживающим в этой стране.

5) Манипулирование фактами, реализуемое с помощью преувеличения численных данных в заголовочной конструкции («война цифр»). Например: «Почти 100 полицейских получили психологическую помощь после нападения в Солсбери». Текст: «Притчард сообщил, что более 90 офицеров и сотрудников получили поддержку в рамках программы управления рисками травм».

Для более полного представления о манипулировании сознанием аудитории западными СМИ с помощью заголовков можно привести пример исследования, проведенного И.В. Романовой и Е.В. Черенковой [12]. Авторы статьи методом контент-анализа изучили, как формируется международный медиаобраз и имидж России посредством заголовков к статьям, размещенным на официальном информационном ресурсе телеканала CNN за месяц до начала Россией специальной военной операции на Украине (январь 2022 года).

Всего за обозначенный период газетой было опубликовано 288 статей, в которых упоминалась наша страна по ключевым словам: «Российская Федерация», «Россия», «Москва», «Кремль», «российское правительство», «Путин». Из них в 149 – в заголовках.

Анализ новостных заголовков проводился авторами статьи на основе выделенных категорий и распределялся следующим образом по количественным показателям:

- имидж главы государства и власти (28 заголовков);
- имидж вооруженных сил (10 заголовков);
- внешнеполитический имидж страны (88 заголовков);
- имидж экономики страны (18 заголовков);
- имидж науки и спорта (5 заголовков).

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что на первом месте по количеству новостных заголовков – категория «внешнеполитический имидж страны», на втором – «имидж главы государства и власти», на третьем – «имидж экономики страны», на четвертом – «имидж вооруженных сил» и на пятом – «имидж науки и спорта».

Социометрическая оценка контента новостных заголовков категории «имидж главы государства и власти» [5]

Оценка	Доля %	Примеры новостных заголовков
Положительная / Positive	11	«Путин противостоит грязи Украины» (“Putin opposes the dirt of Ukraine”); «Новые разногласия между США и Украиной играют на руку Путину» (“New disagreements between the US and Ukraine play into Putin’s hands”).
Отрицательная / Negative	64	«Большой просчет Путина» (“Putin’s big miscalculation”); «У Запада есть редкая возможность поставить Путина на место» (“The West has a rare opportunity to put Putin in his place”).
Нейтральная / Neutral	25	«Экс-министр обороны США сделал прогноз о Путине и Дональде Трампе» (“Ex-US Defense Minister made a forecast about Putin and Donald Trump”); «Послушайте послание главы МИД Украины Путину» (“Listen to the message of the Ukrainian Foreign Minister to Putin”).

В таблице 1 представлена дифференциация новостного контента по оценочным критериям на примере категории «имидж главы государства и власти». Анализ данных, приведенных в таблице 1, свидетельствует о преобладании отрицательной социометрической оценки контента новостных заголовков категории «имидж главы государства и власти» (64%).

Образ России формируется через образ главы государства, т. е. через В.В. Путина. В связи с этим достаточно упомянуть политического лидера Российской Федерации, чтобы понять, о каком государстве идет речь. Слова «Путин» и «Россия» используются как взаимозаменяемые слова. Например, «Путин представляет серьезную угрозу миру в Европе».

Президент нашей страны представляется серьезным противником в глазах мирового сообщества. СМИ пишут, что «у Запада есть редкая возможность поставить Путина на место», когда для России что-то идет не так, то это «большой просчет Путина».

Социометрическая оценка контента новостных заголовков категории «имидж вооруженных сил» [5]

Оценка	Доля %	Примеры новостных заголовков
Положительная / Positive	0	_____
Отрицательная / Negative	90	«Сообщается о десятках протестующих, убитых в Казахстане, когда Россия привела в страну глав военного альянса» (“Dozens of protesters are reported to have been killed in Kazakhstan when Russia brought the heads of the military alliance to the country”); «Как группа ирландских рыбаков вынудила российский флот развернуться» (“How a group of Irish fishermen forced the Russian fleet to turn around”).
Нейтральная / Neutral	10	«Иран, Китай и Россия проводят военно-морские учения в северной части Индийского океана» (“Iran, China and Russia are conducting naval exercises in the northern Indian Ocean”).

В таблице 2 на примере категории «имидж вооруженных сил» предлагается разделение новостного контента по оценочным критериям.

Данные, представленные в таблице 2, показывают, что социометрическая оценка контента новостных заголовков категории «имидж вооруженных сил» с позиции влияния на международный имидж России в преобладающем большинстве отрицательная (90 %), т. к. все заголовки касаются расположения Вооруженных сил России около границ с Украиной.

Используются комические заголовки для создания иронии в отношении нашей страны, которые способствуют подрыву образа России как сильной державы с тысячелетней историей. В частности, это заголовки, где речь идет о том, как обычные рыбаки прогнали целый российский флот: «Как группа ирландских рыбаков вынудила российский флот развернуться», «Русские отступают после того, как ирландские рыбаки поклялись сорвать военные игры».

Социометрическая оценка контента новостных заголовков категории «внешнеполитический имидж страны» [5]

Оценка	Доля %	Примеры новостных заголовков
Положительная / Positive	6	«Китай, США, Великобритания, Франция и Россия обещают избежать ядерной войны» (“China, the US, the UK, France and Russia promise to avoid a nuclear war”); «Россия и Украина договорились продолжить переговоры о прекращении огня» (“Russia and Ukraine have agreed to continue negotiations on a cease fire”).
Отрицательная / Negative	83	«США обвиняют Россию в вербовке чиновников в попытке захватить правительство Украины» (“The US accuses Russia of recruiting officials in an attempt to seize the government of Ukraine”); «В Украине маячит один вопрос: что мы будем делать, если Россия атакует» (“One question looms in Ukraine: what will we do if Russia attacks”).
Нейтральная / Neutral	11	«Глава ЕС: "Ничего необычного" в ответ России» (“The head of the EU: "Nothing unusual" in response to Russia”); «У генерала Милли есть сообщение для России об Украине» (“General Milli has a message for Russia about Ukraine”).

В таблице 3 на примере категории «внешнеполитический имидж страны» представлена дифференциация новостного контента по оценочным критериям.

Анализ заголовков статей, относящихся к внешней политике государства, демонстрирует отношения России с зарубежными странами. Социометрическая оценка контента новостных заголовков данной категории также преимущественно отрицательная (83 %). В зависимости от того, о каких странах говорится в заголовке, их можно разделить на несколько подгрупп:

1. Отношения России с США и НАТО. Это самая масштабная категория. Отношения между Россией и США напряженные. Два влиятельных государства продолжают конкурировать друг с другом, и в заголовках прослеживаются отсылки к холодной войне. Например: «Конгрессмен Маккол говорит, что США находятся в новой холодной войне с Россией»; «Ведущий

республиканец в комитете по иностранным делам считает, что у США новая холодная война с Россией».

Такая отрицательная оценка наносит серьезный удар по медиаобразу и имиджу России в целом. Это связано с тем, что CNN использует следующие словосочетания по отношению к России: «атакует», «наносит удар», «готовится к войне», «вторжение», «напряженность» и т.д. («Как отразится российское вторжение на Украину?», «В Украине маячит один вопрос: что мы будем делать, если Россия атакует», «Украинцы возмущены напряженностью в отношениях с Россией»). США утверждают, что Россия – инициатор всех конфликтов («Впервые на CNN: разведка США указывает, что Россия готовит операцию, чтобы оправдать вторжение в Украину»), но когда дело касается переговоров, то «США заявляют об отсутствии прорыва в "откровенных" переговорах с Россией из-за украинского пограничного кризиса».

США позиционируют себя как защитника Украины, который сделает все возможное, чтобы спасти мирных жителей («Байден Украине: США "решительно отреагируют, если Россия продолжит вторгаться"»).

2. Отношения России и Украины – еще одна из самых обсуждаемых тем на мировой арене. Все заголовки из этой категории являются отрицательными для России. Здесь Россия выступает как противник, агрессор, инициатор, а Украина – жертва, которая нуждается в помощи («Мэр Киева: Украине нужна помощь против России»).

3. Также упоминаются две страны – Казахстан и Германия. В отношении Казахстана говорится следующее: «В Казахстане задержан бывший глава национальной безопасности, пока Путин и президент Казахстана обсуждают наведение "порядка"».

Приведенный пример подтверждает, что роль зарубежных СМИ в формировании образа России сегодня значительна. Медиа имеют важное значение в определении мнения международного сообщества о России и ее политической, экономической и культурной ситуации.

Следует отметить, что значительное количество зарубежных СМИ для достижения целей по формированию антироссийских взглядов у западных читателей значительно преувеличивают отрицательные аспекты внутренней ситуации в России, включая политическую нестабильность, нарушение прав человека и коррупцию. Также некоторыми зарубежными СМИ регулярно распространяются ложные или искаженные сведения о нашей стране с целью ее дискредитации.

Несмотря на это, в последние годы Россия стала активно развивать и использовать средства массовой информации для собственного пропагандистского воздействия на международное сообщество для изменения негативного общественного мнения о нашей стране.

Кампании информационного противодействия: национальные и международные инициативы

Кампании информационного противодействия имеют все большее значение в современном мире. Они являются ключевым инструментом для обеспечения национальной и международной безопасности. Национальные и международные инициативы играют важную роль в борьбе с дезинформацией, фейковыми новостями и кибератаками.

В современном обществе, где информация является одним из самых ценных ресурсов, кампании информационного противодействия стали неотъемлемой частью стратегии безопасности государств. Национальные инициативы направлены на защиту интересов государства и его граждан от информационных угроз. Они включают в себя меры по обнаружению, анализу и предотвращению дезинформации и фейковых новостей. Национальные кампании информационного противодействия также включают сотрудничество с правительственными и неправительственными организациями, а также секретными службами для обмена информацией и координации действий. Примеры кампаний информационного противодействия представлены в таблице 4.

**Кампании информационного противодействия:
национальные и международные инициативы**

Кампания / Инициатива	Описание	Организация / Страна
StopFake	Кампания, предназначенная для выявления и опровержения фейковых новостей о событиях на Украине	Украина
EUvsDisinfo	Инициатива Европейского союза для борьбы с дезинформацией в цифровой среде	Европейский союз
Global Engagement Center	Инициатива США, созданная для противодействия пропаганде и дезинформации от России и других акторов	Соединенные Штаты Америки
Stratcom East	Инициатива НАТО, направленная на обнаружение и противодействие информационной агрессии со стороны России и других акторов	НАТО
Countering Foreign Propaganda and Disinformation Act	Закон США, направленный на борьбу с иностранными пропагандистскими действиями и дезинформацией	Соединенные Штаты Америки
Rapid Response Mechanism	Механизм Евросоюза, предназначенный для быстрого реагирования на дезинформацию и пропаганду в отношении ЕС	Европейский союз
Global Disinformation Index	Инициатива, основанная на создании глобального индекса дезинформации для оценки и борьбы с фейками в цифровом пространстве	Независимая инициатива
Digital Forensic Research Lab	Проект, созданный Атлантическим советом, для проведения цифровой форензики и анализа информации в целях выявления дезинформации	Атлантический совет
#FakeNews	Повышение осведомленности о фейковых новостях	Соединенные Штаты Америки
DefesaNet	Контроль над дезинформацией в военной сфере	Бразилия
Faktisk.no	Факт-чекинг и опровержение неправдивой информации	Норвегия
Government Communication Security Bureau (GCSB)	Защита от информационных угроз и дезинформации	Новая Зеландия

Международные инициативы также играют важную роль в борьбе с информационными угрозами. Они обеспечивают сотрудничество между государствами в области информационной безопасности. Международные организации, такие как ООН, ЕС и НАТО, разрабатывают совместные программы и планы для борьбы с дезинформацией и фейковыми новостями.

Они также помогают государствам разрабатывать стратегии информационной безопасности и предоставляют финансовую и техническую поддержку.

Однако, несмотря на все усилия, информационные угрозы продолжают эволюционировать. Кибератаки и манипуляция информацией становятся все более сложными и утонченными. Поэтому необходимо постоянное совершенствование кампаний информационного противодействия и развитие новых технологий для борьбы с угрозами.

Большинство государств в настоящее время активно развивают это направление. При этом использовать они его планируют не как средство защиты, а как новый способ ведения информационной войны с целью оказания воздействия на население противника и разрушение общества изнутри. Проработка информации через возможности спецслужб позволяет организовывать информационные кампании, максимально приближенные к реальности, что, на первый взгляд, не дает их отличить от фейков.

Таким образом, важно отметить, что кампании информационного противодействия являются неотъемлемой частью стратегии безопасности государств в современном мире. Необходимо уделять особое внимание обозначенному вопросу. При этом для эффективной борьбы с информационными угрозами необходимо постоянно совершенствовать и развивать новые технологии, а также создавать новые площадки для ведения эффективной информационной борьбы в цифровой сфере.

Список литературы

1. Ли Альфред МакКлунг и Элизабет Брайант Ли. Изобразительное искусство пропаганды: исследование речей отца Кофлина. Институт анализа пропаганды. - Нью-Йорк: Harcourt, Brace and Co, 1939.
2. Лассуэлл, Г. Д. Техника пропаганды в мировой войне [Электронный ресурс] / пер. с англ. отв. ред. Д. В. Ефременко – Москва: Центр социальных научно-информационных исследований РАН ИНИОН, 2021. – С. 237. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2020-01-019-lassuell-g-d-tehnika-propagandy-v-mirovoy-voyne-glava-iv-demonizatsiya-vraga-perevod-s-angl-lasswell-h-d-propaganda-technique-in-the/viewer>. Текст: электронный (дата обращения 05.09.2023).
3. Жарина, О. А. Заголовок как средство создания образа государства в зарубежных СМИ [Электронный ресурс] / О. А. Жарина // Балтийский гуманитарный журнал – Самара, 2019. – № 2. – С. 235-237. <https://cyberleninka.ru/article/n/zagolovok-kak-sredstvo-sozdaniya-obraza-gosudarstva-v-zarubezhnyh-smi/viewer>. Текст: электронный (дата обращения 05.09.2023).
4. Фомина Т. А. Манипулятивные приёмы дезинформации как средство реализации антироссийской пропаганды в заголовках англоязычных СМИ (на примере освещения «дела Скрипалей» в период с марта по октябрь 2018 года) [Электронный ресурс] / Т. А. Фомина, Е. Д. Буцык // Филологические науки МГИМО – Москва, 2019. – С. 52. <https://philnauki.mgimo.ru/jour/article/view/219>. Текст: электронный (дата обращения 05.09.2023).
5. Романова, И. В. Формирование международного имиджа России зарубежными СМИ [Электронный ресурс] / И. В. Романова, Е. В. Черенкова // Вестник Забайкальского государственного университета - Чита, 2022. – № 6 – С. 90-100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-mezhdunarodnogo-imidzha-rossii-zarubezhnyimi-smi/viewer>. Текст: электронный (дата обращения 09.09.2023).
6. Инхеев А.Б., Шангараев Р.Н. Роль институциональных и когнитивных факторов в принятии политических решений на современном этапе // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 11-1 (99). С. 5682-5692.
7. Шангараев Р.Н. Когнитивная война как современная форма межгосударственного противоборства // Вестник ученых-международников. 2023. № 3 (25). С. 103-110.
8. Шангараев Р.Н., Тимакова О.А. Мультикультурализм в политическом процессе европейского союза: от кросс-культурного конфликта к межконфессиональному взаимопроникновению // Вестник ученых-международников. 2023. № 3 (25). С. 69-82.
9. Стратегические коммуникации в международных отношениях. информационно-психологический аспект. Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. (2-е издание, исправленное и дополненное) Москва. Дипломатическая академия МИД России, 2023.

10. Шангараев Р.Н. Дезориентирование в контексте когнитивных войн // Вестник ученых-международников. 2023. № 2 (24). С. 79-88.
11. Когнитивные войны в контексте стратегических коммуникации: монография / О.Г. Карпович, Р.Н. Шангараев. Дипломатическая академия МИД России. – Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2024. – 268 с.
12. Романова, И. В. Формирование международного имиджа России зарубежными СМИ [Электронный ресурс] / И. В. Романова, Е. В. Черенкова // Вестник Забайкальского государственного университета - Чита, 2022. – № 6 – С. 90-100. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-mezhhdunarodnogo-imidzha-rossii-zarubezhnymi-smi/viewer>. Текст: электронный (дата обращения 09.09.2023).
13. Карпович О.Г. Цветная "революция зонтиков" в Гонконге: начало "китайской весны" // Национальная безопасность / Nota Bene. 2014. № 6 (35). С. 990-996.

Раджабова Анна Максимовна,
специалист по организации мероприятий,
ГАУ «Московский дом соотечественника»,
Annamaxacova@mail.ru
Anna M. Radzhabova,
Event Management Specialist,
Moscow House of Compatriots,
Annamaxacova@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ НА ПРИНЯТИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

INFLUENCE OF FOREIGN POLICY RISKS ON MANAGERIAL DECISION MAKING

Аннотация: целью статьи является проведение анализа влияния внешнеполитических рисков на принятие управленческих решений и выявление мер, направленных на снижение негативного воздействия рисков при принятии управленческого решения. Методологическую основу исследования составили методы системного и структурного анализа, метод общенаучного познания, графический метод. В статье раскрыта трактовка содержания понятия «управленческое решение» и выявлены основы принятия и области применения управленческих решений. Идентифицированы внешнеполитические риски предприятий Российской Федерации в условиях неопределенности развития российской экономики, обостряющейся геополитической обстановки и нарастания санкционного давления.

Разработан ряд рекомендаций, направленных на снижение негативного влияния внешнеполитических рисков в рамках принятия управленческих решений. По результатам проведения исследования сделан вывод о том, что анализ влияния внешнеполитических рисков на деятельность руководителей при принятии управленческих решений становится все более необходимым и важным элементом управления организаций.

Ключевые слова: внешнеполитические риски, фрагментация экономики, санкционное воздействие, внешнеторговый оборот, управленческое решение, производственно-хозяйствующий субъект, минимизация негативного воздействия.

Abstract: the purpose of the article is to analyse the impact of foreign policy risks on managerial decision making and to identify measures aimed at reducing the negative impact of risks in managerial decision making. The methods of system and structural analysis, the method of general scientific knowledge, and the graphical method formed the methodological basis of the research. The article reveals the interpretation of the content of the concept of "managerial decision" and identifies the bases of making and areas of application of managerial decisions. Foreign policy risks of the Russian Federation enterprises in conditions of uncertainty of the

Russian economy development, increasing negative geopolitical situation and increasing sanctions pressure are identified. A number of recommendations aimed at reducing the negative impact of foreign policy risks in the framework of managerial decision-making have been developed. According to the results of the study, it is concluded that in the conditions of economic uncertainty, increasing negative geopolitical situation, as well as sanctions pressure, the analysis of the impact of foreign policy risks on the activities of managers in making managerial decisions is becoming more and more necessary and important element of organisational management.

Keywords: foreign policy risks, economic fragmentation, sanctions impact, foreign trade turnover, managerial decision, production and economic entity, minimisation of negative impact.

Введение

Начало специальной военной операции на Украине в 2022 году вызвало трансформацию архитектуры мирового порядка и способствовало развитию условий фрагментации мирового хозяйства. Страны ЕС, G7, США и их союзники ввели против российской экономики целый ряд санкционных мер, направленных на запрет импорта в Российскую Федерацию инструментов и программного обеспечения, комплектующих, оборудования, техники, продукции и технологий двойного и военного назначения, а также санкционных мер, связанных с организацией масштабных препятствий для экспорта сырья и готовой продукции из России на территорию данных стран [1].

Внешнелитические риски, связанные с обострением геополитической обстановки в мире, обуславливают неопределенность производственно-хозяйственной ситуации на макроуровне (экономика страны) и микроуровне (отрасль, регион или предприятие) и выражаются в угрозах, связанных с потерями стратегических рынков предприятиями Российской Федерации, значительным снижением количества потребителей экспортной продукции, уменьшением объемов налоговых отчислений в бюджет страны, нарушением инфраструктуры производственно-сбытовых цепочек в рамках поставки продукции, а также со сложностями при привлечении прямых иностранных инвестиций и др. [5].

Возможность возникновения и влияния на российские организации любого из данных факторов создает определенные риски для руководителей и заставляет принимать их, что подчеркивает актуальность и своевременность темы исследования.

Материалы и методы

Структурно-функциональный подход использован автором в рамках решения задач исследования. Методологическая основа представлена методами общенаучного познания, методами структурного и системного анализа, графическим методом. Теоретическую базу исследования представляют научные публикации российских исследователей и широкий спектр аналитических данных от независимых консалтинговых агентств.

Литературный обзор

В научной литературе трактовку содержания понятия «управленческое решение» раскрывают с позиций, представленных широким спектром направлений, связанных как с выбором оптимального варианта решения управленческих проблем в технологической, организационной, социальной, правовой, экономической областях деятельности производственно-хозяйствующих субъектов, так и с процессом, которому свойственны все этапы и стадии управления, направленным на минимизацию негативного воздействия или на устранение ряда проблем производственно-хозяйствующего субъекта [7].

Ряд авторов раскрывает данное понятие через его структурные элементы, представленные анализом, планированием, прогнозированием и обоснованием оптимального выбора решения основной проблемы производственно-хозяйствующего субъекта и их результатами, или через определенный набор последовательных процедур и мер (в том числе и креативного характера), нацеленных на решение ключевых проблем производственно-хозяйствующего субъекта и доведенных до коллективов предприятий в устной или письменной формах приказов и распоряжений [3].

В процессе принятия управленческих решений каждый руководитель в текущих условиях должен проводить анализ влияния внешнеполитических рисков на производственно-хозяйственную деятельность организации, фиксировать направленность их воздействия и определять степень их влияния на организацию, осуществлять в рамках прогнозирования измерение потенциального ущерба с целью сокращения возможного негативного влияния внешнеполитических рисков. Необходимо также давать адекватную оценку каждого риска относительно определенной компании и конкретного управленческого решения.

В научной литературе представлена достаточно объемная классификация управленческих решений, сформированная с учетом степени зависимости исследователей от ситуативности развития научной мысли и их собственных интересов, но при этом практически все ученые согласны с определением области применения управленческих решений (рис. 1.) [6].

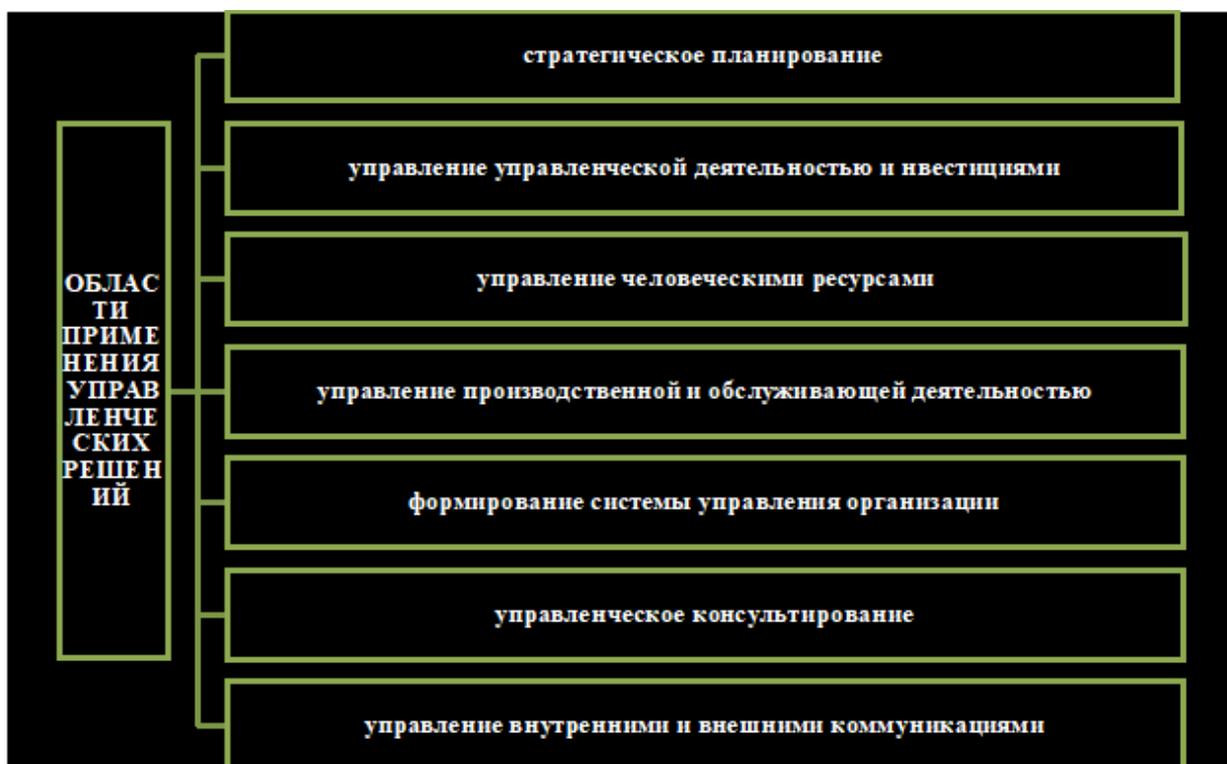

Рис. 1. Области применения управленческих решений

В любом случае управленческое решение представляет собою волевой акт-действие субъекта управления, который формируется на базе знаниевых компетенций, выработанных в процессе ведения управленческой деятельности, на платформе собственных профессиональных умений и навыков, основанных на предыдущем опыте управления организацией при выборе целей и мероприятий, предназначенных для разрешения возникших проблем производственно-хозяйствующего субъекта или снижения негативного воздействия на управляемый объект.

Результаты

Потерю стратегических рынков Европейского союза и ряда прочих стран (США, Канады, Японии, Южной Кореи и др.) возможно отследить на данных по внешнеторговому обороту (рис. 2) [8].

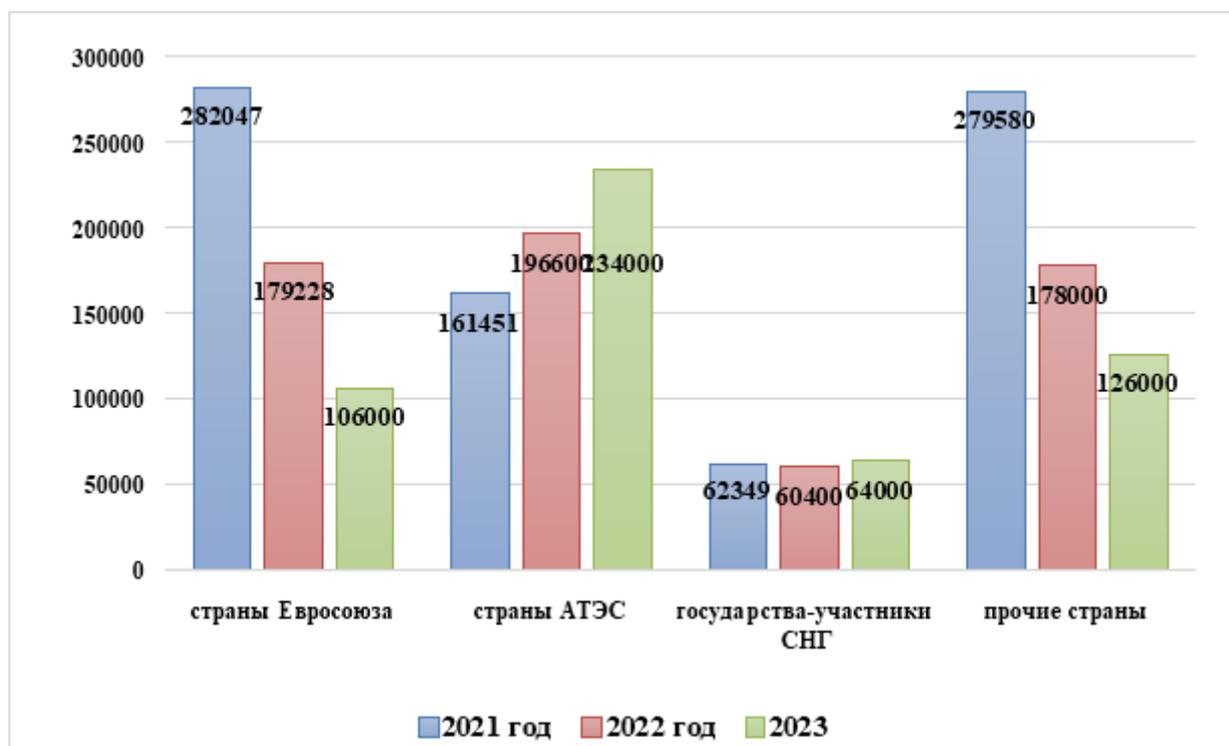

Рис. 2. Внешнеторговый оборот Российской Федерации (\$ млн)

Анализируя данные, следует отметить, что воздействие внешнеполитических рисков на внешнеторговую деятельность предприятий

Российской Федерации из разных отраслей экономики привело к снижению объемов внешнеторгового оборота 2021 года в размере \$785 427 млн на \$255 427 млн (32,52 %), так как по итогам 2023 года внешнеторговый оборот страны составил всего \$530 000 млн. В результате потери предприятиями Российской Федерации стратегических рынков Европейского союза и ряда прочих стран произошла географическая переориентация внешней торговли.

Так, объемы внешнеторгового оборота с Европейским союзом по итогам 2021–2023 годов снизились на \$176 042 млн (62,42 %), при этом объемы внешнеторгового оборота с прочими странами за тот же временной период снизились на \$153 580 млн (54,9 %), однако объемы внешнеторгового оборота со странами Азиатско-Тихоокеанского региона увеличились на \$72 549 млн (44,9 %). Следовательно, именно те руководители, которые смогли грамотно идентифицировать внешнеполитические риски и внедрить меры, направленные на минимизацию воздействия санкций на функционирование производственно-хозяйствующих субъектов, оказались способными принять правильные управленческие решения, повышающие конкурентоспособность и финансовую устойчивость объекта управления.

Обсуждение

Основные внешнеполитические риски в текущих условиях – это дополнительные санкции, риск введения двойных санкций, уход зарубежных партнеров с потребительского и производственного рынков Российской Федерации. Только по итогу 2023 года из 1 781 иностранной компании, которые развивали производственно-торговую деятельность в Российской Федерации, осталось работать меньше 1 200 организаций, при этом 480 иностранных компаний ограничили свою деятельность в России [2].

На рынке труда Российской Федерации в сфере обрабатывающей и добывающей промышленности выявлено значительное сокращение занятых среди квалифицированных работников (дефицит 19 %), специалистов высшей квалификации (дефицит 11 %). Рынок труда испытывает острейший дефицит

квалифицированных специалистов и специалистов высшей квалификации, что связано с миграцией квалифицированных трудовых ресурсов. По итогам 2023 года свыше 40 % предприятий страны испытывали нехватку рабочей силы [4].

Основные экономические факторы, влияющие на деятельность российских компаний – снижение объемов ВВП, рост инфляции, повышение курса доллара, рост дефицита бюджета, увеличение государственного долга.

Наблюдается высокая зависимость промышленности России от оборудования и техники, которые необходимы для использования при сложных технологических процессах, доля импорта по некоторым высокотехнологичным категориям оборудования и техники достигает 80 % [1]. Невозможность получения данного оборудования из-за рубежа, во-первых, тормозит модернизацию отраслей, во-вторых, привносит дополнительные издержки в контексте поисков новых поставщиков высокотехнологического оборудования и комплектующих для него либо дополнительные затраты на их воссоздание отечественными производителями, на что потребуется много времени.

Заключение

В статье выявлены меры, направленные на снижение негативного воздействия внешнеполитических рисков при принятии управленческого решения в условиях повышения стоимости материалов, товаров, сырья, оборудования, связанных с увеличением логистических издержек компаний-поставщиков или с необоснованной торговой наценкой. Мероприятия должны быть направлены исключительно на поиск новых поставщиков или отечественных производителей аналогов импортных материалов, товаров, сырья, оборудования.

В условиях санкционного воздействия, основным итогом которого выступило значительное повышение себестоимости производства продукции и снижение рентабельности компаний, мероприятия, направленные на снижение негативного воздействия внешнеполитических рисков должны быть

связаны с диверсификацией деятельности производственно-хозяйствующего субъекта или его объединения с группой небольших смежных компаний в целях минимизации издержек.

Снижение негативного влияния внешнеполитических рисков, связанных с нарушением технологической структуры производства при принятии управленческого решения должно быть направлено на реализацию мероприятий, имеющих отношение к разработке инновационных технологий и привлечению к данной работе ведущих университетов страны, имеющих в своем составе высококвалифицированные научные кадры для организации проведения совместных результативных исследований с отраслевыми специалистами, которые позволят производственно-хозяйствующему субъекту осуществить постепенный переход на отечественные технологические системы.

Таким образом, в условиях неопределенности экономики, обострения геополитической обстановки, а также санкционного давления анализ влияния внешнеполитических рисков на деятельность руководителей при принятии управленческих решений становится все более необходимым и важным элементом управления организаций.

Список литературы

1. Афонцев С.А. Политические парадоксы экономических санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 193-198. DOI: 10.31737/2221-22642022-55-3-10
2. В Государственной Думе Российской Федерации оценили число иностранных компаний, оставшихся в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2023/01/09/16053337.shtml> (дата обращения 22.05.2024).
3. Демин Г.А. Управленческие решения / Г.А. Демин: Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2020. – 92 с.
4. Динамика режимов занятости основного персонала за 2023 год - Рынок труда в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения 22.05.2024).
5. Дынкин А.А. Экономика и внешняя политика. / А.А. Дынкин, В.Г. Барановский; отв. ред.: Г.И. Мачавариани, И.Я. Кобринская. Москва: ИМЭМО РАН, 2022. – 130 с.

6. Кильмашкина Т.Н. Управленческое решение: сущность, классификация, предъявляемые требования // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 2 (46). С. 28-33.
7. Спорыхина С.Н. Управленческие решения: основные понятия / С.Н. Спорыхина. – Чебоксары:ИД «Среда», 2022. – 92 с.
8. Трамплин в Азию: ФТС раскрыт объем российской внешней торговли за 2023 год [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1605180/sofia-smirnova/tramplin-v-aziiu-raskryt-obem-rossiiskoi-vneshnei-torgovli-za-2023-god> (дата обращения 22.05.2024).

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Нафиков Ильсур Закирзянович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры алтаистики, тюркских и
центральноазиатских исследований,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
ilsur.nafikov@gmail.com

Шайдуллина Амина Раилевна,

магистрант 2 года обучения кафедры алтаистики, тюркских и
центральноазиатских исследований,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
aminusha234@gmail.com

Ilsur Z. Nafikov,

Ph.D. (History), Associate Professor at the Department of Altay, Turkic and
Central Asian Researches at the Kazan (Volga Region) Federal University,
ilsur.nafikov@gmail.com

Amina R. Shaidullina,

Master's Degree 2nd year student of the Department of Altay, Turkic and
Central Asian Researches at the Kazan (Volga Region) Federal University,
aminusha234@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В УСЛОВИЯХ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВОСТОКА И ЗАПАДА

FORMATION OF NATIONAL EDUCATION SYSTEM IN THE OTTOMAN EMPIRE IN THE CONDITIONS OF INTERCIVILIZATIONAL INTERACTION BETWEEN EAST AND WEST

Аннотация: статья ставит целью проанализировать и структурировать сведения о развитии системы образования в Турции. В работе рассмотрены периоды становления, развития и координатного реформирования государственной политики Османского государства в области образования и просвещения. Наряду с изучением исследований по истории образования уделено внимание структуризации и институционализации в государственно-конфессиональной политике. В статье предпринята попытка сделать обзорное исследование в области изучения образования в классический период, эпоху Танзимата, и проследить рецепцию европейских образовательных традиции в Османском государстве.

Ключевые слова: образование, Османское государство, религиозные институты, государственно-конфессиональные отношения, медресе, мектеб.

Abstract: the article aims to analyze and structure information about the development of the education system in Turkey. The work examines the periods of formation, development and coordinated reform of the state policy of the Ottoman state in the field of education and enlightenment. At the same time, along with the study of research on the history of education, attention is paid to structuring and institutionalization in state-confessional policy. The article attempts to make a review of the study of education in the classical period, the Tanzimat era, and to trace the reception of European educational traditions in the Ottoman state.

Keywords: education, Ottoman state, religious institutions, state-confessional relations, madrasah, mekteb.

Традиционные ценности образования и воспитания в истории развития Османского государства представляют собой синтез исламской модели и европейских традиций в соответствии с социальными, культурными, политическими и экономическими характеристиками общества [7]. Во многом модель и система образования в целом, как правило, различаются в зависимости от периода исторического развития, преобладающей в обществе философии образования, культурных и политических факторов. Фактор национального образования включает в себя изучение языка, истории, литературы, традиций, религии и других аспектов национальной культуры. Основной задачей национального образования является сохранение и продвижение культурного наследия и национальной идентичности с условием обеспечения равных возможностей получения образования для всех граждан страны и доступ к национальной культуре. Наряду с этим национальное образование может служить инструментом для укрепления единства нации и содействия межэтническому и межконфессиональному согласию.

По словам английского дипломата и историка Пола Рико, «система образования и дисциплины турок является одной из наиболее сильных сторон их политики и важнейшим элементом, поддерживающим империю. В этой системе ни богатство, ни подкуп, ни принадлежность к высшему классу, ни лезть не действуют; однако применяются добродетель, благоразумие, трудолюбие и дисциплина. Султан сам возвышает человека, призывая его к

этим качествам» [17]. Самым прямым способом признания цивилизации является продвижение ее системы национального образования путем обучения общества. Обучение имеет важные ключи к философии цивилизации, ее целям, политике, людям и тому, как устроено общество и государство, цивилизация хочет достичь.

Османская империя, просуществовавшая более 600 лет, состояла из различных этнических групп. В свою очередь, все этнические и религиозные меньшинства сохраняли свободу в образовании и социальной жизни [4]. В истории Османской империи происходил широкий спектр изменений и реформ начиная с XVIII века и до распада империи [13]. Национальная система образования в Османской империи до XIX века была довольно ограничена и во многом не была четко структурирована. В то время как в Европе система образования развивалась и расширялась, в Османской империи не было единой системы образования для всех граждан. Этот период именуется как классический период в истории Османского образования. В данный исторический период в Османской империи основные образовательные учреждения были представлены школами сыбйян/мехалле (начальные школы), медресе (школы исламского права), школой эндерун (дворцовые школы), школой шехзадеган (школы для обучения членов семьи султана), школой для аджеми огланлар (школы для обучения служащих дворца), мехтерхане (школы для обучения военных музыкантов), джамбазхане (школы для обучения клоунов), топхане хумбарахане (школы для обучения артиллеристов), текке и завьялы (религиозные школы), дарульхадис (школа подготовки специалистов по хадисам), даруттип (медицинские образовательные центры), дарульмесневилер, дарулькурралар, дарулькуран (школы для изучения Корана), школой Баб-ы Али, школой Баб-ы Дефтердари, школой хаттат и др. Кроме того, ассоциации ахи или так называемых религиозных братств, а также мечети относились к профессиональным образовательным учреждениям. Первые начальные школы Османской империи назывались школы сыбйян (мектеб/куттаб) [9]. Эти школы, как

правило, были заимствованы из сельджукской образовательной традиции и других исламских государств. Они так же имели названия «дару талим/мектепхане/муаллимхане/дарулильм» [2]. В первое время после открытия в школе сыбйян не было профессиональных учителей, также не было подходящих зданий, которые можно было бы использовать в качестве школ. По этой причине школы открывались в домах, мечетях, мусаллах, а позднее выходцы из обеспеченных слоев населения начали строить специализированные здания с необходимым оснащением, и обучались в этих школах в основном девочки и мальчики в возрасте от 5–7 лет до 10–12 лет основам религиозных знаний [9].

Первая известная школа сыбйян Османской империи была построена при султানে Мехмете II вместе с медресе Сахн-ы Семан-и Тетимме. Позднее школы сыбйян строили султаны, члены семьи правящей династии, высокопоставленные лица и благотворители. По архитектуре эти школы были похожи на обычные жилые дома. Здания были построены так, чтобы дети не чувствовали себя чужими в своем первом образовательном учреждении, что имело большое значение для детской психологии и педагогики. Школы сыбйян обычно были частью вакуфа, в котором располагалась мечеть. Следовательно, они находились под управлением улемов и богословов [12]. Во времена правления Мехмета II обращалось внимание на то, чтобы в школу сыбйян в первую очередь принимались сироты, далее приоритет отдавался детям из бедных и неблагополучных семей. В правление Баязида II был учрежден вакуф, при котором содержалась и мечеть Баязида II, и школа. Султан Баязид II отмечал, что «учителя и калифы в школе занимаются обучением старинных доктрин и Священного Корана». Это подчеркивает основную направленность школ сыбйян в Османском государстве. В полиэтничном пространстве Османского государства проживали не только турки, а также греки, болгары, помаки, сербы, хорваты, черногорцы, боснийцы, албанцы, венгры, поляки, цыгане, армяне, грузины, сирийцы, халдеи, арабы, румыны, персы, курды, эфиопы и другие национальности. В условиях

всеобщего социального пространства дети, как правило, посещали школы сыбйян вне зависимости от национальной принадлежности, что воспитывало в них чувство исторической и языковой общности и создавало культуру совместного проживания, а также развивало идеи терпимости и уважения друг к другу в одной стране.

«Для подготовки учителей, которые будут работать в школе сыбйян, во время правления Мехмета II, была проведена реорганизация и для них создана специальная программа обучения», – пишет турецкий педагог Муаллим Джевдет. Султан Мехмет II желал, чтобы занятия в школах проводились по методикам «адаб-и мухасебе и усул-и тедрис» [7]. Это демонстрировало значимость и привилегированность школ сыбйян, которые фокусировались на индивидуальных достижениях учеников. В период Танзимата начали критиковать систему образования школ сыбйян за отсутствие определенного плана, программы и порядка. Политика государства в этот период сводилась к тому, что образование было обязательным для всего населения. В свою очередь, школы сыбйян не могли адаптироваться к этой политике. К началу Второй конституционной эпохи количество традиционных школ сыбйян уменьшилось, и после объявления республики они были окончательно закрыты.

Основным учебным заведением исламского мира является медресе. Они возникли вокруг турецко-исламской культуры и образования. Первоначально словом «медресе» называли образовательные учреждения, основанные в окрестностях Нишабура. Слово «медресе» пришло из арабского языка и означает место, где ученики получают знания. В Османской империи это слово использовалось для обозначения учебных заведений, предоставляющих образование на уровне средней и высшей школы, в отличие от начальных школ, называемых школами сыбйян.

Первое медресе Османской империи, медресе Орхание, было создано во времена Орхана Гази в Изнике [23]. После этого в медресе Османской империи происходили изменения, в результате которых появилось разделение на

различные ступени образования, медресе стали специализированными. Медресе Султание, основанное Мехмедом Челеби в Бурсе, представляло новый тип медресе. Дарушифа, построенное по приказу Баязида Йылдырыма в Бурсе, стало первым медресе Османской империи, в котором изучали медицину, и первой больницей. Новым этапом в образовании стало строительство в Эдирне Мурадом II медресе Саатлы и Дар-уль хадиса. Студентам медресе предоставлялась стипендия от вакыфа, в котором они учились. Заработная плата преподавателя в Изнике составляла 50 акче в день, так же как и в медресе Султание, а в медресе Уч Шерефели платили в день по 100 акче [2].

Вскоре в период правления Мехмеда II медресе стали систематизированными образовательными учреждениями. Он уделял особое внимание науке и хотел сделать Стамбул центром, где собирались самые известные умы того времени. Султан пригласил в Стамбул Али Кушчу, ученика Бурсалы Кадызаде, наставником которого был Улугбек в Самарканде, и платил ему 200 акче в день [21]. Этим действием Мехмед II показывал всю ценность образования. После получения диплома студент мог быть назначен в государственные учреждения, мог стать кади, мудеррисом или занять любую другую должность на государственной службе. С дипломом студенты имели возможность зарабатывать больше денег. В зависимости от должности можно было заработать от 50 до 500 акче. Муллами становились после достижения наивысшего уровня как в религиозных, так и в юридических вопросах. После этого они могли быть назначены кади Стамбула или дефтердаром, казаскером или шейхулисламом. Медресе более высокого уровня обычно располагались в крупных городах, таких как Стамбул, Эдирне, Конья, Бурса, Амасья, Маниса. Эти медресе в основном были построены членами династии, великими пашами, женами султанов и учеными. В 1529 году в Эдирне насчитывалось 14 медресе. В Стамбуле в XVII веке было 95 медресе, а уже к XIX веку их число превысило 170 [10].

Вторым высшим учебным заведением классического османского периода являлась школа Эндерун. Она известна как османская дворцовая школа. В эти школы отправляли талантливых детей христианских подданных с целью подготовить их к военной и государственной деятельности. Эти школы были организованы и развиты султаном Мехмедом II. С XV и до начала XX века школа Эндерун занимала очень важное место в истории турецкого образования. Целью школы Эндерун не было обращение всех христиан в ислам. Главной задачей было привлечение в управленческую деятельность хорошо образованных и талантливых юношей, лояльных государству. Османы (особенно в период своего расцвета) ценили талантливых студентов независимо от их национальности и религии и предоставляли возможности для их развития [2]. Эти школы были созданы для подготовки высокопоставленных государственных деятелей и функционировали на основе системы *devşirme*. При этом уделялось особое внимание физическим, социальным и психологическим особенностям детей в возрасте от 8 до 20 лет. После прохождения подготовки дети приезжали в Стамбул и жили в мусульманской семье в течение 3–5 лет. Затем после прохождения экзаменов они поступали в школу эндерун, где проходили строгое обучение. Те, кто достигал успеха в этом обучении, принимались в Сарай-ы Хюмайун.

С приходом к власти османский султан Абдул-Меджид I (1839–1861 гг.) под влиянием Решит-паши издает указ, согласно которому вносятся значительные изменения во многие сферы жизни Османской империи, включая экономику, административное управление, армию и право. Были созданы новые законы и институты, которые пытались привнести европейские идеи и стандарты в традиционную структуру империи. Особое влияние реформы оказали на национальную систему образования Османской империи, несмотря на то, что в Указе 1839 года не упоминаются реформы, направленные на улучшение сферы образования. Государственные деятели понимали, что для того чтобы нововведения были постоянными, необходимо создать образованное общество, новый тип интеллигенции. Посредством формального

и неформального образования, другими словами, путем открытия школ и просвещения населения, была поставлена цель организовать государство в соответствии с новыми европейскими стандартами. Интеллигенция, посетившая Европу в период Танзимата, иностранцы, которые стали чаще приезжать в страну, меньшинства и иностранные школы в стране стали факторами, повлиявшими на обновление османского образования. Однако следует отметить следующее: до середины XIX века в таких странах, как Франция, Англия, Германия, уровень начального образования был низким и была широко распространена неграмотность. Научно-технический прогресс в этих странах развивался раньше распространения общего образования.

Одной из важнейших образовательных реформ периода Танзимата было открытие формальных учебных заведений. В начале 40-х годов XIX века открылись первые рюшдие (светские школы), включающие такие дисциплины, как арифметика, геометрия, география и история. В этот период они стали школами низшей ступени общего среднего образования. В 1859 году открылись первые школы для девочек, не считая школ сыбйян [3]. В Положении об общем образовании предусматривалось, что начальные школы для девочек и мальчиков будут создаваться отдельно для мусульман и немусульман, а на такие расходы, как строительство, ремонт и заработная плата учителей, деньги будут выделяться из общественной казны. В период Танзимата были сделаны важные шаги на пути к модернизации [2]. Интерес государства к профессионально-техническому образованию, исключая военное, начинается с периода Танзимата. Фактически, помимо общего образования, были открыты различные школы в области профессионального образования. Открытие этих школ было основано не на определенной системе, а скорее на определенных потребностях. Поэтому эти школы были подчинены не министерству просвещения, а другим министерствам [1].

Положение 1869 года регулировало политику в области образования и обучения в Османской империи до конца эпохи второй Конституции. Это положение было полностью вдохновлено французской национальной

системой образования. Основанием для его принятия послужили недостатки в области образования, которые рассматривались как самая важная причина отсталости османского общества. Одним из главных принципов закона было установление обязательного обучения для мальчиков в возрасте от 6 до 12 лет, что было связано с необходимостью подготовки квалифицированных рабочих и служащих для государственных и коммерческих структур. Кроме того, закон образования предусматривал возможность бесплатного обучения для детей из малообеспеченных семей.

Согласно положению, по всей стране должны были открываться школы сыбьян, рушдие, идади и султани, а в Стамбуле – школы Дарюльфюнун, Дарюлмуаллимин, Дарюлмуаллимат и школы для девочек [18]. Каждый ребенок-мусульманин должен был посещать районную школу или школу сыбьян для получения образования, целью которого было обучение основам и правилам ислама. Однако позже для повышения уровня образования были введены уроки турецкого языка [14].

В 1838 году для обеспечения организации системы образования было создано первое официальное учреждение – Меджлис-и Умур-и Нафия. Его целью было организованное проведение инноваций и исследований в области образования. Помимо организации системы образования, Меджлис также принимал меры по планированию образовательной карьеры учащихся в соответствии с их способностями. Он предоставлял султану план того, что студенты должны получать должное образование в соответствии с их талантами и склонностями и должно правильно проводиться разделение на классы. В том же году было создано министерство Мекатиб-и Рюшдийе, которое занималось такими вопросами, как реализация инноваций в сфере образования и увеличение количества школ [5]. В 1845 году для увеличения количества школ и контроля был создан временный совет по образованию Меджлис-и Маариф-и Муваккат, который в 1846 году стал постоянным и начал называться Меджлис-и Маариф-и Умумийе. В 1847 году, согласно решениям, принятым Меджлис-и Маариф-и Умумийе, школы, находившиеся

до этого времени под управлением министерства Эвкафа, были выделены в отдельное управление, а в 1846 году было создано министерство Мекатиб-и Умумийе, которое функционировало на уровне генеральной дирекции и в то же время представляло собой ядро сегодняшней системы образования [16].

Профессиональные школы, открывшиеся в этот период, можно рассмотреть, разделив их на две группы: военные и гражданские профессиональные школы. В 1839 году Меджлис-и Умур-и Нафия, учитывая интересы и способности каждого ребенка к профессии, представил султану предложения об отмене материального наказания в образовании, организации образовательных учреждений и разделении студентов по классам, которые получили одобрение султана [19]. В 1864 году для удовлетворения потребности флота в технических специалистах при идади был создан батальон Ималат-и Сыбйян, который можно назвать школой военно-морского искусства. В том же году в сухопутной армии были открыты школы практического искусства, которые составили основу школы производства и военного дела. В 1842 году была открыта первая школа прикладного сельского хозяйства, а также военно-ветеринарная школа, в 1858 году – лесная и горная школы, в 1860 году – телеграфная школа. В 1865 году ассоциация Джемийет-и Тедрисийе-и Исламийе открыла первую школу в районе Гранд-базара в Стамбуле с целью обучения религиозным знаниям и грамотности учеников и ремесленников [15].

Начиная с 1857 года особое внимание стало уделяться открытию профессиональных и художественных школ. В целях развития лесного хозяйства в 1857 году в Стамбуле была создана лесная школа для подготовки специалистов в этой области. Обучение в этой школе, рассчитанное на 2 года, началось под руководством двух лесных инженеров, приглашенных из Франции [24]. Положение 1869 года не включало в себя художественные школы, но они были включены в положение, подготовленное комиссией Ислах-и Санайи, созданной Митхат-пашой. В этом постановлении художественные школы продолжали свою деятельность и открывались

учебные заведения до 1882 года. Среди них были женские промышленные школы в Ускюдаре, Аксараяе и Чаалоглу [8]. В период Танзимата достижения в области образования не ограничивались начальным, средним и высшим образованием, также были заложены основы многих профессиональных и технических учебных заведений с целью увеличения количества квалифицированных специалистов [19].

Наиболее важные инициативы в период Танзимата были поддержаны в области технического образования для мальчиков и девочек. Хотя изначально обучение в рюшдие длилось 4 года, после открытия Дарулмаарифа оно было увеличено до 6 лет, но в 1863 году было сокращено до 5 лет [8]. В 1848 году (после открытия и закрытия первой мужской промышленной школы в Зейтинбурну) Митхат-паша (1822–1884 гг.), будучи губернатором в Румелии, приказал открыть школы в Нише (1863 г.), затем в Русчуке (1864 г.), центре Дунайской провинции (ныне Болгария) и в Софии под названием «Ислаххане». Это были школы для детей-сирот. В 1868–1870 годах Ислаххане также были открыты в Боснии, Ишкодре, Эдирне, Измире, Бурсе, Кастамону, Трабзоне, Эрзуруме и Диярбакыре. Эти школы были интернатами, разделенными на 5 классов, в которых ученики самостоятельно выполняли значительную часть внутреннего обслуживания. После двухчасовых уроков по начальному образованию их распределяли по рабочим местам в соответствии с отраслями, которые они изучали; они обучались таким ремеслам, как портняжное, сапожное, печатное, кожевенное (обработка кожи) и ткацкое [2].

В 1868 году в Стамбуле была открыта промышленная школа в старом здании Кылычхане в Султанахмете. В 1870 году была открыта школа капитанов и инженеров. В те же годы на верфи в Золотом Роге начала работать школа под названием «Хаддехане». Учащиеся восьмилетней школы днем работали на заводах верфи, а вечером посещали теоретические занятия [22]. Промышленная школа, открытая в 1868 году, имела пять классов и была пансионом. Помимо внутреннего отделения, где училась основная часть учеников, существовало также внешнее отделение, открытое для учеников

ремесленников, которых принимали в школу в определенные часы в течение дня. Во внутреннее отделение принимались сироты в возрасте до 13 лет, независимо от того, были ли они местными, иностранцами, мусульманами или христианами. Уроки по теоретическим предметам проводились утром, а практические занятия, такие как кузнечное дело, литье, машиностроение, архитектура, столярное дело, портновское дело, обувное дело, кожевничество, входили в программу школы и проводились не менее 5 часов зимой и 6 часов летом. В 1869 году была создана промышленная школа для девочек, швейная мастерская, которая была открыта в Йедикуле в Стамбуле с целью удовлетворять потребности армии [2]. Со временем количество этих школ увеличилось. В этот период провинциальные средние школы были разделены на пятилетние и семилетние. Причиной такого разделения стали финансовые трудности. Считалось более целесообразным открыть пятилетние школы в санджаках и провинциях с низкими доходами от образования. В первые годы управление идади осуществлялось в соответствии с Положением 1869 года, а затем, когда этого оказалось недостаточно, вопросы управления были подробно регламентированы в инструкциях [8].

Танзимат также является важным периодом с точки зрения изменений и развития прав и свобод меньшинств в Османской империи [6]. Права меньшинств со временем были расширены, а они, в свою очередь, умело ими пользовались. В результате этого в образовании возникло понятие «иностранная школа», которая выходила за рамки образовательных учреждений и даже посольств [11]. Одним из важных шагов в укреплении прав этноконфессиональных меньшинств в Османском государстве стал Указ об Ислахате султана Абдульмеджида, посвященный правам немусульман в области образования в период Танзимата. Помимо церквей, больниц и других учреждений, принадлежащих немусульманам, упоминается восстановление и перестройка школ, что требовало разрешения от правительства и зависело от наличия лицензии, выдаваемой религиозными лидерами общин. В Указе содержатся определенные правила относительно открытия школ с

религиозной направленностью, утверждения учебных программ и назначения учителей, создания церквей, больниц и т.д. [27].

Османские султаны стремились проявлять терпимость к правам меньшинств и на завоеванных территориях сохраняли свободу их языка, религии и образования. Таким образом, немусульмане открывали школы и культурные учреждения, подобные мусульманским, и продолжали свое образование и обучение под руководством собственных религиозных деятелей по модели медресе [20]. Османская империя также предоставляла некоторые права и привилегии иностранцам, прибывшим на территорию по различным причинам, чтобы обеспечить им возможность продолжать свою жизнь. Эти предоставленные права и привилегии впоследствии превратились в официальное право [26]. С началом процесса реформ, связанных с Эдиктом, в структуре образовательной системы начались преобразования, и появилась необходимость создания 44 новых школ, способных удовлетворить потребности современности. Эти школы должны были иметь инновационную структуру, способную как препятствовать негативным явлениям, наблюдавшимся в старой системе, так и устранить их [19]. Школы, открытые в частном порядке турками, меньшинствами и иностранцами, по сути, подчинялись одной и той же правовой базе. Согласно положениям Указа Ислахат 1856 года, меньшинства получили разрешение на открытие и развитие школ в качестве общины. Однако эти школы должны были находиться под наблюдением и контролем мухтелита.

Положение об общем образовании 1869 года регулирует вопрос открытия частных школ гражданами Османской империи и иностранцами в статьях 129 и 130. В статье 129 говорится, что частные школы – это платные и бесплатные школы, открытые общинами, гражданами Османской империи или иностранными государствами. Их расходы покрываются учредителями или фондами, к которым они относятся. В частных школах запрещалось бить детей за неподобающее поведение и лень, а также говорить им неприличные слова [2]. То есть немусульмане открывали школы и культурные учреждения,

подобные мусульманским, и продолжали свое образование и обучение. Таким образом, в Османской империи существовало множество школ для иностранцев и меньшинств, многие из которых продолжают существовать до наших дней [19].

В 1876 году, по окончании русско-турецкой войны, в связи с экономическими проблемами для открытия школ пришлось прибегнуть к поддержке народа и предпринимателей. Часто люди объединялись и открывали частные школы за свой счет [8]. Не было найдено информации о частном образовании, предоставляемом Османской империей в период Танзимата. Если такие инициативы существовали, то, предположительно, их было очень мало. Существует мнение, что турецко-исламский элемент ожидал всего от правительства [9]. Однако это спорный вопрос, потому что турецко-исламский элемент веками создавал школы на частные доходы и в значительной степени обеспечивал образовательные услуги турецкого общества. Основной причиной того, что турки не открывали частные школы на деньги в период Танзимата, Можно предположить, что основной причиной отказа турок от открытия частных школ являлось их негативное отношение к коммерциализации образования. Если посмотреть на образовательную деятельность немусульман в период Танзимата, то можно увидеть, что в Указе Ислахат 1856 года (в отличие от Указа Танзимата) отводилось особое место образованию. Немусульмане, которые извлекли большую пользу из прав, закрепленных в Указе, основали частные школы во многих регионах, особенно в Стамбуле [18].

С началом реформ Танзимата появилась возможность посещения военной школы, основанной в Стамбуле и именуемой Мектеб-и Тиббие, для получения медицинского образования и других технических и профессиональных школ для детей меньшинств. Особо привлекательным учреждением была Тиббие, так как там преподавали на французском языке, и среди преподавателей были немусульмане и европейцы. Выпускники этого образовательного учреждения достигали высокого социального статуса. В

период Танзимата школы меньшинств активно развивались благодаря юридическому регулированию и предоставленным возможностям. Примерами таких школ являются греческие. Еще до Танзимата в Османской империи существовало несколько греческих школ. После Танзимата было открыто три школы в Стамбуле: Фенерская греческая школа, Хейбелиадская греческая папская школа и греческий университет в Куручешме [19]. На протяжении веков они удовлетворяли образовательные потребности своих общин в школах, расположенных рядом с церквями, где преподавали священники. Активное содействие в распространении школ оказывали церкви, принадлежащие греческим патриархатам, принадлежавшие греческим патриархатам [25]. В ходе проверки, проведенной султанским советом, не было обнаружено никаких записей, указывающих на то, что существовал приказ или закон султана о выдаче лицензии на строительство школы для греческой общины в Кале-и Султание.

Что касается армянских школ, то организацию образовательных учреждений армянского меньшинства и их активность можно отследить с конца XVII века. По данным Армянского патриархата, в Анатолии было более 100 армянских школ, и многим из них было сложно продолжать свою деятельность из-за финансовых трудностей. По этой причине армянские школы в Стамбуле создали Общество помощи школам с целью обеспечения финансовой поддержки. В 1860 году был разработан Армянский регламент, который привел к разногласиям внутри армянской общины, и управление школами было передано специально созданной Комиссии по народному образованию. Согласно регламенту, опубликованному этой комиссией в 1871 году, в Стамбуле насчитывалось 66 армянских школ, включая 18 мужских, 13 женских и 17 смешанных, общая численность учащихся составляла 5 822 человека. В 1874 году количество школ достигло 469 в Анатолии с общим числом учащихся в 100 000, а в 1900 году было 813 школ с 81 276 учениками [19]. Евреи, у которых до Танзимата было несколько школ, открыли их по всей стране благодаря ассоциации «Альянс Исреалит», которую они основали в

Париже в 1860 году. Они начали активно открывать школы в центрах еврейского влияния. Ассоциация также пыталась открыть большое количество школ в Стамбуле и других местах [25]. Евреи не сразу воспользовались правом на образование и свободу, предоставленным Танзиматом. Еврейское сообщество проявляло интерес как к официальным государственным школам, так и к школам, открытым еврейскими организациями в других странах. Также была открыта первая еврейская школа Мусеви Асри в 1854 году. Позднее, в 1895 году, была основана школа под названием «Шуле-и Маариф», целью которой было обучение раввинов. В первое время, когда не было законов об образовании в Османской империи, иностранные государственные школы распространялись по всей стране без каких-либо ограничений и контроля до 1869 года [25].

Иностранные школы, существование которых в османских странах уходит в глубь веков, были созданы в период Танзимата. В этот период их число стало значительно увеличиваться, а влияние расти. Причинами являлись научная деятельность миссионеров, новые права, предоставленные меньшинствам в период Танзимата, внешние долги Османской империи и другие факторы. В результате этого Османская империя стала все более зависимой от Запада, и официальные лица Османской империи опасались возможных политических проблем, которые могли возникнуть при принятии более контролирующей позиции в отношении этих школ. Среди них были католические, латинские и протестантские школы, открытые французами, американцами и англичанами [2]. Первые школы, открытые в 1583 году французами, стали одними из самых многочисленных среди иностранных школ. Эти школы также служили базой для деятельности французских миссионеров, которые атаковали османское общество в различных сферах [19]. Главными учебными заведениями, открытыми французами, являются французская школа Сен-Бенуа, французская школа Сен-Жорж, французская школа Сен-Пьер, французская гимназия Нотр-Дам де Сион, французская школа Сен-Жозеф и французская школа Сен-Эсприт. Это лишь часть

французских учебных заведений, открытых на территории империи [25]. Британцы открыли множество школ под покровительством Англии, английских церквей в Сирии, Ливане и других местах. Большинство этих школ было закрыто властями из-за событий и волнений в Ливане, но они были вновь открыты благодаря усилиям консула Сайреллио и протестантской церковной ассоциации, действующей как в британском, так и в османском правительстве [19]. В проведенных исследованиях не так много источников по британским школам. Причиной является передача всех документов, имеющих отношение к министерству национального образования, в Англию [25]. Кроме того, существуют итальянские, немецкие и американские школы, которые также активно функционируют.

Таким образом, с момента основания Османской империи, которая внедрила систему образования на основе медресе и видела ее преимущества, она начала разрушаться по мере износа системы медресе. До Танзимата обучение велось в медресе, школах эндерун и школах сыбийян. Основным направлением было изучение арабского и персидского языков, а также преподавание Священного Корана. После Танзимата система медресе разрушается. С Танзиматом начались изменения в сфере образования, были заложены основы центральной образовательной системы, появились новые школы. Однако нововведения не следовали в определенном порядке, они начались со среднего образования. В период Танзимата было поддержано много инициатив в области профессионально-технического образования. Многие османы, а также представители меньшинств и иностранцы открывали свои школы. Вначале эти учреждения не причиняли большого вреда, но позже Османская империя начала видеть негативные последствия этого явления.

Список литературы

1. Akkuyat Ü. Enderun Mektebi / Ü. Akkuyat // Gazi Üniversitesi. – Ankara, 1984. – 47 s.
2. Akyüz Y. Türk Eğitim Tarihi / Prof. Dr. Y. Akyüz // Ankara Üniversitesi, Eğitim Bilimler Fakültesi. – İstanbul: Alfa Yayınları, 2000. – 42 s.

3. Berkes N. Türkiye’de Çağdaşlaşma / N. Berkes. – İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2007. – 598 s.
4. Bilgiç V. Minorities in the Ottoman State: Turkish-Armenian Relations Past and Present (Ed. İdris Bal and Mustafa Çufalı) / V. Bilgiç. – Ankara: Nobel Publications, 2003. – 256 p.
5. Cevdet M. Darülmuallimin’in 70. Senesi Vesilesiyle Verilen Konferans / M. Cevdet. – İstanbul: Tedrisât Mecmuası, 1334. – №6. – 200 s.
6. Doğan İ. Tanzimat Dönemi Azınlıklar Eğitimi ve Bazı Tespitler / İ. Doğan // Eğitim Bilimleri Fakültesi Dergisi, Ankara Üniversitesi. – Ankara, 1991. – C. 24. – S. 2. – S. 461-471.
7. Duman T. Türkiye’de Ortaöğretimde Öğretmen Yetiştirme-Tarihi Gelişimi / T. Duman. – İstanbul: MEB Basımevi, 1991. – 306 s.
8. Duran A. Meşrutiyet’ten Cumhuriyet’e Eğitim (1876-1923) / A. Duran. – İstanbul: Hiper Yayınları, 2018. – 106 s.
9. Ergün M. II. Meşrutiyet Devrinde Eğitim Hareketleri / M. Ergün. – Ankara: Ocak Yayınları, 1996. – 578 s.
10. Gündüz T. Osmanlı Teşkilat Tarihi El Kitabı / T. Gündüz. – Ankara: Grafiker Yayınları, 2016. – 380 s.
11. Güzey A. Osmanlı Devleti’nde Yabancılar ve Okullaşma Çabaları / A. Güzey // 21. Yüzyılda Eğitim ve Toplum Dergisi. – Kastamonu, 2017. – C. 6. – S. 16. – S. 69-90.
12. Hızlı M. Osmanlı Klasik Döneminde Medrese // Türkler. Ankara, 1991. S. 170-181.
13. İhsanoğlu, E. Ottoman educational institutions during the reform period. U.K.: Foundation for Science Technology and Civilisation, 2004. P. 58-76.
14. İnalçık H. Tanzimat. Değişim Sürecinde Osmanlı İmparatorluğu / H. İnalçık, M. Seyitdanlıoğlu. – Ankara: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2019. – 826 s.
15. Koçer H. Türkiye’de Modern Eğitimin Doğuşu ve Gelişimi / H. A. Koçer. – Ankara: Milli Eğitim Basımevi, 1991. – 236 s.
16. Kodaman B. Abdülhamit Dönemi Eğitim Sistemi / B. Kodaman. – Ankara: Atatürk kültür, dil ve tarih yüksek kurumu Türk Tarih Kurumu yayınları, 1991. – 201 s.
17. Oruç, M. 69. sıradan, 86. sıraya! [Электронный ресурс]: - Режим доступа <http://www.turkiyegazetesi.com/makaledetay.aspx?ID=14199>, свободный. (дата обращения: 15.04.2024)
18. Soydan T. Osmanlı’da İlk Yenileşme Döneminde Eğitimin Kurumsal ve Yönetimsel Yapısının Oluşumu ve Gelişimi / T. Soydan, M. Tüncel // Milli Eğitim Dergisi. – Ankara, 2013. – C. 43. – S. 198. – 125 s.
19. Şahin A. Tanzimat’tan Cumhuriyet’te Kadar Eğitim Sistemi, Yönetimi ve Denetimi / A. Şahin // Yayımlanmış Yüksek Lisans Tezi, Sabahattin Zaim Üniversitesi, Eğitim Bilimleri Anabilim Dalı. – İstanbul, 2015. – 118 s.
20. Taşdemirci E. Türk Eğitim Tarihinde Azınlık Okulları ve Yabancı Okullar / Prof. Dr. E. Taşdemirci // SBE Dergisi, Erciyes Üniversitesi. – Kayseri, 2001. – 18 s.

21. Tekeli İ. Osmanlı İmparatorluğu'nda Eğitim ve Bilgi Üretim Sisteminin Oluşumu ve Dönüşümü / Tekeli İ., İlkin S. – Ankara: Atatürk kültür, dil ve tarih yüksek kurumu Türk Tarih Kurumu yayınları, 1993. – 222 s.
22. Tuna O. Türkiye’de Mesleki ve Teknik Öğretim / Prof. Dr. Orhan Tuna. – Ankara: Türkiye İşveren Sendikası, 1972. – 260 s.
23. Uzunçarşılı İ. Osmanlı Devleti'nin İlmiyye Teşkilatı / İ. Uzunçarşılı. - Ankara: Atatürk kültür, dil ve tarih yüksek kurumu Türk Tarih Kurumu yayınları, 2014. – 376 s.
24. Ürekli F. Tanzimat Dönemi Osmanlı Eğitim Sistemi ve Kurumlar // Sosyal Bilimler Dergisi. İst., 2002. S. 395-415.
25. Yanar İ. Tanzimat Dönemi Eğitim Sistemi ve Yeniden Yapılanma Çabaları / İ. Yanar // Bilim Uzmanlığı Tezi, Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi, İnönü Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü. – Malatya, 1996. – 175 s.
26. Yazıcı A. Türkiye’de Azınlık ve Yabancı ve Türk Özel Okullar / A. Yazıcı // Yüksek Lisans Tezi, Marmara Üniversitesi Türkiyat Araştırma Enstitüsü, Türk Tarihi Anabilim Dalı. – İstanbul, 2010. – 119 s.
27. Zengin Z. Tanzimat ve Sonrası Dönemde Osmanlı Toplumunda Gayrimüslimler ve Din Eğitimi / Z. Zengin // Değerler Eğitimi Dergisi. – Adana, 2008. – C. 6. – Sayı 15. – S. 139-170.
28. Нафиков И.З., Шангараев Р.Н. Балканский вектор во внешней политике Турции: исторические предпосылки региональной интеграции // Вестник ученых-международников. 2023. № 4 (26). С. 119-135.
29. Шангараев Р.Н. Идеологические аспекты внешней политики Турции // Обозреватель. 2017. № 11 (334). С. 73-82.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Комендантов Сергей Васильевич,
заместитель заведующего кафедрой международного права,
Дипломатическая академия МИД России,
член Российской ассоциации международного права,
государственный советник Российской Федерации III класса,
wtolaw@yandex.ru

Кольцов Олег Олегович,
магистрант,
Дипломатическая академия МИД России,
oleg.kolcoff@mail.ru

Sergey V. Komendantov,
Deputy Head of the Department of International Law,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation,
Member of the Russian Association of International Law,
State Counsellor of the Russian Federation, Class III,
wtolaw@yandex.ru

Oleg O. Koltsov,
Master's Degree Student,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation,
oleg.kolcoff@mail.ru

ПРИМЕНИМОСТЬ И АДАПТАЦИЯ КОДЕКСА БЕЗОПАСНОСТИ ЯДЕРНЫХ ТОРГОВЫХ СУДОВ

APPLICABILITY AND ADAPTATION “THE CODE OF SAFETY FOR NUCLEAR MERCHANT SHIPS”

Аннотация: политика в сфере снижения выбросов углекислого газа и перехода на альтернативные источники энергии является своеобразным стимулом для развития новых энергоносителей, в том числе в сфере судоходства. Одной из наиболее вероятных альтернатив традиционным двигателям являются малые модульные реакторы. Однако для их распространения и повсеместного использования необходима надлежащая нормативно-правовая база, неотъемлемой частью которой служит документ, созданный в 1981 году – The Code of Safety for Nuclear Merchant Ships. Его пересмотр и адаптация позволит создать необходимые условия для развития атомного судоходства в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: атомное судоходство, международное морское право, Кодекс ядерных судов, Кодекс безопасности ядерных торговых судов, ИМО, МАГАТЭ.

Abstract: the policy of reducing carbon dioxide emissions and switching to alternative energy sources is a kind of incentive for the development of new energy sources, including in the field of shipping. One of the most likely alternatives to traditional engines is – small modular reactors. However, for their dissemination and widespread use, an appropriate regulatory framework is necessary, an integral part of which is a document created in 1981 – The Code of Safety for Nuclear Merchant Ships. Its revision and adaptation will create the necessary conditions for the development of nuclear shipping in the near future.

Keywords: nuclear shipping, international maritime law, Code of Nuclear Ship, The Code of Safety for Nuclear Merchant Ships, IMO, IAEA.

Введение

Морское право является одним из наиболее древних. В то же время оно считается неотъемлемой частью современной международной правовой системы. На протяжении веков морское право развивалось с учетом возникновения новых вызовов и географических открытий. Использование флота как способа расширения влияния и территорий различными государствами, в том числе Португалией, Испанией, Голландией и Великобританией, ставило вопрос регулирования взаимоотношений между странами на море в особое положение и привлекало внимание многих экспертов.

Моря, реки, океаны и иные водоемы служили главными артериями Земли, обеспечивающими стабильную торговлю, доступ к пропитанию и защиту. По этой причине большинство наиболее развитых современных городов мира расположено вдоль побережья. Однако по мере расширения использования водных поверхностей, в том числе в военных целях, расширялось и регулирование деятельности на данном направлении. Создавались местные правила, которые находили свое применение в иных регионах, тем самым становясь обычаями и традициями. В дальнейшем общепринятые нормы легли в основу международных нормативно-правовых актов и с течением времени видоизменялись с учетом потребностей.

Сегодняшние отношения на море регулируются различными органами, как национальными, так и международными. Основным субъектом в данном отношении является созданная в 1959 году Международная морская организация (ИМО), которая отвечает за сотрудничество между администрациями, государственными компаниями и иными объединениями, а также за создание международных актов в части регулирования международного судоходства, в том числе в сфере безопасности, загрязнения и обеспечения надлежащих условий для человека [6].

Таким образом, данная организация играет центральную роль в сфере международного правового регулирования использования судов и иных плавучих средств на современном этапе развития международной системы. Все создаваемые и пересматриваемые документы так или иначе должны рассматриваться с привлечением экспертов ИМО или в рамках нее для обеспечения надлежащих норм и условий.

Современное морское регулирование

Как упоминалось ранее, современный банк документов международного регулирования включает в себя множество различных актов, в том числе созданных в рамках ИМО. Наиболее важными из них считаются Конвенция ООН по морскому праву (UNCLOS), Международная конвенция по охране человеческой жизни на море (СОЛАС), Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов (МАРПОЛ). Помимо данных документов существуют иные, не менее важные, которые регулируют частные аспекты морского права. В их число входят Кодекс по безопасности судов специального назначения, Международный кодекс безопасной перевозки облученного ядерного топлива, плутония и радиоактивных отходов высокого уровня активности в упаковке на судах (Кодекс ОЯТ), Рекомендации ООН по перевозке опасных грузов и т.д. Многие из них упоминаются в СОЛАС, что делает их обязательными к применению или необходимыми при выполнении конкретных условий конвенции.

Однако в связи с развитостью современных технологий и созданием новых видов транспорта, в том числе морского, в рамках иных международных органов создаются свои регулирующие документы, которые так или иначе могут входить в сферу компетенций ИМО. Примером такого документа служит Кодекс безопасности ядерных торговых судов (Кодекс ядерных судов), созданный в 1981 году и введенный в силу Резолюцией А.491 (XII).

Кодекс ядерных судов был разработан как руководство для администраций по международно-признанным нормам безопасности для проектирования, постройки, эксплуатации, технического обслуживания, проверок, спасания и ликвидации ядерных торговых судов. Он дополняет применимые международные конвенции, кодексы и рекомендации, принятые Межправительственной морской консультативной организацией. Данный документ является дополнением к статье VIII Конвенции СОЛАС в силу того, что многие ядерные суда имеют определенную специфику в части их использования.

Однако, несмотря на попытки создания гражданского ядерного флота, предпринимаемые США, Германией, Японией и Россией, только Москва смогла осуществить необходимые шаги для развития данного направления, в частности для создания ледокольного флота.

Как ответственный субъект международного права и участник Международной конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 года и Международной конвенции о подготовке и дипломировании моряков и несения вахты 1978 года Постановлением правительства от 17 октября 2009 года «О реализации положений международной конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 года и международной конвенции о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 года» Российская Федерация имплементировала СОЛАС в национальное законодательство, тем самым обязав себя к ее исполнению [4]. В связи с этим Кодекс ядерных судов как составляющая часть статьи VIII Конвенции также

применяется к внутреннему правовому регулированию. Примером использования Кодекса ядерных судов могут послужить федеральные нормы и правила в области использования атомной энергии «Общие положения обеспечения безопасности судов и других плавсредств с ядерными реакторами» (нп-022-17). В их первой части встречается следующая формулировка: «Разработаны на основании нормативных правовых актов Российской Федерации, федеральных норм и правил в области использования атомной энергии, правил классификационного общества ФАУ "Российский морской регистр судоходства", а также с учетом документов МАГАТЭ "Основополагающие принципы безопасности. Основы безопасности" (SF - I), ИМО "Кодекс по безопасности ядерных торговых судов" (Резолюция А.491(XII) от 19.11.1981 года)» [2].

В данном контексте Российская Федерация является не единственным субъектом, руководствующимся данным международным актом. Так, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии в 2022 году обновило внутренний документ, который служит иным примером использования Кодекса ядерных судов, 2022 No.1169 "The Merchant Ships (Nuclear ships) Regulations 2022". Он определяет внутренние положения Соединенного Королевства в части использования судов с ядерными энергетическими установками и распространяется не только на корабли, ходящие под флагом Великобритании, но также и на те, которые следуют через внутренние воды государства [8].

Таким образом, Кодекс ядерных судов до сих пор находит применение в международной практике, несмотря на тот факт, что был принят более 40 лет назад. Однако существует ряд проблем, которые в том числе связаны с развитием технологий и созданием современных правил обеспечения безопасности как в ядерной энергии, так и на море, и которые требуют актуализации данного документа.

Проблематика кодекса ядерных судов

Как упоминалось ранее, Кодекс ядерных судов был принят в 1981 году, и со времен его принятия произошел значительный прогресс с точки зрения развития технологий, используемых на судах, были созданы новые единицы, в частности плавучие атомные электростанции (ПАТЭС), также нормативно-правовая база регулирования ядерной и радиационной безопасности претерпела кардинальные изменения. Многие пересмотренные или созданные документы вобрали в себя лучшие практики. Также были вынесены уроки после катастроф на АЭС «Три-Майл-Айленд», «Фукусима Дайичи», Чернобыльской АЭС. Таким образом, изложенные практики, которые были актуальны на 1981 год, сегодня требуют преобразований.

Первое издание Кодекса ядерных судов было сформулировано так, чтобы учитывать все специфики использования реакторов с водой под давлением (PWR), яркими примерами которых являются конструируемые и используемые в Российской Федерации реакторы типа ВВЭР, а также более малые модели – RITM-200. На протяжении практически более 20 лет РУ данного типа играли основную роль. Однако по мере развития технологического прогресса были разработаны иные варианты, которые включали в себя реакторы на быстрых нейтронах (РБН), высокотемпературные газоохлаждаемые реакторы (ВТГР), жидкосолевые реакторы (ЖСР).

Несмотря на такое многообразие, многие из них являются единственными в своем роде образцами или не были воплощены в жизнь вовсе. Ситуация складывается иначе с малыми модульными реакторами (ММР), которые активно конструируются и используются Российской Федерацией на судах ледокольного типа и ПАТЭС. В частности, в России имеется несколько типов ММР RITM-200.

Возвращаясь к рассмотрению Кодекса ядерных судов, необходимо сказать, что данный документ состоит из восьми глав и пяти дополнений. Содержащиеся главы разделяются по следующему принципу:

1. Глава №1: общие положения;

2. Глава №2: проектные критерии и условия;
3. Глава №3: проект, конструкция и оборудование;
4. Глава №4: ядерная паропроизводящая установка;
5. Глава №5: механические и электрические установки;
6. Глава №6: радиационная безопасность;
7. Глава №7: эксплуатация;
8. Глава №8: освидетельствование;
9. Дополнение №1: расчет скорости погружения;
10. Дополнение №2: нагрузки морского волнения в зависимости от периодов эксплуатации;
11. Дополнение №3: информация о безопасности;
12. Дополнение №4: предельные мощности эквивалентных доз для различных зон и помещений;
13. Дополнение №5: программа обеспечения качества.

Стоит также подчеркнуть, что Кодекс безопасности ядерных торговых судов был разработан в качестве руководства для администраций по международно-признанным стандартам безопасности при проектировании, строительстве, эксплуатации, техническом обслуживании, инспекции, спасении и утилизации ядерных торговых судов. Он дополняет применяемые международные конвенции, кодексы и рекомендации, принятые Межправительственной морской консультативной организацией [7].

Не рассматривая данный документ с точки зрения технической составляющей, следует обратить внимание на тот факт, что он является единственным существующим международным актом, регулирующим деятельность ядерных судов на просторах моря, что в определенной степени подчеркивает его особую важность. Однако, как было сказано ранее, в силу срока давности данный документ имеет ряд недостатков, например использование устаревших документов в сфере ядерной и радиационной безопасности. Так, данный Кодекс в части 1.3.7 ссылается на издание МАГАТЭ Safety Series No. 50-C-QA, которое было опубликовано в 1978 году

и сегодня имеет более современные издания, потенциально применимые к использованию РУ на судах, в виде: IAEA Safety Standard, Fundamental Safety Principle, IAEA Safety Fundamentals No. SF-1; IAEA Safety Standard, Safety of Nuclear Power Plants: Design, Specific Safety, Requirements SSR 2/1 (Rev. 1); IAEA Safety Standards, Leadership; IAEA Safety Standard, Safety of Nuclear Power Plants: Commissioning and Operation, Specific Safety Requirements SSR-2/2 (Rev 1), IAEA (2016); IAEA Safety Standard, Radiation Protection and Safety of Radiation Sources: International Basic Safety Standards, General Safety Requirements GSR-3, IAEA (2014); IAEA Safety Standard, Safety Assessment for Facilities and Activities, General Safety Requirements GSR-4 (Rev 1), IAEA (2016) и ряд других документов МАГАТЭ. Отдельное внимание необходимо обратить на документ SF-1, который представляет собой основополагающие принципы безопасности для атомных станций. Он был разработан совместно девятью организациями, в том числе ИМО, и вобрал в себя те принципы, которые ранее были опубликованы в трех различных документах: основы безопасности ядерных установок (1993 год); основы безопасности обращения с радиоактивными отходами (1995 год); основы безопасности по радиационной защите и безопасности источников излучения (1995 год). Десять новых основополагающих принципов безопасности составляют основу, исходя из которой определяются требования по защите от воздействия ионизирующих излучений в соответствии с программой МАГАТЭ по нормам безопасности и обосновывается более широкое применение его программы, связанной с безопасностью [3].

Иной проблемой, которая ранее уже упоминалась, является применимость данного документа к новым технологиям, в частности к ПАТЭС. Так, в Кодексе ядерных судов дается определение понятию «ядерное судно», под которым понимается *любое торговое судно, обычный режим движения которого основан на ядерной энергии и характеристики которого соответствуют характеристикам обычных водоизмещающих судов*. Таким образом, это определение исключает применимость данного документа к

плавучим атомным электростанциям, осуществление движения которых предполагается за счет привлекаемых буксировочных или грузовых судов. Однако в современной практике существует определение судна, которое включает в себя плавучие станции. Так, в Конвенции MARPOL дается определение понятия «судно»: *судно означает судно любого типа, эксплуатируемое в морской среде, и включает суда на подводных крыльях, транспортные средства на воздушной подушке, подводные аппараты, плавучие средства и стационарные или плавучие платформы* [1].

Одним из решений проблемы наличия определения понятия «ядерное судно» в Кодексе ядерных судов может быть расширение существующего и адаптация ранее приведенного понятия из Конвенции MARPOL.

Однако замена настоящего определения является лишь малой частью на пути преобразования Кодекса ядерных судов и его адаптации к современным технологиям, так как в документе также встречаются требования и предписания, которые потенциально могут быть применимы исключительно к судам, использующим РУ как средство выработки энергии для собственного движения. Такие понятия, как «ядерная система подачи пара» (Nuclear steam supply system) и «ядерная двигательная установка» (Nuclear propulsion plant), являются неотъемлемыми требованиями. Кодекса, однако их наличие обязательно для применения документа к ядерным судам и в части адаптации к ПАТЭС. Вероятнее всего, будет необходима разработка и интеграция новых пунктов с требованиями, релевантными к плавучим установкам, либо включение вариативности в существующие, где подчеркивалась бы применимость пунктов в зависимости от технической специфики «судна» без снижений требований к общей безопасности.

В документе указывается: «Настоящий Кодекс предназначен для предоставления технической и нормативной справки для торговых ядерных судов. Он дополняет другие применимые международные конвенции, кодексы и рекомендации, принятые Организацией, и определяет конкретные проблемы безопасности, которые следует решать...». Необходимо подчеркнуть, что

Кодекс ядерных судов носит рекомендательный характер относительно администраций и закладывает лишь основу для создания национальной полноценной нормативно-правовой базы регулирования деятельности ядерных судов и иных плавучих установок.

Возвращаясь к Кодексу и его обновлению, следует отметить, что сегодня рядом субъектов предпринимаются попытки по его пересмотру. Одним из примеров служит документ, созданный World Nuclear Transport Institute (WNTI), – Gap analysis of the Code of Safety for Nuclear Merchant Ships (Gap analysis), который представлен общественности в период с 15 по 24 мая 2024 года на 108 сессии Комитета безопасности на море ИМО (MSC 108-INF) [5]. Согласно повестке дня MSC 108-INF, пункт №5 посвящен «разработке нормативной базы в области безопасности для поддержки сокращения выбросов парниковых газов с судов с использованием новых технологий и альтернативных видов топлива». Используя актуальность проблемы загрязнения окружающей среды и особое внимание, которое уделяется данному направлению, представители WNTI поставили в центр обсуждения вопрос пересмотра Кодекса ядерных судов как одного из способов решения проблемы выбросов парниковых газов грузовыми судами и иными плавсредствами.

В данном контексте стоит обратить внимание на то, что в медиапространстве Великобритании и иных англоговорящих стран активно развивается мысль о необходимости перехода грузового флота на альтернативные источники энергии, где наиболее реалистичным решением выдвигаются суда на ядерных энергетических установках. Так, согласно изданию The New Global Order, на долю судоходной отрасли приходится до 3 % общемировых выбросов и 10 % выбросов на транспорте. В то же время спрос на морские перевозки растет, и, по прогнозам ОЭСР, к 2050 году он увеличится на 50–250 % [9].

Возвращаясь к документу, опубликованному WNTI, основную суть его пересмотра можно понять из раздела “Summary”, в котором указывается:

«Кодекс безопасности для ядерных торговых судов (резолюция А.491(XII), принятая в ноябре 1981 года) разработан специально для ранних конструкций реакторов и нуждается в обновлении с учетом технологических достижений. Этот документ содержит всесторонний анализ пробелов, который обеспечивает основу для разработки пересмотренного Ядерного кодекса, основанного на недирективном технологически нейтральном подходе, используемом МАГАТЭ в своих стандартах безопасности».

Анализируя Gap Analysis, можно прийти к выводу, что основная цель в ходе работы над пересмотром Кодекса ядерных судов – сделать его более технологично нейтральным для дальнейшего продвижения новых дизайнов реакторных установок. В частности, авторы делают акцент на жидкосолевых реакторах, которые активно разрабатываются такими компаниями, как: CorePower (UK), Seaborg (Denmark), TerraPower (US). С целью развития данных технологий авторы предлагают исключить многие «нетехнологично-нейтральные» требования, заменив их на более общие предписания, а также поменять идейный подход всего документа, таким образом, сделав акцент не на способе или пути достижения безопасности судна с РУ, а на конечной цели. Подобное рассмотрение Кодекса особенно актуально с учетом технологической специфики ЖСР и ВТГР, где в силу конструкции отсутствуют некоторые привычные барьеры безопасности. Более того, говоря о новых видах РУ, стоит упомянуть тот факт, что в мире до сих пор отсутствует действующий ЖСР и только единственный в своем роде ВТГР, что в определенной степени затрудняет выработку и применение новых требований, которые, как утверждают сами авторы документа, должны основываться на полученном опыте. Из этого можно сделать вывод, что большинство указанных изменений в Gap Analysis имеют только теоретическую основу и никогда не были апробированы на практике. В этой связи возникает вопрос целесообразности внесения их в основополагающий документ.

Другой проблемой, на которую следует обратить внимание, является неполнота банка документов. В главе № 6 “References” приводится список документов, которые были использованы при составлении Gap Analysis, среди них: IMO Code of Safety for Nuclear Merchant Ships, Resolution A.491(XII) adopted on 19 November 1981; Document passed to CorePower at a meeting with WNTI; IAEA Safety Standard, Fundamental Safety Principles, IAEA Safety Fundamentals No. SF-1 (2006); International Convention for the Safety of Life at Sea (SOLAS), IMO; IAEA Safety Standard, Safety of Nuclear Power Plants: Design, Specific Safety Requirements SSR-2/1 (Rev 1), IAEA (2016); IAEA Safety Standard, Leadership and Management for Safety, General safety Requirements GSR-2, IAEA (2016). Несмотря на то что данный список включает в себя такие важные публикации, как SSR-2/1, GSR-2, Конвенция SOLAS, их перечень не является исчерпывающим, так как в рамках ИМО существует несколько конвенций, которые особенно важно учитывать, говоря о создании и пересмотре существующего Кодекса ядерных судов. Многие из них ранее упоминались, и в качестве примера можно привести МАРПОЛ. Данная конвенция регулирует деятельность как судов, так и нефтеплатформ, в части недопущения загрязнения водоемов мусором, топливом и иными веществами, потенциально опасными для окружающей среды и населения. Несмотря на тот факт, что документ не имеет требований по отношению к ядерным судам или плавучим атомным электростанциям, существует возможность адаптации его положений через Кодекс ядерных судов.

Подобные примеры можно привести и с другими основополагающими документами ИМО, такими как Кодекс ОЯТ, STCW, COLREG и др., которые также необходимо учитывать при изменении Кодекса ядерных судов.

В завершение стоит подчеркнуть, что подготовленный Gap Analysis выражает точку зрения только одной стороны, которая так или иначе объединяет интересы компаний из США, Франции, Республики Кореи и Великобритании, в то время как мнения таких ведущих игроков, как Россия и Китай, остались в стороне. Однако именно Российская Федерация имеет

колоссальный опыт в области использования атомной энергии на море, что дает ей возможность играть центральную роль в процессе создания будущей нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность ядерных судов и иных плавсредств.

Заключение

Как отмечалось в начале статьи, международное морское право является неотъемлемой частью международного права в целом, и его развитие должно быть перманентным в связи с развитием новых технологий. Ведущие державы мира всё чаще упоминают необходимость перехода к углеродно-нейтральным источникам энергии, и мировое судоходство не исключение. Одной из наиболее вероятных альтернатив классическим двигателям внутреннего сгорания становятся реакторные установки. Российская Федерация показала всему миру, что атомные суда могут успешно эксплуатироваться в международных водах, более того, в особо сложных условиях вечной мерзлоты.

Однако в целях недопущения прежних ошибок, как это было с кораблем «Саванна», для развития нового этапа использования атома на судах первоначально необходимо создать нормативно-правовую базу, которая смогла бы полноценно, с учетом современных вызовов, регулировать деятельность данных типов судов. Особое внимание стоит уделять тем технологиям, которые уже имеют практическое применение и регулирование которых действительно основывалось бы на практике, а не на теоретических знаниях. Такими примерами служат ПАТЭС с ММР.

В то время как Международная морская организация ответственна за использование различных классов судов в целом, Международное агентство по атомной энергии регулирует деятельность в сфере ядерной безопасности. Ядерные суда соединяют в себе сферы ответственности двух субъектов международного права, и по этой причине дальнейшее развитие и создание необходимой базы документов должно обеспечиваться с привлечением специалистов как из МАГАТЭ, так и из ИМО. Более того, с целью разработки

наиболее полного перечня требований следует привлекать национальные организации различных государств, имеющих опыт в данном направлении. Таким образом, создается триумvirат, способный учесть как интересы большинства субъектов, так и опыт в сфере регулирования безопасности судов и реакторных установок: ИМО – Administration – IAEA.

Возложение ответственности только лишь на один из трех субъектов привело бы к созданию новых проблем, дальнейшее решение которых отсрочило бы развитие атомной энергетики на водной поверхности.

В заключение стоит отметить, что для Российской Федерации как для страны-лидера в сфере атомной промышленности необходимо принимать активное участие в разработке и создании новой нормативно-правовой базы, так как лидерство, которое сегодня взяла на себя Великобритания вместе с союзниками, может потенциально привести к потере одной из наиболее перспективных сфер использования мирного атома, в то время как своевременно предпринятые усилия, с учетом имеющегося опыта, способны поставить Москву в позицию безусловного лидера в направлении атомного судоходства. На сегодняшний день одним из главных рубежей, от которого потенциально может зависеть будущее рынка атомного судоходства, является пересмотр и адаптация The Code of Safety for Nuclear Merchant Ships.

Список литературы

1. Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов (МАРПОЛ) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901764502> (Дата обращения: 24.04.2024)
2. Общие положения обеспечения безопасности судов и других плавсредств с ядерными реакторами (НП-022-17) // URL: <https://docs.secnrs.ru/documents/nps/НП-022-17/НП-022-17.pdf> (Дата обращения 24.04.2024)
3. основополагающие принципы безопасности МАГАТЭ (SF-1), Вена, 2007 г. (Дата обращения: 27.04.2024)
4. Постановление правительства от 17 октября 2009 г. №832 «О реализации положений международной конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 года и международной конвенции о подготовке и дипломировании моряков и несении вахты 1978 года» (Дата обращения: 07.05.2024)

5. Gap analysis of the Code of Safety for Nuclear Merchant Ships. 12 March 2024. Submitted by World Nuclear Transport Institute (WNTI) (Дата обращения: 25.04.2024)
6. IMO //URL: <https://www.imo.org/en/About/HistoryOfIMO/Pages/Default.aspx> (Дата обращения: 25.04.2024)
7. The Code of Safety for Nuclear Merchant Ships. Resolution A.491(XII) adopted on 19 November 1981 (Дата обращения: 10.04.2024)
8. «The Merchant Ships (Nuclear ships) Regulations 2022» 2022 No.1169 // URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2022/1169/made> (Дата обращения: 15.04.2024)
9. The New Global Order, Cargo Ships Pollution Impact on Environment and Human Health. // URL: <https://thenewglobalorder.com/newsroom/cargo-ships-pollution-impact-on-environment-and-human-health/> (Дата обращения: 23.04.2024)

Велиев Бегенч Язмемедович,
аспирант,
Дипломатическая академия МИД России,
m-attache@turkmenembassy.ru
Begench Ya. Veliyev,
Postgraduate Degree Student,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation,
m-attache@turkmenembassy.ru

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО НЕЙТРАЛИТЕТА

ON THE ISSUE OF UNDERSTANDING THE LEGAL CATEGORY OF STATE NEUTRALITY

Аннотация: в условиях современного миропорядка вопрос актуальности государственного нейтралитета приобретает качественно новое содержание. В данной статье раскрываются правовая природа и перспективы развития государственного нейтралитета как института международного права. Рассмотрение исторического становления проводится в контексте политики в силу наличия прочной связи между правовыми и политическими сторонами нейтралитета. В статье рассматриваются пути развития нейтралитета с целью повышения его эффективности как средства поддержания международного мира и безопасности, а также влияния на политико-правовое и социально-экономическое развитие государства. Проводится анализ правовых возможностей политики нейтральных государств на примере Туркменистана.

Ключевые слова: нейтралитет, международно-правовой статус, оружие массового поражения, самооборона, неприкосновенность, международный акт, правовая легитимность, международная безопасность, цели и задачи ООН.

Abstract: in the conditions of the modern world order, the issue of the relevance of state neutrality acquires a qualitatively new content. This article reveals the legal nature and prospects for the development of state neutrality as an institution of international law. The consideration of historical formation is carried out in the context of politics, due to the strong connection between the legal and political sides of neutrality. The article examines the ways of developing neutrality in order to increase its effectiveness as a means of maintaining international peace and security, as well as influencing the political, legal and socio-economic development of the state. The paper analyzes the legal possibilities of the policy of neutral states on the example of Turkmenistan.

Keywords: neutrality, international legal status, weapons of mass destruction, self-defense, inviolability, international act, legal legitimacy, international security, goals and objectives of the United Nations.

Совершенствование международных отношений отличается интенсивным ростом глобальных процессов, постоянными структурными изменениями. В этих современных условиях обширного межгосударственного сотрудничества образуются разные организации и союзы, оказывающие существенное влияние на явления, происходящие в современном мироустройстве. В то же время наблюдаются некоторые проблемы, в решении которых необходимы совместные усилия государств. В то время как уровень интеграционных процессов и взаимозависимости государств сохраняется на высоком уровне, совместные стремления и усилия способны привести к предотвращению возникновения разного рода вызовов, угроз и военных конфликтов [4].

Нейтралитет является одним из способов сохранения международной стабильности, безопасности и мира. Нейтралитет как международно-правовое явление, приобретенное суверенным государством, предполагает наличие определенных обязанностей и прав, международно-правовой статус, закрепленный в международно-правовой форме, а также признание как минимум одним государством. Государство, согласно принятому нейтральному статусу, обязуется не участвовать прямо или косвенно во враждебных действиях воюющих государств и не оказывать какую-либо помощь противоборствующим сторонам [5].

Нейтралитет как международно-правовой институт твердо вошел в международную практику взаимоотношений государств и является одним из методов защиты от губительного воздействия военных действий и враждебно настроенных государств.

Постоянный нейтралитет – это международно-правовое положение государства, которое обязуется не участвовать в каких-либо происходящих войнах или войнах, которые могут произойти в будущем, а также

воздерживаться от каких-либо шагов, способных к втягиванию такого государства в войну. Вследствие этого нейтральные государства не вступают в военно-политические союзы, отказываются от размещения на территории своего государства иностранных военных баз, выступают против оружия массового поражения, активно поддерживают усилия мирового сообщества в сфере разоружения, укрепления доверия и сотрудничества между государствами. Соответственно, постоянный нейтралитет устанавливается не только во время войны, но и в мирное время. Статус постоянного нейтралитета не лишает государство права на самооборону [9].

Следует отметить, что в обычной мировой практике нейтральные государства содержат регулярную армию, считающуюся достаточной для защиты своего суверенитета и территориальной целостности. В области обороны и безопасности ведется сотрудничество с другими странами, однако государства строго придерживаются принятых обязательств, связанных с международно-правовым нейтральным статусом. В вооруженных силах совершенствуется готовность войск, производится модернизация вооружения и военной техники, существует сфера подготовки военных кадров, специалисты в области обороны привлекаются к различным мероприятиям на международном уровне.

Юридическим закреплением нейтрального статуса является заключение заинтересованными государствами соответствующего международного договора с участием в нем государства, наделяемого статусом постоянного нейтралитета. Действие такого договора не обусловлено каким-либо сроком, он заключается на все будущее время, если само государство не выступит с обращением об изменении международно-правового статуса.

Каждое государство имеет суверенное право независимо определять свою внешнюю политику с учетом принципов и норм международного права. Отражением указанного права является выбор государством способов установления статуса своего постоянного нейтралитета. Это предполагает, что данный статус может быть определен государством и на основе принятия им

только соответствующих внутренних актов. Важно, чтобы в этом случае данный статус получил признание других государств. Таким образом, только полноправный субъект международного права, каким является государство, может обладать статусом постоянного нейтралитета.

Обязательства, вытекающие из статуса постоянно нейтрального государства, не могут служить ограничением его суверенитета. Ряд юристов в прошлом считал, что нейтральное государство не может быть суверенным, так как в силу своего статуса (обязанности неучастия в военных конфликтах) оно лишено «права на войну» и стеснено в свободе действий. Ошибочность данной позиции заключается в том, что такой статус приобретается именно благодаря осуществлению суверенитета, а не из-за его отсутствия. Более того, государство вправе брать на себя дополнительные обязательства. Так, Швейцария долгое время считала, что членство в ООН противоречит ее статусу постоянно нейтрального государства. И только в 2002 году по результатам уже второго проведенного референдума (первый состоялся в 1986 году) Швейцария подала заявку на вступление в данную международную организацию [11].

Нейтральные государства на различных этапах своего развития преобразовали международно-правовой институт нейтралитета в зависимости от складывающейся международной политической обстановки под влиянием разного рода факторов – экономических, политических, географических и других, а также их слияний, в связи с которыми статус нейтралитета исторически содержал ряд форм, отражавших важные его стороны. Часто данные формы по своей сути искажали правовое содержание, понятие и сущность нейтралитета.

Условия возникновения нейтралитета государства, действия нейтралитета во времени, правовая природа, отношение к воюющим сторонам составляют основу его классификации по формам.

Понятие нейтралитета и его содержание формировались из осознания его исторического и правового понимания как политического явления, а в

дальнейшем политико-правового и собственно правового явления. Это и обусловило ряд подходов к определению понятия нейтралитета, а также образованию его характеристик и признаков.

Как отмечал Б.В. Ганюшкин, различают три основные формы нейтралитета. Это «нейтралитет во время войны, постоянный нейтралитет и политика нейтралитета. Каждая из этих форм имеет свои определенные отличительные признаки и существенные черты, позволяющие отграничить их одну от другой» [7].

Ю.А. Умеренко в своем исследовании писал: «Одной из методологических ошибок является необоснованное отождествление и смешение понятия нейтралитета в его международно-правовом и политическом понимании» [6]. То есть нужно различать понятия нейтралитета в качестве института международного права и внешнеполитического инструмента. Политический статус государства, а также его юридический статус являются понятиями хотя и разными, но взаимодополняющими.

Исследователь И.П. Антонов также выделяет политический нейтралитет как вид нейтралитета в мирное время. Данный вид нейтралитета рассматривается исследователем как внешнеполитический вектор государства, который допускает изменение статуса в одностороннем порядке [8].

Кроме того, ученый указывает следующие формы нейтралитета:

- нейтралитет по продолжительности (традиционный, или временный, и постоянный);
- нейтралитет по обеспеченности (вооруженный, гарантированный, негарантированный);
- нейтралитет по исполнению государством вытекающих из статуса обязательств (абсолютный и несовершенный) [8].

В системе международного права различают следующие виды нейтралитета:

— постоянный нейтралитет: нейтральный статус суверенного государства закреплен конституцией страны и гарантирован международным договором, участником которого является государство;

— позитивный нейтралитет предполагает неучастие государства в военных блоках, активные действия государства в предотвращении войн и сохранении мира;

— традиционный нейтралитет: государственный нейтральный статус не имеет международно-правовых обязательств, не оформлен в международном договоре и соблюдается добровольной позицией государства в отношении вооруженных конфликтов;

— договорный нейтралитет: права и обязанности определяются международным договором.

Условиями возникновения, а также прекращения традиционного нейтралитета являются начало и окончание военных действий или войны. Традиционный нейтралитет предполагает наличие у нейтральной страны определенных обязанностей и прав, которые имеют юридически обязательную силу в случае возникновения определенных условий и которые прекращают свое существование одновременно с прекращением способствующих его возникновению условий.

Возникновение традиционного нейтралитета главным образом не связано только с началом войны, оно носит свойственный данной ситуации характер. Например, когда становится ясно, что разгоревшийся международный конфликт может быть решен только путем военных действий, то или иное государство может накануне установить нейтралитет на случай возникновения непредвиденных ситуаций. В этом случае по общему правилу права и обязанности нейтральных стран появляются с началом войны.

Вместе с тем государство, провозглашающее на период войны нейтральный статус, может в то же время предусмотреть некоторые ограничения, которые касаются взаимоотношений с противоборствующими государствами, для исключения вероятности возникновения военных

действий. К примеру, приостановить поставку в эту страну какой-нибудь продукции, необходимой для ведения войны или совершения агрессии. Осуществление подобных шагов выходит за пределы понимания традиционного нейтралитета, однако возможность провозглашения заранее нейтрального статуса послужила основой для возникновения постоянного нейтралитета, имеющего важное значение для поддержания международной стабильности, расширения политико-дипломатических методов, направленных на предупреждение противоречий, предотвращение разногласий и ограничение развития существующих конфликтов.

Традиционный нейтралитет может перестать соблюдаться в случае волеизъявления самого государства без вступления либо со вступлением в войну, вовлечения в войну другими противоборствующими сторонами, а также окончания войны, включая агрессию и реализацию государством собственного права на самооборону.

Традиционный нейтралитет предполагает неучастие страны в военных действиях, оставляет государство вне войны, в то время как постоянный нейтралитет предусматривает воздержание государства на постоянной основе от использования войны как средства разрешения различных международных разногласий.

Обязанности постоянно нейтрального государства в случае возникновения военного конфликта регламентированы V Гагской конвенцией о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны 1907 года и XIII Гагской конвенцией о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае морской войны 1907 года [9]. Основные положения этих конвенций сводятся к следующему: территория нейтрального государства не может быть театром военных действий; через нее воюющие стороны не могут проводить войска, военный транспорт и морские суда. Нейтральное государство не должно разрешать воюющим странам устанавливать или размещать на своей территории радиостанции и другие

средства связи, не должно снабжать их оружием, военными и иными материальными средствами или другой продукцией.

Помимо обязанностей постоянно нейтральное государство имеет определенные права: участвовать в деятельности международных межправительственных организаций, иметь свои вооруженные силы и военные объекты, оказать вооруженное сопротивление в случае нападения на него или попытки совершения агрессии.

Для получения государством постоянно нейтрального статуса необходимо его закрепление в национальном нормативном правовом акте и заключение международного договора или принятие международного акта. Данный статус может быть определен государством на основе принятия им только соответствующих внутренних актов. Например, в ст. 11 Конституции Республики Молдова провозглашен постоянный нейтралитет, но без закрепления на международном уровне он не будет гарантирован.

В современном международном праве, в котором исключено право на войну и зафиксированы принципы приверженности международным обязательствам для государств, которые имеют статус постоянного нейтралитета, созданы дополнительные гарантии его обеспечения.

В Декларации о праве морской войны от 26 февраля 1909 года и другими некоторыми международными актами, касающимися нейтралитета в военное время, определены международно-правовые нормы, в соответствии с которыми территория нейтрального государства является неприкосновенной и на ней не могут вестись военные действия.

В качестве примера можно рассмотреть Австрию, которая соблюдает постоянный нейтралитет согласно Государственному договору о восстановлении независимой и демократической Австрии от 15 мая 1955 года, а также Федеральному конституционному закону о нейтралитете Австрии от 26 октября 1955 года. Мальта провозгласила свой постоянный нейтралитет 14 мая 1981 года. При этом нейтралитет Мальты принят к сведению участниками

Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Также нейтральный статус декларируют некоторые другие страны.

Широкое распространение в послевоенные годы получил позитивный нейтралитет в связи с тем, что начали образовываться новые независимые государства, которые проводят политику неприсоединения к военным блокам и политическим союзам. В случае вооруженного нападения на государство, обладающее нейтральным статусом, оно имеет право на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии с Уставом ООН. Термин «постоянный нейтралитет» в международном праве впервые был использован в протоколе Венского конгресса.

Постоянный позитивный нейтралитет Туркменистана имеет качественно новое содержание. Он может рассматриваться как концептуальная модель, современный образец системной государственной идентификации страны в целом, что определяется следующим.

Прежде всего постоянный нейтралитет Туркменистана имеет высшую степень правовой легитимности. Его содержание определено логикой взаимоотношений между государствами региона, признано международным сообществом.

С обретением независимости Туркменистан, находясь в фазе начального развития и становления, столкнулся с принципиальным вопросом выстраивания внешнего сотрудничества, формирования принципов внешней политики, основанной на способности поддерживать национальный суверенитет и доказать суверенность государства не только внутри страны, путем соблюдения политических процедур и законов, но и во внешнем пространстве. Все эти факторы должны были поспособствовать мирному, социальному и экономическому развитию страны, обеспечению безопасности и улучшению благосостояния народа. Таким образом, знаковым решением стало принятие Туркменистаном статуса постоянного нейтралитета.

12 декабря 1995 года впервые в истории Организации Объединенных Наций произошло беспрецедентное явление. На 50-й сессии Генеральной

Ассамблеи ООН единогласно была принята Резолюция № 50/80 «Постоянный нейтралитет Туркменистана». Ни одно государство современного мира не имеет аналогичного международного статуса, что определяет особенность современного развития страны с точки зрения международного права. В данной связи Туркменистан следует рассматривать как первый и уникальный пример новой модели политико-правового самоопределения государства.

3 июня 2015 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята уже вторая резолюция, отразившая двадцатилетний опыт постоянного нейтралитета Туркменистана и отмечавшая позитивную и активную роль государства в развитии и поддержании взаимовыгодных мирных отношений со странами региона, а также другими государствами мира. Придерживаясь установленного порядка, основанного на международном праве, взаимодействуя с авторитетными международными структурами, Туркменистан проводит гибкую международную политику, нацеленную на разрешение актуальных международных проблем.

Заключение

Постоянный нейтралитет как правовое явление открывает новые возможности для государств и международных организаций для их совместных действий в расширении международного сотрудничества в таких важных сферах международной деятельности, как обеспечение международной безопасности, экономическое, социальное и гуманитарное развитие, соблюдение прав человека, а также способствует достижению целей и задач Организации Объединенных Наций.

Таким образом, в современных условиях сложилась концептуальная модель позитивного нейтралитета. В международном праве оформилась и эффективно применяется соответствующая категория, отражающая новую политико-правовую реальность. Постоянный нейтралитет способен стать одним из главных факторов бесконфликтного развития, международного сотрудничества и мирного сосуществования наций и народов.

Список литературы

1. Бердымухамедов, Г. М. К новым высотам прогресса. Избранные произведения: т. 1-9. Ашгабат, 2008–2016;
2. Концепция внешней политики Туркменистан как нейтрального государства: [принята Нар. Советом Турк. 27 дек. 1995 г.];
3. Выступление Президента Туркменистана Бердымухамедова Г. М. на 75-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН 22 сен. 2020 г.;
4. Умеренко, Ю.А. Институт нейтралитета в международном праве: вопросы теории и практики: дис...канд.юрид.наук: 12.00.10 / Умеренко Юрий Александрович. М., 2011. С. 3., С. 5;
5. Нольде, Б.Э. Постоянно нейтральное государство. – СПб., 1905. С. 126; Оппенгейм Л. Международное право. Т. II. Война. Нейтралитет / Пер. с англ. А.А. Санталова и В.И. Шиганского. Под ред. С.А. Голунского. – М., 1950. С. 185.
6. Умеренко, Ю.А. Формы нейтралитета в международном праве / Ю. А. Умеренко // Современное право. 2011. № 9. С. 98-103;
7. Ганюшкин, Б. В. Нейтралитет и неприсоединение. Международные отношения. Москва, 1965. С. 5-23;
8. Антонов, И. П. Право нейтралитета в германской доктрине международного права//Международное публичное и частное право. -М.: Юрист, 2007. № 6. С. 24-26;
9. Тиунов, О. И. Нейтралитет в международном праве : учебное пособие / О. И. Тиунов. – Пермь, 1968. С. 78., С. 158;
10. Дурденевский, В.Н. Нейтралитет в системе коллективной безопасности//Советское государство и право. -М.: Наука, 1957. № 8. С. 86.;
11. Фокина С.В., Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина. Нейтралитет Швейцарии: История становления. Тамбов: Грамота, 2015. № 1. Ч. 2. С. 200-202.;
12. Конституционный закон Туркменистана о постоянном нейтралитете Туркменистана: офиц. текст. – Ашхабад, №99-1 от 27 дек. 1995 г.;
13. Декларация о внешнеполитическом курсе Туркменистана в XXI веке, основанном на постоянном нейтралитете, принципах миролюбия, добрососедства и демократии: [принята Нар. Советом Турк. 27 дек. 1999 г.].

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Бочков Данил Андреевич,
соискатель МГИМО (У) МИД России,
эксперт Российского совета по международным делам (РСМД),
bochkov.d.a@my.mgimo.ru

Danil A. Bochkov,
Postgraduate Degree Student of the MGIMO-University,
expert of the Russian International Affairs Council (RIAC),
bochkov.d.a@my.mgimo.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КИТАЯ И ИНДИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

ECONOMIC RELATIONS OF CHINA AND INDIA IN THE CONTEXT OF FORMATION OF THE INDO-PACIFIC REGION

Аннотация: в статье рассматривается экономическая сторона китайско-индийских отношений, которая наряду с контактами в сферах политики и безопасности оказывает непосредственное воздействие на процессы формирования макрорегиона на пространстве Индийского и Тихого океанов, а также конкуренцию ведущих игроков за конструирование регионального порядка. Целью работы служит анализ текущего состояния торгово-экономических связей Индии и Китая, с тем чтобы определить характер и степень их воздействия на региональные политэкономические процессы в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), протекающие на фоне углубления кризиса политического доверия, вызванного периодическими эскалациями пограничного конфликта.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион (ИТР), китайско-индийские экономические отношения, экономика, инвестиции, торговля, Китай, Индия.

Abstract: the article examines the economic side of Sino-Indian relations, which, along with their contacts in politics and security, has a direct impact on the formation of a macro-region in the Indo-Pacific region, as well as the competition of leading players for the construction of a regional order. The purpose is to analyze the current state of economic relations between India and China in order to determine their nature and role in regional political and economic processes against the backdrop of degrading political confidence caused by periodic escalations of the border conflict.

Keywords: Indo-Pacific region, Sino-Indian economic relations, trade, investment, economy, China, India.

Введение

Тема китайско-индийских экономических отношений сегодня представляет большой интерес, учитывая место обеих стран в мировой экономической системе, а также их динамичное развитие. По номинальному объему внутреннего валового продукта, согласно данным Всемирного банка на 2021 год, Китай и Индия входят в список пяти ведущих стран мира, занимая соответственно 2-е и 5-е места [32]. Ежегодный рост их экономик превышал 8 %, что было больше общемирового темпа в 5 % [32]. Однако в 2022 году наблюдалось снижение данного показателя, это было связано с негативными последствиями ограничений, введенных в период пандемии COVID-19 [32]. По подсчетам консалтингового агентства PwC на 2023 год, доля Китая и Индии в мировой экономике в номинальном выражении составляет 21 %, что, например, превосходит показатель всей Еврозоны [26]. Также прогнозируется опережающий общемировые темпы восстановительный рост экономик Китая и Индии, который до 2027 года будет составлять порядка 5 % для Китая и 6 % – для Индии [26].

Цель работы состоит в анализе текущего состояния китайско-индийских экономических отношений и их влияния на политэкономические процессы в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). В этой связи рассмотрены основные аспекты отношений Китая и Индии в сферах торговли, инвестиций и сотрудничества на международных финансовых площадках, а также затронуты вопросы усиления региональной конкуренции двух стран, как по причине реализации амбициозных целей национального развития и внешнеэкономических приоритетов, так и вследствие сохраняющихся политических разногласий.

На двустороннем уровне наблюдается двойственность китайско-индийских отношений, при которой напряженность приграничного вопроса и соперничество за региональное лидерство сосуществуют с достаточно динамичным сотрудничеством в торгово-экономической сфере и общностью позиций по продвижению интересов развивающихся стран на мировой арене,

а также по вопросам противодействия нетрадиционным вызовам и угрозам. Анализ двусторонних отношений Китая и Индии на основе положений теории международной политэкономии (МПЭ) позволяет представить сложную картину взаимоотношений Пекина и Нью-Дели как на двустороннем, так и на региональном уровнях, учитывая тесную взаимосвязь политических и экономических факторов, а также вопросов региональной безопасности.

Международная политэкономия (МПЭ) формируется в результате продиктованного национальными политическими и экономическими интересами взаимодействия государств на двустороннем уровне и через специализированные международные институты [15]. Т. Оутли подчеркивал, что МПЭ изучает «то, как политика формирует изменения, происходящие в глобальной экономике, и наоборот – как глобальная экономика влияет на политику...» [23]. Формирование макрорегиона ИТР и конструирование в нем регионального порядка как способа организации внутренней структуры данной региональной подсистемы происходит под влиянием двусторонних отношений одних из ведущих региональных держав – Китая и Индии, на которые, в свою очередь, воздействует целый комплекс политических и экономических факторов, продиктованных как внутренними (национальные политические и экономические интересы), так и внешними переменными (региональная конкуренция, вопросы обеспечения безопасности). На двустороннем уровне китайско-индийские экономические отношения характеризуются наличием определенных дисбалансов в структуре торговли, при которой Индия испытывает отрицательное сальдо торгового баланса и стремится защитить национальных производителей, усиливая правила контроля за иностранными инвестициями.

Концепция Индо-Тихоокеанского региона первоначально появилась в научных исследованиях, относящихся к изучению взаимосвязанных военно-политических и экономических процессов, протекающих на едином макропространстве Индийского и Тихого океанов. В этом смысле она появляется в заметных работах Г. Кхураны в 2007 году [18], а также Д. Скотта

[27] и Р. Медкалфа [22]. Позднее, когда данная взаимозависимость начала стремительно усиливаться и события, происходящие в акваториях обоих океанов, стали все более связанными, ведущие акторы глобальной и региональной политики приступили к разработке национальных стратегий позиционирования в регионе: Австралия (2012), Япония (2016), США (2017, 2022), Индия (2018), Франция (2018), АСЕАН («видение» ИТР, 2019), Германия (2020), ЕС (2021), Великобритания (2021), Республика Корея (2022), Канада (2022). Среди российских исследователей о формировании особой подсистемы международных отношений на пространстве Индийского и Тихого океанов с участием Индии, активной роли Китая, США и их союзников писали С.И. Лунев [1], А.А. Киреева [19], И.А. Истомина [5], Д.В. Воскресенский [2]. Географические рамки региона в наиболее широкой интерпретации охватывают все пространство от африканского побережья Индийского океана до американской части Тихого. Однако для концентрации на проблематике китайско-индийских отношений в данной работе целесообразно сузить границы до пространства от западной части Индийского океана до азиатской части Тихого.

Китайско-индийские отношения в торговле

Наиболее активная динамика двусторонних китайско-индийских экономических контактов наблюдается в торговле, о чем свидетельствуют цифры годовых показателей товарооборота. Так, в 2000 году объем двусторонней торговли составил около 3 млрд долл., а в 2016 году – уже 70 млрд долл. Незначительное снижение объемов было зафиксировано по итогам 2020 года и связано с негативными экономическими последствиями COVID-19. Рекорд двусторонней торговли 2021 года в размере 120 млрд долл. был побит в 2022 году, когда данный показатель достиг почти 136 млрд долл., чему способствовал рекордный прирост индийского импорта из Китая, увеличившийся на 21 % [16].

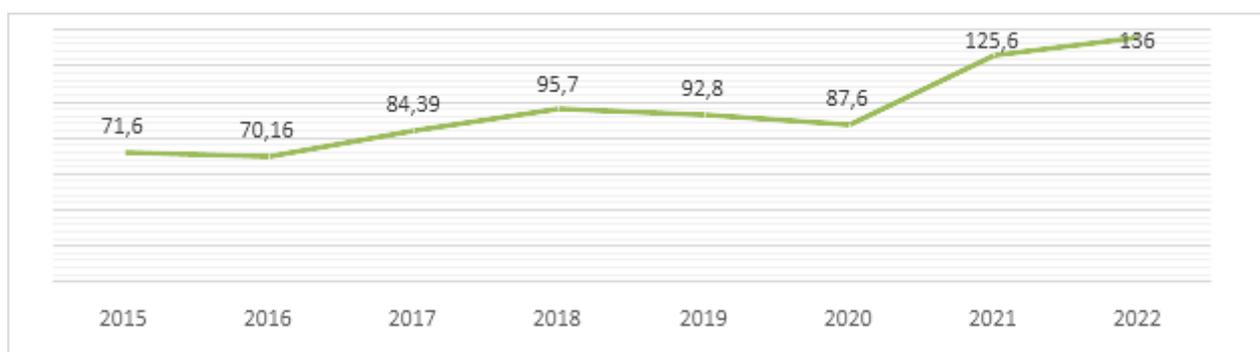

Рис 1. Товарооборот Индии и Китая в млрд долл. (2015–2022 гг.) [16]

Индия занимает 8-е место среди крупнейших торговых партнеров Китая с долей в 3 % от совокупного объема китайского экспорта [33], в то время как Китай является вторым по величине после США торговым партнером Индии с долей в ее экспорте более чем 10 % [28]. Вместе с тем индийско-китайские торговые отношения нельзя назвать равнозначными, так как торговый баланс исторически складывался не в пользу Индии, испытывающей на постоянной основе отрицательное сальдо, которое по итогам 2022 года достигло 101,02 млрд долл., увеличившись на 45 % с 2021 года [20].

Во многом это объясняется спецификой структуры экономик обеих стран. Индия, исходя из уровня своего технологического развития, производит продукцию с относительно невысокой добавленной стоимостью, которая составляет до 2/3 ее экспорта в КНР, в то время как Китай поставляет в Индию товары с более высокой добавленной стоимостью. Товары Индии менее конкурентоспособны на китайском рынке, а часть продукции страны с более высокой добавленной стоимостью, как, например, электрооборудование, детали самолетов и двигателей, а также автокомпоненты, считаются недоиспользованным экспортным потенциалом Индии в Китай [14]. О чрезмерной зависимости Индии от китайского импорта говорит и тот факт, что значительное число индийских производителей понесли ощутимые издержки от нарушения логистических и производственных цепочек, вызванных введенными в Китае ограничениями в период пандемии COVID-19 [7].

Между тем обе стороны регулярно обсуждают проблему дефицита торгового баланса для Индии, в том числе и по линии межминистерской

площадки развития двустороннего торгово-экономического сотрудничества – Совместной индийско-китайской группы по экономическим связям, торговле, науке и технике. Некоторые шаги были предприняты в 2019 году³, включая согласие Китая расширить доступ на свой рынок для сельскохозяйственных товаров из Индии, а также рыбной продукции и табака, в связи с чем были подписаны соответствующие протоколы [29]. Положительную роль сыграла и продолжающаяся с 2018 года американо-китайская торговая война, которая спровоцировала взаимный обмен тарифными ограничениями между Пекином и Вашингтоном, что в итоге подтолкнуло Китай к увеличению импорта продукции региональных торговых партнеров, включая и Индию [29]. Однако серия приграничных конфликтов в 2020–2022 годах оказала негативное влияние на наметившуюся положительную динамику переговорного процесса.

Дополнительными препятствиями для оптимизации торгового баланса, на которые обращает внимание руководство Индии, являются нетарифные ограничения (таможенные требования, стандарты, сертификация и пр.), вводимые китайской стороной. Так, Индия конкурентоспособна в секторе оказания потребительских услуг, включая IT-сектор. Однако закрепиться на китайском рынке мешают языковой барьер (индийские IT-компании преимущественно ориентированы на англоговорящие страны) и вводимые со стороны Китая ограничения, связанные во многом с тем, чтобы устранить потенциальных конкурентов для китайских компаний из отрасли, 95 % выручки которых приходится на внутренний рынок страны [25]. Также Нью-Дели периодически поднимает вопрос манипулирования антидемпинговыми нормами со стороны китайских предприятий, в связи с чем в начале 2023 года Индия объявила о планах рассмотреть введение ряда дополнительных тарифных и нетарифных мер, направленных на сокращение импорта некоторых второстепенных потребительских товаров, включая продукцию электроники.

³ на фоне улучшения двусторонних отношений после череды неформальных саммитов глав государств Си Цзиньпина и Н. Моди в 2018 и 2019 годах

Однако, по мнению китайских специалистов, Индии стоит также учитывать и положительную сторону от увеличения китайского импорта, так как она получает дополнительную выгоду от «перелива технологий» (цзишу дэ ичу) и стимулирования внутреннего производства, и как результат – повышение экспортного потенциала экономики страны [7]. Ведущие китайские производители, включая Xiaomi, OnePlus и Oppo, в частности, выпускают свою продукцию у местных лицензированных производителей, а в случае с Xiaomi процент локализации по ряду товарных позиций, в том числе смартфонов и телевизоров, составляет от 75 до 100 % соответственно [30]. В конце 2022 года появилась информация о том, что правительство Индии готово разрешить китайским фирмам расширить присутствие в секторе высокотехнологичной электроники в том случае, если они создадут производственные подразделения в партнерстве с местными компаниями [25].

Как замечает Лю Цзуньи, глава Исследовательского центра Китая и Южной Азии при Шанхайском институте международных исследований, индийская экономика, демонстрируя заметный восстановительный рост после пандемии, импортирует из Китая много промежуточной продукции, которая в дальнейшем направляется на экспорт в Европу и США в виде готовых изделий, что также делает Индию бенефициаром от увеличения объемов торговли с КНР [7]. В 2022 году Судхеендра Кулкарни из Observer Research Foundation (Mumbai) отмечал, что, учитывая численность населения, размеры рынков и быстрое социально-экономическое развитие Китая и Индии, их двусторонний объем торговли вполне мог бы достигать отметки в 300 млрд долл. [9].

Кроме того, китайско-индийская двусторонняя торговля характеризуется высокой степенью торговой комплементарности, когда Китай экспортирует в Индию высокотехнологичную продукцию, а импортирует товары с относительно невысокой добавленной стоимостью [3]. Некоторые индийские эксперты, с учетом характера двусторонней торговли Китая и Индии, также отмечают, что их экономические отношения находятся в состоянии между идеальными партнерами и идеальными конкурентами, так

как индекс взаимодополняемости торговли для стран составляет 50, тогда как показатель в 100 характерен для максимально возможного совпадения компонентов экспортно-импортной структуры торговли [10].

Так или иначе, в сложившейся ситуации Индия продолжает играть роль поставщика сырьевых ресурсов в Китай и продукции с относительно невысокой добавленной стоимостью, в то время как сама остается критически зависимой от более высокотехнологичной продукции КНР, включая продукцию микроэлектроники и фармацевтики. В 2022 году Китай поставлял в Индию 70 % активных фармацевтических компонентов для изготовления дженериков, в то время как доля китайских производителей смартфонов составила 63 % от индийского рынка [8]. Представляется, что сильная зависимость Индии от импорта китайских высокотехнологичных товаров, а также желание Пекина сохранить доступ на емкий индийский рынок могут привносить определенный элемент стабильности в китайско-индийские отношения, удерживая обе стороны от чрезмерно агрессивных действий в адрес друг друга. При этом вопрос «выравнивания» торгового баланса продолжает остро стоять перед руководством Индии.

Инвестиционное сотрудничество Китая и Индии

Ярким примером усиления инвестиционного сотрудничества стал пятикратный прирост объема частных инвестиций в индийские предприятия со стороны китайских компаний в 2014–2017 годах, которые увеличились с 1,6 млрд долл. до 8 млрд долл. [21]. Эксперты КНР при этом отмечают более значимые темпы увеличения китайских ПИИ в Индию в 2014–2019 годах, подчеркивая, что совокупный прирост составил 11 %, а основными направлениями стали инвестиции в создание новых предприятий (33,7 %), сектор потребительских услуг (30 %) и энергетику (21 %) [4]. Несмотря на это, китайско-индийское инвестиционное сотрудничество в целом отстает от более активной динамики в торговле. Китайские инвестиции в Индию снизились в 2020 году (вследствие усиления пограничной напряженности) и составили 200

млн долл., а индийские инвестиции в Китай были еще меньше – 12 млн долл. [6]. По китайским статистическим данным, в 2020 году Индия занимала 18-е место в списке 20 стран, где Китай открыл свои зарубежные предприятия [6].

Достаточно слабые показатели китайско-индийского инвестиционного сотрудничества в основном связаны с сохранением политической напряженности из-за тлеющего пограничного спора, когда компании являются заложниками неопределенности динамики двусторонних отношений. Дополнительной причиной снижения темпов взаимных инвестиций стала принципиальная позиция Нью-Дели относительно усиления государственного контроля за инвестиционными предложениями от соседних государств. Данные правила были значительно ужесточены в 2020 году по причине опасений массовых поглощений индийских компаний, пострадавших от негативных последствий COVID-19. В 2020 году в качестве меры экономического давления после пограничного инцидента 2020 года в долине реки Галван (районе Ладахка) Индия ввела запрет на 200 китайских приложений для мобильных устройств. Несмотря на такой недружественный шаг, подобные ограничения не принимаются регулярно, а являются либо реакцией на конкретные пограничные инциденты, либо частью более глобальной политики Нью-Дели по защите национальных производителей от внешнего контроля со стороны не только Китая, но также и других соседних стран, включая Пакистан и Бангладеш.

С апреля 2020 по июнь 2021 года Индия получила от китайских компаний более 120 предложений о прямых иностранных инвестициях на общую сумму около 1,63 млрд долл. [12]. В последние годы Китай сконцентрировался на инвестициях в IT-отрасль Индии, куда в 2018 году было направлено порядка 3,5 млрд долл. [24]. Кроме того, китайские эксперты отмечают снижение темпов инвестиционной активности предприятий КНР в Индии в 2020–2022 годах [4]. В 2022 году Индия одобрила 80 из 382 предложений от китайских контрагентов о прямых иностранных инвестициях, которые поступили уже после ужесточения контроля в 2020 году [31]. Среди

ключевых причин, помимо ужесточения контроля за внешними инвестициями со стороны правительства Индии, китайская сторона выделяет также и сохранение сложной институциональной среды, запутанного налогового регулирования, непрозрачных надзорных требований и фактически использование мер торгового протекционизма, что остается характерным для текущей экономической политики премьер-министра страны Н. Моди «Делай в Индии» [4].

Региональное сотрудничество и конкуренция Китая и Индии

Китай и Индия усиливают конкуренцию за экономическое лидерство внутри ИТР, что, согласно положениям МПЭ, во многом обусловлено их нацеленностью на всестороннее усиление своего регионального влияния прежде всего в экономике за получение большей выгоды, а также в сферах политики и безопасности. Так, Китай расширяет свое присутствие в регионе Южной Азии и Индийского океана за счет углубления связей с Пакистаном, Бангладеш, Шри-Ланкой, Непалом и Бутаном как по военно-политическим аспектам, так и в экономическом плане в основном через инициативу «Один пояс – один путь» (ОПОП).

Нью-Дели в ответ на активность Китая по продвижению ОПОП предлагает свои проекты развития экономического сотрудничества в регионе, как в рамках политики «Действуй на Востоке» и «Дорожной карты для Южной Азии», так и на многостороннем уровне в сотрудничестве с другими ведущими региональными участниками, например Японией, предлагая в качестве альтернативы ОПОП Азиатско-африканский коридор роста [11]. Индия активно критикует ОПОП как попытку Китая расширить свое экономическое присутствие в зоне ее традиционных интересов, включая регион Южной Азии и Индийского океана [11]. Она также не приемлет развитие Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), флагманского проекта ОПОП, который проходит в том числе и через оспариваемый Индией и Пакистаном Кашмир.

Дальнейшее расширение торгово-экономического сотрудничества на данном этапе усугубляется рядом сохраняющихся проблем и разногласий двусторонних отношений: приграничный вопрос⁴; углубление сотрудничества Китая с Пакистаном, в том числе через расширение военно-политических связей и развитие КПЭК; усиление дипломатического, экономического и военно-морского присутствия Пекина в зоне стратегических интересов Индии в регионе Южной Азии и Индийского океана. Нью-Дели опасается реализации так называемой концепции «нити жемчуга», предполагающей создание китайских военно-стратегических объектов по периметру ее морских границ, и внимательно наблюдает за ростом «проблемных должников» из числа своих соседей, которые попадают в долговую зависимость от КНР, как это произошло в 2017 году со Шри-Ланкой, вынужденной передать Китаю в аренду на 99 лет глубоководный порт Хамбантога в качестве меры по реструктуризации долга.

Китай, в свою очередь, видит угрозу в элементах антикитайской политики Индии, выражающихся в развитии многопланового сотрудничества с США и их союзниками в ИТР в рамках совместной деятельности Индии и стран – участниц Quad (США, Австралия, Япония), проведения регулярных многосторонних (Malabar и RIMPAC) и двусторонних (Индия – Филиппины, Индия – Вьетнам, Индия – Сингапур) военно-морских учений. В ноябре 2022 года в расположенном в Гималаях индийском северном штате Уттаракханд, граничащем с Китаем, прошел 18-й раунд ежегодных военных маневров США и Индии Yudh Abhyas. Политические разногласия такого рода оказывают непосредственное влияние на сдерживание более интенсивного развития экономических связей. Несмотря на то что в целом по торговому взаимодействию наблюдается положительная динамика, в вопросах инвестиционной деятельности и взаимной либерализации рынков

⁴ Отсутствие демаркации и делимитации границы и связанные с этим споры за Аксайчин и Аруначал-Прадеш, а также периодические столкновения на разных участках Линии фактического контроля: на плато Доклам (2017 год), в районе Ладакха (2020 год) и в районе Таванга (2022 год)

сохраняются значительные препятствия, что не соответствует истинному потенциалу сотрудничества между экономиками такого масштаба.

Одновременно с ростом взаимного товарооборота страны развивают сотрудничество на международных финансово-экономических площадках. Например, наблюдается общность позиций Китая и Индии по поводу необходимости реформы институтов глобального управления с тем, чтобы повысить роль развивающихся стран. Пекин и Нью-Дели неоднократно призывали к торпедированию процесса реформ Международного валютного фонда (МФВ), Всемирного банка и Всемирной торговой организации (ВТО) с целью увеличения как квот для представительства развивающихся экономик, так и их более активного участия в системе голосования, чтобы усилить роль в международной монетарной политике и усовершенствовании правил международной торговли.

Координация действий двух стран заметна и в рамках созданных в 2014 году Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Нового банка развития БРИКС, которые продвигаются обеими странами как одни из столпов новой системы многостороннего управления глобальной экономикой. Китай инициировал запуск АБИИ в 2013 году с тем, чтобы поддержать развитие региональных проектов в Азии под эгидой инициативы ОПОП. На долю Пекина приходится 30 % голосующих акций Банка, что дает ему право вето на любые решения о финансировании проектов, требующих квалифицированного большинства всех стран – учредителей Банка [17].

Хотя Индия не присоединилась к ОПОП и сохраняет настороженное отношение к Китаю в связи с периодической эскалацией пограничных вопросов, она выступает в роли одного из наиболее активных участников АБИИ и занимает 2-е место (7,59 %) после самой КНР (26,58 %) по количеству голосующих акций. Индия является не только одним из сооснователей Банка, но и его крупнейшим заемщиком, получая кредиты на различные цели национального развития: от преодоления последствий COVID-19 до финансирования крупных инфраструктурных проектов. В 2020 году на Индию

приходилось 25 % всех выданных Банком займов [13]. По состоянию на 2021 год АБИИ одобрил 147 проектов в Индии на общую сумму в размере 28,9 млрд долларов [17]. Одобрение займа для любого индийского проекта невозможно без поддержки со стороны Китая как крупнейшего держателя акций Банка, несмотря на то что он является международным финансовым институтом. Это также свидетельствует о положительной динамике в китайско-индийском экономическом сотрудничестве.

Заключение

Отношения Китая и Индии играют роль одного из ведущих факторов, влияющих на процессы формирования Индо-Тихоокеанского региона, так как представляют контакты между наиболее динамично растущими экономиками Азии, имеющими сильное военно-политическое и экономическое присутствие и значительные стратегические интересы в регионе, а также выдвигающими амбициозные цели национального развития. Заинтересованность обеих стран в сохранении положительной динамики двусторонних экономических отношений обусловлена поступательным ростом взаимной торговли, относительно высокой степенью ее взаимодополняемости, сотрудничеством на международных финансовых площадках, сложившейся зависимостью Индии от импорта определенных видов продукции с высокой добавленной стоимостью, а также компонентов, которые необходимы для использования во внутреннем производстве и дальнейшего экспорта уже готовой продукции на внешние рынки.

Вместе с тем по ряду направлений двусторонних экономических отношений наблюдаются и противоположные процессы: инвестиционное сотрудничество в силу сохраняющейся политической напряженности и взаимного недоверия значительно отстает от темпов роста торговли, вопрос взаимной либерализации рынков и снижения многочисленных тарифных и нетарифных ограничений также остается производным от непредсказуемости динамики политического общения, а региональная конкуренция Китая и

Индии за лидерство в экономической системе формирующегося макрорегиона ИТР набирает обороты.

Китайско-индийские отношения представляют собой развивающееся сотрудничество по вопросам торговли и взаимодействия на международных финансовых площадках с одновременным сохранением напряженности в военно-политической сфере. В то же время представляется, что обе стороны заинтересованы в избегании жесткой конфронтации, так как сценарий затяжного военного конфликта чреват серьезными экономическими потерями для Индии и Китая как от разрыва логистических связей, так и снижения активности их двусторонней торговли и инвестиционной привлекательности для иностранного капитала. Кроме того, в случае любой эскалации Индия может начать еще сильнее ориентироваться на США, что неизбежно приведет к усилению антикитайского блока в ИТР.

Изменение динамики китайско-индийских отношений в сторону большего сотрудничества или соперничества оказывает непосредственное влияние и на процессы формирования регионального порядка в ИТР. Если напряженность в отношениях Китая и Индии станет значительно усиливаться, а обострения пограничного спора будут происходить все чаще, то уровень политической враждебности и взаимного недоверия продолжит нарастать. В таком случае региональный порядок в ИТР будет подвержен влиянию негативных факторов и станет тяготеть в сторону большей конфронтации и биполярности, где роль Индии будет сводиться к балансированию позиций Китая близостью к региональным союзам под эгидой США. Однако в том случае, если демонстрируемая сегодня обоюдная заинтересованность Пекина и Нью-Дели в обеспечении выгодных торгово-экономических отношений, сохранении предсказуемости двусторонних контактов и поддержании общей региональной стабильности возобладает, то региональный порядок будет тяготеть к большей устойчивости и полицентричности.

Список литературы

1. «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы / А. В. Торкунов, А. А. Байков, А. В. Виноградов [и др.]; под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова, Е. В. Колдуновой; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России. – Москва: Аспект Пресс, 2022. – 256 с. : ил., табл. – Режим доступа: по подписке.
2. Воскресенский А.В. Что такое для нас Китай? // Сравнительная политика. 2020. №2. 5-8.
3. Галищева Н.В., Решикова М. С. (2022). Индийско-китайская торговля: история, современное состояние и перспективы развития. Экономический журнал Высшей школы экономики, 26 (2), 307-332.
4. Жэнь Цзэпин. Чжунго цие фу иньду тоуцзы дэ кэгуань пингу [Объективная оценка китайских предприятий, инвестирующих в Индию]. Синьлан синьвэнь [Sina]. 28.07.2022. URL: <https://finance.sina.cn/zl/2022-07-28/zl-imizirav5685483.d.html?from=wap>
5. Истомин И.А. Политика США в Индо-Тихоокеанском регионе: последствия для России: рабочая тетрадь. РСМД № 49 /2019/ [И. А. Истомин; гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: НП РСМД, 2019. – 44 с.
6. Цай Тунцзюань, Дин Цзян. Чжунбинь чжаньлюэ хэцзо ючжуй шиче хэпин юй фачжань [Китайско-индийское стратегическое сотрудничество способствует миру и развитию во всем мире]. Чжунгован. 06.04.2022, URL: http://www.china.com.cn/opinion2020/2022-04/06/content_78150078.shtml
7. Цянь Сяоянь. Цюйнянь чжун инь маои э цай чуан синьгао, чжуаньцзя иньду мэи бяо “динчжэ нича бу фан” [В прошлом году объем торговли между Китаем и Индией достиг нового максимума. Эксперты: Индии не нужно «заключиваться на дефиците»]. Ди и цайцин [Китайские деловые новости]. 15.01.2023. URL: <https://m.yicai.com/news/101650812.html>
8. Чжанлянь. Чжунбинь нэнфоу цзян+хоаб+цюаньцю гунбинляньонг шэнти? Чжунго цайцы чэн иньду цзуйда маои хобань [Могут ли Китай и Индия создать симбиоз глобальных цепочек поставок G2+ или A6+? Китай снова стал крупнейшим торговым партнером Индии] // 17.04.2022, URL: <https://www.163.com/dy/article/H56A58DK0512AE4K.html>
9. Чжан Ядун. Хутун ю у ди чжун инь шанпинь маои [Китайско-индийская торговля товарами]. “Цзоу чуцуй” даохан ван [Интернет-портал «Выход» Китайского международного центра электронной коммерции Министерства торговли КНР]. 09.06.2022. URL: <https://www.investgo.cn/article/yw/tzyj/202206/607122.html>
10. Archana V. The potential impact of China-India free trade agreement on Chinese and Indian industries //China Economic Journal. – 2019. – Т. 12. – №. 3. – С. 297-315.
11. Baruah D. M. India's answer to the belt and road: A road map for South Asia. Carnegie India. August 21, 2018. URL: <https://carnegieindia.org/2018/08/21/indias-answer-to-belt-and-road-road-map-for-south-asia-pub-77071>

12. Business Standard. China is India's largest trading partner but New Delhi will not lower guard. 11.06.2021, URL: https://www.business-standard.com/article/economy-policy/china-is-india-s-largest-trading-partner-but-new-delhi-will-not-lower-guard-121061100531_1.html
13. Economic Times. AIIB to step up lending in India; plans to approve loans worth USD 3 billion in next 12 months. 30.07.2020, URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/finance/aib-to-step-up-lending-in-india-plans-to-approve-loans-worth-usd-3-billion-in-next-12-months/articleshow/77258337.cms?from=mdr>
14. Economic Times. India can explore USD 82 billion export potential in 20 products in China: Report, https://economictimes.indiatimes.com/news/economy/foreign-trade/india-can-explore-usd-82-billion-export-potential-in-20-products-in-china-report/articleshow/73073651.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst
15. Gilpin R. Global political economy: understanding the international economic order / Robert Gilpin with the assistance of Jean M. Gilpin. p. 411. 2001 by Princeton University Press, pp.3-10.
16. Imports and Exports by Country (Region) of Origin/Destination, 12.2022. General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/2d05960c-26ca-453b-b7b6-ce4d7af378b1.html>
17. Jordan Z., Deliwala S. Why Washington Should Care About India's Support for the AIIB. CFR. May 24, 2022. URL: <https://www.cfr.org/blog/why-washington-should-care-about-indias-support-aiib#:~:text=Although%20India%20is%20yet%20to,serves%20as%20AIIB's%20vice%20president>.
18. Khurana G. S. Security of sea lines: Prospects for India–Japan cooperation // Strategic analysis. – 2007. – Т. 31. – №. 1. – С. 139-153. с. 1-2
19. Kireeva A. The Indo-Pacific in the Strategies of the U.S. and Japan. Common and Distinctive Features, Implications for Russia // Russia in Global Affairs. — July-September 2020. — Vol. 18. №3. — Pp. 98-127. — URL: <https://eng.globalaffairs.ru/wp-content/uploads/2020/09/098-127.pdf>.
20. Krishnan A. India's imports from China reach record high in 2022, trade deficit surges beyond \$100 billion. The Hindu. January 13, 2023. URL: <https://www.thehindu.com/news/international/indias-imports-from-china-reach-record-high-in-2022-trade-deficit-surges-beyond-100-billion/article66372861.ece>
21. Krishnan A. Following the money: China Inc's growing stake in India-China relations. Brookings. March 30, 2020. <https://www.brookings.edu/research/following-the-money-china-incs-growing-stake-in-india-china-relations/>
22. Medcalf R. In defence of the Indo-Pacific: Australia's new strategic map // Australian Journal of International Affairs. – 2014. – Т. 68. – №. 4. – С. 470-483., cc. 471
23. Oatley T. International political economy. – Routledge, p. 430, 2018
24. Parkin B. US and China investors battle over Indian digital payments boom / Financial Times. 04.08.2019, URL: <https://www.ft.com/content/47e2208a-b2a6-11e9-8cb2-799a3a8cf37b>

25. Rathee K. Chinese firms may be allowed in high-tech electronics in JV with Indian companies. The Economic Times. Nov 02, 2022. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/india/chinese-firms-may-be-allowed-in-high-tech-electronics-in-jv-with-indian-companies/articleshow/95240348.cms>
26. PwC. Global Economy Watch – Projections. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/research-insights/economy/global-economy-watch/projections.html>
27. Scott D. India and the Allure of the ‘Indo-Pacific’ //International Studies. – 2012. – Т. 49. – №. 3-4. – С. 165-188. сс. 1-3
28. Sen A. US regains top spot as India’s trade partner in 2021. Though China slipped to second position, its exports to India spiraled. Buisness Line. February 03, 2022. URL: <https://www.thehindubusinessline.com/economy/us-regains-top-spot-as-indias-trade-partner-in-2021/article64965475.ece>
29. Sharma K. India keeps pushing to cut trade deficit with China. Nikkei Asia. July 26, 2019. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/India-keeps-pushing-to-cut-trade-deficit-with-China>
30. Singh S. Xiaomi ramps up India manufacturing, says more than 99% of its smartphones, 100% of Mi TVs now ‘Made in India’. Financial Express. February 25, 2021. URL: <https://www.financialexpress.com/life/technology-xiaomi-ramps-up-india-manufacturing-says-more-than-99-of-its-smartphones-100-of-mi-tvs-now-made-in-india-2201751/>
31. Times Now. India clears 80 FDI proposals involving Chinese entities. 06.07.2022, URL: <https://www.timesnownews.com/business-economy/economy/india-clears-80-fdi-proposals-involving-chinese-entities-article-92689187>
32. World Bank. GDP (current US\$) - India, China. URL: https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=IN-CN&most_recent_value_desc=true
33. Workman D. China’s Top Trading Partners. 2021. Available at: <https://www.worldstopexports.com/chinas-top-import-partners/>

Трибуна молодых ученых

Кургинова Дарья Юрьевна,
стажер-исследователь Университета префектуры Симанэ (Япония),
магистрант,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
kukurg@rambler.ru
Daria J. Kurginova,
Research Assistant at Shimane Prefectural University (Japan),
Master's student,
Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
kukurg@rambler.ru

РОССИЯ В ТРУДАХ ЯПОНСКИХ АЗИАТИСТОВ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА⁵

RUSSIA IN THE WORKS OF JAPANESE ASIATISTS
OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY⁶

Аннотация: конец XIX века в истории социально-политической мысли Японии ознаменовался ростом популярности идей азиатизма (или паназиатизма), согласно которым Азии и ее народам необходимо объединиться, чтобы остановить процесс колонизации. При этом в число «западных держав», которым требовалось дать отпор, вошла и Россия, несмотря на то что для европейского общества она считалась варварской и азиатской. Таким образом, в рамках доклада автор предпринимает попытку охарактеризовать взгляд азиатистов на образ России и ее роль на международной арене. В качестве метода используются политико-текстологический, дискурс- и контент-анализ.

Ключевые слова: азиатизм, паназиатизм, русофобия, Япония, Тояма Мицуру, Утида Рёхэй, Кита Икки, Сугияма Сигемару, история социально-политических учений.

Abstract: the end of the 19th century in the history of socio-political thought in Japan was marked by the growing popularity of the ideas of Asianism (or pan-Asiatism), according to which Asia and its peoples should unite to stop the process of colonization. At the same time, Russia was also included among the “Western

⁵ Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке Ученого совета факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках реализации научного проекта «Мифы о России: особенности "восточной" русофобии». В основе статьи лежит выступление автора на конференции «Восток – Запад» научно-исторического общества «Ваганты».

⁶ Acknowledgments: the article was prepared with the financial support of the Academic Council of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University within the framework of the scientific project “Myths about Russia: peculiarities of ‘Eastern’ Russophobia”. This article is based on the author's report at the conference “East – West” of the Scientific and Historical Society “Vagantes”.

powers” that needed to fight back, despite the fact that for European society it was considered barbaric and Asian. Thus, within the framework of the report, the author attempts to characterize the Asianists' view of Russia's image and its role in the international arena. The method used is political-textual, discourse and content analysis.

Keywords: Asianism, pan-Asiatism, Russophobia, Japan, Toyama Mitsuru, Uchida Ryohei, Kita Ikki, Sugiyama Shigemaru, history of socio-political doctrines.

Введение

Азиатизм, или паназиатизм, в Японии конца XIX века стал не просто течением социально-политической мысли, но и сложным комплексом идей, часто противоречащих друг другу. Так, подобно калейдоскопу, он объединил в себе расовую теорию (Коноэ Ацумаро, Танака Морихей, Кита Икки), теорию азиатского монроизма (Канкичи Кодера), этического империализма (Кадзутани Укита), революционную теорию (Миядзаки Тотен) и др. Однако все они так или иначе предлагали собственный взгляд на развитие Азии в эпоху колонизации, войн и турбулентности, которая должна была привести к ее независимости и процветанию в виде «Великой Азии».

Общим мотивом работ паназиатистов стало объединение стран Тихоокеанского региона, а также изгнание европейцев с целью создания «Азии для азиатов». При этом следует отметить парадоксальную деталь: слово «Азия» в данных концепциях зачастую записывалось на катакане, японской азбуке для иностранных слов. В японской историографии до сих пор можно встретить точку зрения, согласно которой сама «идея Азии» является заимствованной у Запада [7].

Тем не менее для России изучение паназиатских проектов представляет особый интерес. В частности, исследования русофобии показывают, что на Западе русские зачастую воспринимались сквозь призму «азиатскости», как «дикари» и «варвары» [5, с. 133]. Вместе с тем с точки зрения стран Дальнего Востока Россия не являлась частью азиатского мира. Более того, она наравне с Великобританией, Францией, США считалась западной державой, враждебной Азии и ее интересам. Стоит отметить, что и на Западе, и на

Востоке данное явление было тесно связано с русофобией, под которой принято понимать «пламенную, слепую, неистовую враждебность к России» [5, с. 134].

В результате Россия как бы оказывалась не принятой ни западным, ни восточным сообществом. Для Запада она была Востоком, а для Востока – Западом. Подобная дихотомия в восприятии образа России, несомненно, подчеркивает уникальность ее положения в системе международных отношений. Это же приводило к тому, что и в европейской, и в азиатской политике разрешение «русского вопроса» занимало важное место в трудах философов и мыслителей. Не исключением стали и сторонники паназиатизма. Ведь даже в случае «изгнания европейцев» Российская империя продолжала оставаться «соседом» Азии, и игнорировать фактор ее присутствия в регионе оказывалось невозможным.

В связи с этим конструировать «азиатский проект», несомненно, следовало с учетом «русского вопроса» [5; 6; 7], который в Японии конца XIX – начала XX века достиг своего пика [2] и выразился в следующих жизненно важных для Страны восходящего солнца проблемах. Во-первых, «тройственная интервенция» в заключительный этап японо-китайской войны (1894–1895 гг.) была расценена как позор и вызвала значительное негодование внутри самой Японии, пробудив ненависть к России как к инициатору и бенефициару пересмотра условий Симоносекского договора. Во-вторых, еще больше разожгли антирусские настроения подавление боксерского восстания и «маньчжурский вопрос», связанный со строительством Россией железной дороги в Маньчжурии. В-третьих, вступление Японии в эпоху Мейдзи способствовало принятию западной концепции и развитию вектора на построение империи с колониями и зависимыми территориями, чему Российская империя явно препятствовала.

Таким образом, объектом исследования стал паназиатизм как сложный комплекс идей, возникший в Японии в конце XIX века и ставший отдельным направлением социально-политической мысли. Предметом выступили работы

сторонников и идеологов азиатизма, содержавшие описания Российской империи. Цель исследования – охарактеризовать и систематизировать взгляды паназиятистов на образ России и ее роль в системе международных отношений. Основными методами были выбраны case-study, сравнительный, политико-текстологический, дискурс- и контент-анализ.

Актуальность исследования связана с ростом напряженности русско-японских отношений в XXI веке, особенно обострившихся на фоне начала специальной военной операции на Украине. Следовательно, рассмотрение места России в «азиатских проектах» прошлого, отражающих японское представление о развитии Азии, имеет существенное значение для определения вектора развития современных русско-японских отношений. Ряд положений и выводов исследования содержит научную новизну: показана эволюция образа России в Японии конца XIX – начала XX века, раскрыты малоизученные аспекты и особенности японского паназиятизма, используются тексты, ранее не переведенные на русский язык.

Тояма Мицуру и Утида Рёхэй: мессианский проект

Одним из главных идеологов японского азиатизма начала XIX века по праву можно назвать философа и общественно-политического деятеля Тояму Мицуру. В японской историографии он также известен как создатель «имперского азиатизма» [9, с. 85], в основе которого лежит служение Сыну Небес (прим. Д.К. – императору), «драгоценному живому Богу во Вселенной» [13, с. 44]. Согласно идеям Тоямы, Японии следует соблюдать данный ей свыше «путь Императора», являющийся универсальным и находящийся выше всех иных учений, так как он включает в себя все уже существующие: «стремление Шакьямуни к Чистой Земле и любовь Христа – все это части пути Императора» [9, с. 84]. В итоге он приходит к выводу, что у Японии есть «великая миссия перед миром» [10, с. 45] и в будущем она должна стать «центром нравственности» [13, с. 44]. Препятствием для построения на

Востоке «идеальной страны человечности, справедливости и морали» служит «тирания белых» [13, с. 45].

Так, Тояма формулирует азиатский мессианский проект, на пути к реализации которого в качестве первого шага видит решение «китайского вопроса», неотъемлемо связанного с русской стороной. Россия для философа – часть «белого» Запада, недооценивавшего Японию: «После тяжелого поражения от Японии в русско-японской войне русские поняли, что недооценили Японию в прошлом» [11, с. 124]. И впоследствии ее, так же как и остальной мир, следует цивилизовать, даровав истинное учение «пути Императора»: «Япония будет продвигаться к этой цели (прим. Д.К. – реализации пути Императора), распространяя сначала дух пути Императора на Восток, а затем и по всему миру» [13, с. 45].

Воплощением мессианского проекта по освобождению Азии от «тирании белых» и созданию «единой мировой семьи» под эгидой «пути Императора», в свою очередь, занимались континентальные ронины [8, р. 1399]. В большинстве случаев ими называли японцев, странствовавших или проживавших на территориях материкового Китая, Маньчжурии, Сибири и Корейского полуострова. Обычно они разделяли идеи национализма, паназиатизма и посвящали жизнь служению отечеству, хотя формально и не занимали никаких должностей. Наиболее ярким лидером движения континентальных ронинов считается азиатист и радикальный националист Утида Рёхэй, племянник Хираоко Котаро, единомышленника Тоямы Мицуру. При поддержке Мицуру ему удалось создать целую организацию «Амурское общество» (или «Кокурюкай»). Впрочем, Утида и сам являлся континентальным ронином: он преподавал дзюдо в додзё во Владивостоке, совершил путешествие по Сибири, добрался до Петербурга и вернулся на родину тем же путем [4, с. 395–396].

В данном случае интересно проследить во взглядах Утиды схожесть с идеями Тоямы. Он также продолжает идею мессианской роли Японии в отношении Российской империи вместе с реализацией паназиатского проекта.

Точка зрения Утиды на дальнейшее развитие русско-японских отношений отразилась в его путевых заметках, сделанных во время путешествия по России. Он отмечает низкий уровень развития экономики страны: «Вообще в торгово-промышленном отношении Россия обнаруживает все признаки полумертвого государства» [2, с. 126]. Помимо этого, ронин критикует безнравственность дворянства, подчеркивая, что «девицы в России ещё до замужества вступают в отношения с мужчинами» [1, л. 282]. Утида описывает увиденное следующим образом: «В садах их постоянно можно видеть гуляющими парами и ведущими неприличные разговоры. В церквях, во время богослужения, можно наблюдать, как они бросают друг на друга сладострастные взгляды» [1, л. 282]. Вместе с тем он также пишет о тупости славян [2, с. 127], которая делает их неспособными к управлению собственными территориями [2, с. 125].

Ронин предлагает «помочь страдальцам» и как бы логически завершает линию великой миссии Японии, нации разума: «Нам жаль русских. Они так близки к европейским народам и так заброшены. Положительно нет у европейцев ни сострадания, ни сердца. Нельзя нам следовать их примеру, а нужно помочь страдальцам» [1, л. 288]. Аналогично Тояме он считает, что спасти мировое сообщество может лишь «совершенная и полная гармония» цивилизация, происходящая из синтеза цивилизаций «материальной» Европы и «духовной» Японии [2, с. 122]: «Распространение подобной цивилизации предстоит в нынешнем XX-м веке. С распространением ее не будет войн, не будет грубой силы; наступит идеальный мир» [1, л. 288]. Однако достижение всемирного благоденствия для него, как и для Тоямы, невозможно без «спасения Китая»: «Но для сего мы прежде всего должны спасти Китай и взяться за руководство Россией. При этом мы должны руководствоваться учением, существующим у нас уже три тысячи лет, учением о мудрости, любви и доблести» [1, л. 288].

Кита Икки и Сугияма Сигэмару: экспансионистский проект

Несколько иное прочтение русско-японских отношений предлагает японский писатель и политический философ Кита Икки, рассматривавший русско-японские отношения с позиций расовой теории. В начале XX века он был тем, кто настаивал на начале русско-японской войны (1904–1905), так как именно она, по его мнению, должна была стать «финальной точкой желто-белой гонки» [10, с. 116]. В отличие от мессианского проекта, он предлагал откровенно экспансионистскую программу действий. Кита выступал за расширение территорий и присоединение Сибири к Японии, исходя из того, что от этого зависят судьбы всех азиатских народов [10, с. 116–117]. Япония же, согласно философу, несла ответственность за защиту Китая и Кореи от «белых людей». Подобное «принятие удара на себя» рассматривалось им как акт искупления за японо-китайскую войну (1894–1895) [10, с. 117].

Более взвешенный план в дальнейшем, уже во время Гражданской войны в России, предлагал Сугияма Сигемару, азиатист и член патриотического общества Гэнъеся, возглавляемого Тоямой. Его идея заключалась в создании Сибирской республики как отдельного государства или, правильнее заметить, в применении «мягкой силы». Сигемару считает, что лучше отказаться от экспансионистских лозунгов: они только вызовут сопротивление среди населения. Лучше поспособствовать разделению России, а потом взять под свою опеку только что возникшее новое государство: «Надо содействовать строительству нового русского государства в Сибири, способствовать благосостоянию народа нового русского государства и заключить договор о защите с новым правительством» [13, с. 117]. Вместе с тем он, так же как и Икки, видит в Сибири ключ к выживанию Японии. Несмотря на все мессианские идеи о помощи народу Сибири, во главе угла для Сигемару стоят интересы родины, ее ресурсное обеспечение: «Даже если счастье сибирского народа будет на втором месте, на первом – будет выживание Японии» [13, с. 118].

Таким образом, можно заключить, что в трудах паназиатистов Тоямы Митцуру, Утиды Рёхэя, Кита Икки и Сугиямы Сигемару Россия не включается в пространство Азии. В рамках паназиатского проекта она либо выступает объектом для реализации мессианской роли Японии в мире (Утида и Тояма), либо как символ «белой расы», над которой во имя всех азиатских народов требуется одержать победу (Кита), либо как носитель жизненно важных для Азии, а в частности и Японии, ресурсов (Сугияма и Кита).

Список литературы

1. Извлечение из 2-го выпуска (апрель 1901 г.) «Известий Амурского общества», Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 4. Д. 481. Л. 280–288.
2. Болдин В.А., Кургинова Д.Ю., Ширинянц А.А. “We Feel Sorry for the Russians, ... We Need to Help the Sufferers” RussianStudiesHu, Boldin V. A., Kurginova D. Y., Shirinyants A. A. “we feel sorry for the russians, ...we need to help the sufferers” // RussianStudiesHu. 2023. no. 2. P. 121–136.
3. Кургинова Д.Ю. Россиеведение в Японии: от русофобии к научной дисциплине // Традиции и инновации в методике преподавания гуманитарных дисциплин: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (20-21 апреля 2023 г.). Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ. С. 267–272.
4. Танака Т. Утида Рёхэй: взгляд на Россию // Ежегодник Япония. 2012. Т. 41. С. 390–412.
5. Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология / А. Ю. Шутов, А. А. Ширинянц, О. Е. Сорокопудова [и др.] // Тетради по консерватизму. – 2015. – № 2. – С. 175–207.
6. Gutorov V.A., Myrikova A.V., Shirinyants A.A. Russophobia concept in modern political discourse // Political Expertise: POLITEX, 2023. Vol. 19, No. 2. PP. 166–177.
7. Gutorov V. A., Shirinyants A.A., Shutov A. Yu. Two civilizations: the relations of Russia and Western Europe at the beginning of the 21st century // Baltic Region. 2018. Vol. 10, No. 4. P. 132-141.
8. Japan. An Illustrated Encyclopedia. Tokyo: Kodansha, 1993.
9. Сага Такаши [嵯峨 隆] Подлинный азиатист Тояма Митцуру [頭山 満 —アジア主義者の実像] Чикума Шобо [筑摩書房] 2021.
10. Сага Такаши [嵯峨 隆] Полная история азиатизма 『アジア主義全史』 Чикума Шобо [筑摩書房] 2020.

11. Тояма Мицуру [頭山満] Сборник рассказов Тоямы Митцуру 『頭山満直話集』 Сёсисинсуй [書肆心水] 2007.
 12. Удзухико Асидзу [葦津 珍彦] Учение о Великой Азии и Тояма Митцуру [大アジア主義と頭山満] Нихон Кобунся [日本教文社] 1984.
- Загадочные люди Гэнъеся. Тояма Митцуру и его группа / Тояма Митцуру, Матоно Хансукэ, Сугияма Сигемару, Утида Рёхэй, Юмено Кюсаку [玄洋社怪人伝 — 頭山満とその一派 / 頭山満、的野半介、杉山茂丸、内田良平、夢野久作] Сёсисинсуй [書肆心水] 2013.

К сведению авторов

Правила предоставления рукописей для публикации в научном электронном журнале «Вестник ученых-международников»

В редакцию журнала предоставляется авторский оригинал статьи (на русском языке) в распечатанном виде (с датой и подписью автора) или в электронной форме по электронной почте, содержащей текст в формате «Word» (версия 1997–2003).

Весь текст набирается шрифтом TimesNewRoman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца — 0,7 см, абзацы четко обозначены.

Поля (в см): слева и сверху — 2, справа и снизу — 1,5. Нумерация — «от центра» с первой страницы. Объем статьи — до 20 тыс. знаков с пробелами (без учета аннотаций, ключевых слов, примечаний, списков источников).

Структура текста:

1. **Сведения об авторе / авторах на русском и английском языках:** имя, отчество, фамилия, должность, место работы, ученое звание, ученая степень, домашний адрес (с индексом), контактные телефоны (раб., дом.), адрес электронной почты, — размещаются перед названием статьи в указанной выше последовательности (с выравниванием по правому краю).

2. **Название статьи на русском и английском языках**

3. **Аннотация статьи на русском и английском языках** (3–10 строк) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах, размещается после названия статьи (курсивом).

4. **Ключевые слова на русском и английском языках** по содержанию статьи (8–10 слов), которые размещаются после аннотации.

5. **Основной текст статьи**, желательно разбитый на подразделы (с подзаголовками).

6. **Список источников и литературы**

Сокращения типа т.е., т.к. и подобные набираются через неразрывный пробел.

В тексте используются кавычки «...», если встречаются внутренние и внешние кавычки, то внешними выступают «елочки», внутренними «лапки».

В тексте используется длинное тире (-), получаемое путем одновременного нажатия клавиш «Ctrl» + «Alt» + «-», а также дефис (-).

Таблицы, схемы, рисунки и формулы в тексте должны нумероваться; схемы и таблицы должны иметь заголовки, размещенные над схемой или полем таблицы, а каждый рисунок — подрисуночную подпись.

Список источников и литературы оформляется в соответствии с принятыми стандартами и выносится в конец статьи. Источники даются в алфавитном порядке (русский, другие языки). Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках [номер источника в списке, страница].

Примечания нумеруются арабскими цифрами (с использованием кнопки меню текстового редактора «надстрочный знак» — x2). При оформлении

библиографических источников, примечаний и ссылок автоматические «сноски» текстового редактора не используются.

Подписуемые подписи оформляются по схеме: название/номер файла иллюстрации — пояснения к ней. Номера файлов в списке должны соответствовать названиям/номерам предоставляемых фотоматериалов.

Иллюстративные материалы — в электронной форме (фотография автора обязательна, иллюстрации) — отдельными файлами в форматах TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Не допускается предоставление иллюстраций, импортированных в «Word», а также их ксерокопий.

Ко всем изображениям автором предоставляются подписуемые подписи (включаются в файл с авторским текстом).

Заполненный в электронной форме Договор авторского заказа (высылается дополнительно).

Рецензия обязательна для всех авторов статей, кроме тех, кто входит в Редакционный совет или Редакционную коллегию Журнала. Рекомендательное письмо научного руководителя обязательно для публикации статей аспирантов и соискателей.

Авторы статей несут ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не всегда разделяет мнения авторов и не несет ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Редакция вправе изъять уже опубликованную статью, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

О факте изъятия статьи редакция сообщает автору, который представил статью, рецензенту и организации, где работа выполнялась.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Статьи и предоставленные тексты, другие материалы не возвращаются.

Статьи, оформленные без учета вышеизложенных Правил, к публикации не принимаются.

Правила составлены с учетом требований, изложенных в приказе Министерства образования и науки РФ от 25.07.2014 № 793.

The rules for submission of manuscripts for publication in the Academic periodic electronic journal «IR SCIENTISTS HERALD»

In the journal is the author's original article (in Russian) in printed form (with date and signature of the author) and in electronic form containing the text in Word (version 1997-2003).

All the text is typed in Times New Roman Cyr, font 14 pt, with single line spacing. The indents at the beginning of the paragraph — 0.7 cm, paragraphs clearly marked. Field (in cm): left and top — 2, right and bottom is 1.5. Numbering — «from the heart» from the first page. The volume of the article — to 20 thousand characters with spaces (excluding abstracts, keywords, notes, list of sources).

The structure of the text:

Information about author / authors: name, patronymic, surname, position, affiliation, academic title, academic degree, address (including zip code), phone numbers (work, home), the email address is placed before the title in the above sequence (right-aligned).

The title of the article

The abstract (lines 3-10) on the relevance and novelty of the topic, the main substantive aspects, is placed after the article title (in italics).

Keywords on the content of the article (8-10 words), which are placed after the abstract.

The main text of the article, preferably split into sub-sections (with headings).

The initials in the text are drawn through a non-breaking space name (by pressing the keys «Ctrl» + «Shift» + «space»). Between the initials no spaces.

Reduction type i.e., as and the like are drawn through a non-breaking space.

In the text, use quotation marks «...», if there are internal and external quotation marks, the external act «Christmas tree», the internal «legs».

The text uses a dash (-), obtained by simultaneously pressing the keys «Ctrl» + «Alt» + «-», and the hyphen (-).

Tables, charts, figures, and formulas in the text should be numbered; diagrams and tables should have captions placed above the diagram or table field, and each picture is a caption.

List of references / sources used (if included in the list of electronic resources) shall be in accordance with accepted standards and shall be made at the end of the article. Sources are given in alphabetical order (Russian, other languages). Reference to the list in the main text are given in square brackets [the number of the source in the list, the page]

Notes are numbered with Arabic numerals (using the menu buttons text editor «Superscript a» — x2). In the design of bibliographic sources, notes and references automatic «footnotes» text editor is not used. «Footnote» is given in the interlinear on the 1st page in case the instructions on the continuation of the article and/or the source of the publication.

Captions are under the scheme: name/file number of illustrations notes thereto (what/who is where; for images of book covers and their contents bibliographic

description; etc.). The file numbers in the list must match the names/numbers of the provided photographs.

Materials in English — about the author/authors, title, abstract, keywords (in hard copy and in electronic form (second separate file on a email) containing the text in Word (version 1997-2003).

Illustrative materials in electronic form (photo by the author, illustrations) — separate files in TIFF/JPG with resolution not less than 300 dpi.

Not permitted to provide illustrations, imported into «Word» and also the copies thereof.

All images by the author include captions (included in file with the author).

Filled in the electronic form of the Contract of author's order (sent separately)

Recommendation letter of the supervisor — required for the publication of articles by graduate students and applicants.

The authors are responsible for the content of the articles and for the fact of their publication.

The editors do not always share the views of the authors and is not responsible for the inaccuracy of published data.

The editorial Board assumes no responsibility to the author and/or third parties and organizations for any possible damage caused by the publication.

The editors have the right to withdraw the published article, if it turns out that in the process of publishing the article were violated someone's rights or generally accepted norms of scientific ethics.

The fact of withdrawal, the editorial Board informs the author who submitted the article, the reviewer and the organization where the work was performed.

Articles and other materials will not be returned.

The articles prepared without taking into account the above Rules, it will not be accepted.

These arrangements meet the requirements set by the letter of Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of Russia 25.07.2014 № 793

Научный электронный периодический журнал
ВЕСТНИК УЧЁНЫХ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ
2024. № 2 (28)

ISSN: 2687-0193

Издается Советом молодых ученых Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Адрес редакции журнала: 119021, г. Москва, Остоженка 53/2 стр. 1, каб.220

Адрес электронной почты: vestnik-smu-da@yandex.ru

Электронный адрес размещения выпуска журнала:

1. <http://www.dipacademy.ru/periodical/zhurnal-vestnik-molodykh-uchenykh-i-diplomatov/>
2. <http://www.vestnikum.ru/>

Научный редактор выпуска журнала: Сидорова Г.М. (д.п.н., профессор),
Козюлин В.Б. (к.п.н.),

Редакционная коллегия выпуска журнала: Шангараев Р.Н. (д.п.н., к.э.н.),
Тимакова О.А. (к.п.н.), Козюлин В.Б. (к.п.н.), Анисимов И.О. (к.ю.н.),
Гуляева Е.Е. (к.ю.н.), Фаустова Н.А. (к.ф.н.), Кашина А.А. (к.п.н.),
Мартынова Д.О. (к.п.н.),

Выпускающий и ответственный редактор выпуска журнала:
Тимакова О.А. (к.п.н.)

Верстка: Р.Н. Шангараев

Оформление: Р.Н. Шангараев

Опубликовано: